

Защита Зимняго Дворца

(25 октября — 7 ноября 1917 г.)

Александра Синегуба

Въ восемь часовъ утра я былъ уже въ Школѣ и сидѣлъ въ канцеляріи, постепенно входя въ свою тяжелую роль адъютанта Школы. — «Пройдутъ эти дни ожиданія выступленія Ленинцевъ, наладится курсъ для государственной жизни родины, и я тогда подамъ рапортъ объ отставкѣ. — Въ деревнѣ моя работа будетъ полезнѣе, чѣмъ здѣсь среди заговоровъ тѣхъ, кто самъ не отдаетъ себѣ отчета въ послѣдствіяхъ, кто личное ставитъ выше народнаго благополучія... Какъ распинались въ «Колхидѣ», сколько таинственности и вѣрныхъ доказательствъ! Смѣшно... Нѣтъ довѣрія другъ къ другу, а запрягаются въ возъ, должный вывезти Россію на свѣтлый путь жизнедѣятельности. Никакой самодѣятельности, спаянности. А о любви къ Родинѣ и ужъ говорить нечего! Словно это — молодчики, тучами являющіеся въ послѣднее время въ Школу для поступленія въ юнкера и цинично-откровенно объяснявшіе свои побужденія, толкающія ихъ именно въ нашу Школу. Одни стоятъ другихъ: — одинаковые карьеристы тыла» — злобно размышлялъ я, почему-то припоминая случай третьяго дня во время пріема съ предложенной мнѣ взяткой... «А это что?» — прервалъ я невеселыя думы, во время механической подписи размноженныхъ на гектографѣ повѣстокъ къ педагогическому персоналу Школы... «Телюкинъ!» — позвалъ я старшаго писаря, такъ гордившагося, несмотря на свое нынѣшнее эс-эрство, бывшей службой въ личной канцеляріи Государя-Императора.

«Что прикажете?» — выросъ съ вопросомъ передъ мною позванный унтеръ-офицеръ.

«Почему эта телеграмма изъ Главнаго Штаба въ очередномъ докладѣ, кто ее вскрылъ и почему не доложена мнѣ, какъ только я пришелъ?» — задалъ я вопросы Телюкину, внутренне волнуясь и едва воздерживаясь отъ повышения тона, чтобы этимъ не привлечь вниманія юнкеровъ, зашедшихъ въ канцелярію по дѣламъ службы, а главное тѣхъ разночинцевъ, которые уже успѣли явиться за какими-то справками къ дежурному писарю. — «Это дежурный офицеръ сюда положили; она исполнена, Ваше Высокоблагородіе; сегодня ночью я дежурилъ, и когда пришла телеграмма, то я лично позвонилъ къ Начальнику Школы и ее по приказанію Начальника Школы я вскрылъ и прочиталъ имъ въ телефонъ. Такъ что вы не извольте беспокоиться. Начальникъ Школы лично пріѣзжалъ сюда и сами отдали распоряженія. И сейчасъ въ Главномъ Штабѣ находятся

паши юнкера для связи, также посланы юнкера въ Николаевское Инженерное Училище, Николаевское Кавалерійское Училище, а двое изъ членовъ Совѣта Школы направлены въ личное распоряженіе товарища Керенскаго», — нагибаясь своей длинной фигурой ко мнѣ, конфиденціально доложилъ Телюкинъ.

«А это что-нибудь да значить, если даже посланы юнкера непосредственно къ главѣ Временнаго Правительства. Значить, Главному Штаву не особенно того», — читалъ я въ его глазахъ. Но чтобы не показать виду, что я его понялъ — а главное, что онъ правильно подчеркнул послѣднія распоряженія Начальника Школы — я задалъ вопросъ о томъ, почему онъ, а не дежурный офицеръ принималъ телеграмму изъ Главнаго Штаба.

Отвѣтъ былъ, къ сожалѣнію, самый неожиданный и лишній разъ обрисовывающій и правы офицерства Школы, и то паденіе не только военной дисциплины, но просто даже честнаго порядочнаго отношенія, если не къ долгу и обязанностямъ, то къ оплатѣ труда, просто къ двадцатому числу. Дежурный офицеръ поручикъ Б—овъ, изъ прапорщиковъ запаса мирнаго времени, оказался, ушелъ спать къ себѣ на квартиру.

«Но почему же вы, Телюкинъ, не позвонили сперва мнѣ, не послали за мной. Вѣдь я васъ и всѣхъ писарей столько разъ просилъ обо всемъ экстренномъ и внезапномъ немедленно увѣдомлять меня. Особенно, васъ», — попрекнулъ я своего друга. Телюкинъ затоптался и, не выдерживая моего настойчиваго вопросительнаго взгляда, зачесалъ свой несоразмѣрно длинный носъ. «Почему? . . . Забыли, да? . . .» «Никакъ нѣтъ, я сперва хотѣлъ это сдѣлать, но потомъ рѣшилъ, что разъ телеграмма изъ Главнаго Штаба, да и курьеръ передавалъ, что она особой важности, вамъ все равно придется звонить къ Начальнику Школы, и дежурный юнкеръ совѣтывали прямо позвонить къ Начальнику, а къ тому же они говорили, что вчера вы всю ночь провели въ канцеляріи и что и сегодня около двухъ часовъ ночи заходили въ Школу». «Ну ладно, ладно; идите и пошлите горниста за дежурнымъ офицеромъ, да еще Панову прикажите составить списокъ юнкерамъ, ушедшимъ въ связь, и позвоните въ 1-ую роту, чтобы сейчасъ прислали дневникъ нарядовъ». И только Телюкинъ вышелъ, я снова впился въ телеграмму. «Начинается», — заработала мысль. А вѣдь на улицахъ было тихо и движеніе было обычное. Вспомнилъ я Кировую и Литейный Проспектъ, на которыхъ по обыкновенію послѣднихъ дней прошелся передъ службой, чтобы взглянуть на Неву и на Выборгскую Сторону. «Однако, много думать не приходится», — заключилъ я свои размышленія, вставая изъ-за стола, чтобы пойти въ кабинетъ Начальника Школы и посмотрѣть на блокъ-ногъ, въ который онъ, въ моменты моего отсутствія, вносилъ тѣ распоряженія, которыя должны были идти черезъ меня. Но не успѣлъ я подойти къ двери въ корридоръ, какъ она отворилась и передо мной появился юнкеръ II-ой роты Исаакъ Гольдманъ съ винтовкой въ рукахъ и патронной сумкой на поясѣ. Но возбужденнымъ глазамъ, молодцеватой выправкѣ и учащенному дыханію я сразу догадался, что это одинъ изъ юнкеровъ связи, явившійся, очевидно, съ новостями, должными сыграть какую-то роль. «Здравствуйте, юнкеръ! закройте дверь. Откуда? Съ чѣмъ?» «Изъ Главнаго Штаба съ запиской о немедленной готовности Школы къ выступленію . . . Въ Штабѣ паника . . . Никто ничего не дѣлаетъ . . . Подобныя же распоряженія посланы въ другія Школы и части».

«Петронавловка на нашей сторонѣ. Тамъ говорили, что у Финляндскаго вокзала сосредоточилась тяжелая артиллерія, перешедшая на сторону Ленинцевъ. Но это ничего. Пѣхота и казаки объявили нейтралитетъ, но и это ничего. Если

придутъ войска изъ Гатчины, Царскаго Села, то положеніе будетъ возстановлено быстро и безъ насъ; но если они запоздають, то намъ придется идти арестовывать Ленина, образовавшаго какое-то новое правительство изъ коммунистовъ», — докладывалъ юнкеръ слышанное имъ въ Главномъ Штабѣ, пока я вскрывалъ и читалъ принесенное имъ приказаніе. «Прекрасно, можете идти», — отпустилъ я юнкера. «Вы ѣли уже сегодня?» — справился я. «Никакъ нѣтъ, насъ въ четвертомъ часу отравили въ связь. И товарищи просили, чтобы имъ прислали или смѣну, или пищу». «Хорошо, идите въ роту и передайте фельдфебелю, чтобы онъ послалъ смѣну, вы же оставайтесь въ Школѣ». «Телюкинъ! — позвалъ я снова писаря. — Гдѣ же списокъ юнкерамъ связи? Живо! Да идите сами сюда съ машинкой». Черезъ минуту я уже диктовалъ: «Приказаніе командирамъ 1-ой и 2-ой ротъ. По приказанію изъ Главнаго Штаба немедленно» . . . . . машинка стучала подъ длинными, тонкими пальцами виртуоза своего дѣла, и я едва успѣвалъ комбинировать тѣ распоряженія, которыя могли своимъ исполненіемъ выполнить приказаніе Штаба. «Пулеметы получить у Завѣдывающаго оружіемъ», диктовалъ я, а въ головѣ паростало сомнѣніе. А вдругъ, нестроевая команда, объявившая нейтралитетъ, на этотъ разъ видя, что дѣло приняло характеръ разрѣшенія для Ленина вопроса — «быть или не быть», перемѣнитъ свое рѣшеніе и перейдетъ въ открытую оппозицію. Тогда пулеметы, револьверы и патроны командиры ротъ не получаютъ. «Здравствуйте, Александръ Петровичъ», — привѣтствовалъ меня поручикъ Шумаковъ, войдя въ этотъ моментъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я получилъ записку поручика Б—ва. Онъ боленъ и продолжать дежурство онъ не можетъ и проситъ меня замѣнить его. Вамъ это извѣстно?» — «Нѣтъ, что за сволочь!» — теряя хладнокровіе и забывая присутствіе солдата, выругалъ я нарушившаго дисциплину поручика. «Не я буду, если онъ не полетитъ подъ судъ. Спасибо, дорогой, что вы пришли. Сейчасъ же приступайте къ дежурству. Ага! хорошо, Пановъ. Позвоните на квартиру Начальника Школы, узнайте, гдѣ онъ; потомъ пошлите за капитаномъ Галіевскимъ, онъ долженъ быть въ первой ротѣ. А, полковникъ Киткинъ пришелъ? Да? Конечно, у него другого дѣла нѣтъ, какъ бесѣдовать съ юнкерами», — отнесся я уже къ поручику Шумакову, послѣ ухода являвшагося писаря. «Борисъ, наладь этотъ вопросъ, ты знаешь, оказывается, Мейснеръ до сихъ поръ не привелъ въ порядокъ пулеметовъ, а револьверы у этого мерзавца Кучерова. Его второй день, подлеца, въ Школѣ нѣтъ. Запилъ. И нашелъ же время! Нѣтъ. . . я не могу дальше. Этакъ съ ума сойдешь. Согласись, что это форменный бедламъ; а тутъ у меня все болитъ», — началъ я жаловаться на свои недомоганія, какъ вошелъ Телюкинъ и доложилъ о пріѣздѣ Начальника Школы. «Ну, слава Богу! Борисъ, тебѣ Телюкинъ все объяснить по этому вопросу, а я къ Полковнику», — и я бросился изъ кабинета черезъ канцелярію, чтобы бѣжать съ докладомъ къ Начальнику Школы. Канцелярія была полна юнкерами и штатскими разночинцами; едва я вошелъ въ нее, какъ меня засынали какими-то вопросами и просьбами. — «Потомъ, потомъ», — отмахнулся я отъ нихъ. «Господа юнкера, оставьте ваши личныя дѣла и освободите канцелярію. Штатскихъ сегодня не принимать. Всѣ справки прекратить», — отдалъ я распоряженія экспедитору. «Вы господа, — обратился я къ частнымъ посѣтителемъ, — будьте любезны въ слѣдующій разъ зайги», — говорилъ я уже у двери въ корридоръ.

— «Здравствуйте, закройте дверь; доклада не надо — все знаю; теперь не время. Я уже приказалъ портупей-юнкеру Лебедеву собрать Совѣтъ

Школы и Комитетъ юнкеровъ. И сейчасъ я долженъ идти туда. Вы же прикажите прекратить всякіе приемы. Въ Школѣ не должно быть никого изъ постороннихъ. Сдѣлано? Отлично! О Мейснерѣ, Б—вѣ — знаю. Всѣ телеграммы знаю. Изъ Главнаго Штаба? Одна проформа. У меня, повторяю, все ясно и налажено. Все измѣнилось. Разсказывать нѣтъ времени. Что выйдетъ, — посмотримъ. Я же рѣшилъ выступить, если юнкера не перемѣнили настроеніе. Во всякомъ случаѣ, выступлю съ желающими. Господамъ же офицерамъ приказываю послѣдовать за мною. Считаю, что это вопросъ долга и чести. Не сомнѣваюсь, что и вы будете тамъ, гдѣ и я», — ровно, спокойно, безъ единой вибраціи въ тонѣ, твердо и безъ рисовки говорилъ Начальникъ Школы. «Итакъ, будьте болѣе внимательнымъ, а главное — выдержаннымъ. Забудьте, пожалуйста, канцелярію и вспомните свои позиціи и проявите себя тѣмъ офицеромъ, какимъ вы были до этого проклятаго времени», — продолжалъ, улыбаясь, онъ. «Ну, можете идти. Всѣ распоряженія — послѣ совѣщанія. Сейчасъ никакихъ. Да приготовьте свое оружіе. А, здѣсь? Ну, это прекрасно!» — кончилъ свой приемъ, отпуская меня, Начальникъ Школы. Я щелкнулъ шнорами, повернулся и взялся за ручку двери, какъ легшая на мое плечо рука остановила меня. Я повернулся. Въ головѣ было пусто. Ни одной мысли... «Вотъ что, Саня», — съ грустью въ своихъ большихъ голубыхъ глазахъ, тихо заговорилъ уже не Начальникъ Школы, а мой любимый, старшій братъ, — «Все пошло къ черту! Кто-то предалъ. Временному Правительству не удержаться. Только чудо можетъ спасти его. Ни одинъ изъ плановъ не примѣнимъ, и черезъ три дня также не сброситъ большевиковъ. — Они будутъ еще сильнѣе. Все должно быть построено иначе. И уже конечно не нами... Я простился съ семьей и написалъ письма родителямъ... Ты тоже напиши... Они насъ поймутъ. Я съ тобою должны погибнуть. Миѣ только жалко юнкеровъ. Но ты вѣдь понимаешь меня. Мы вѣдь дворяне и разсуждать иначе не можемъ. А тамъ, какъ Богъ... Съ нами будетъ Галиевскій. Ну, бодрись. И иди», — и поцѣловавъ меня, онъ слегка подтолкнулъ меня къ двери. Я вышелъ словно въ туманѣ, не понимая, гдѣ, куда и зачѣмъ иду. «Капитанъ Галиевскій, голубчикъ, постойте минутку!» — пискнулъ я въ полутемномъ корридорѣ на художавую фигуру куда-то спѣшившаго капитана. «Здравствуйте, послали смѣну юнкерамъ?»

— «А! Александръ Петровичъ!.. Ну какъ же, какъ же, послалъ. Ну что, другъ мой, повоюемъ нынче, а?»

— «Да, да, придется. Жаль только, что обстановка мѣняется».

— «Плевать! Я очень радъ, что не ошибся въ васъ, при приемѣ васъ въ школу. Только мы, стараго покроя офицеры, и можемъ еще что-нибудь дѣлать. А Б—овъ хорошъ? А? Не даромъ же я пересталъ подавать ему руку. Присяжный повѣренный несчастный — туда же, въ офицеры полѣзъ. Понимаю я его болѣзни. Трусъ! Начальникъ Школы приказалъ ему явиться. Ахъ, голубчикъ, что я вамъ посоветую», — продолжалъ капитанъ, когда мы остановились у канцеляріи. «Вы вотъ здѣсь не были въ февралѣ, да и нестроевую команду хорошо не знаете, вѣдь въ ней ни одного порядочнаго человѣка нѣтъ; такъ вотъ вамъ я и говорю — вы на всякій случай снесли бы къ себѣ на квартиру, что у васъ поважиѣе есть, а главное ничего собственнаго, ничего не оставляйте. Ну, бѣгу въ роту. Надо къ пулеметамъ замки наладить. Эти прохвосты мало того, что ключи потеряли отъ склада, такъ что миѣ пришлось приказать взломать дверь, да еще замки съ пулеметовъ носнимали и куда-то запрятали. Да,

будьте, дорогой Александръ Петровичъ, осторожиѣе съ Мейсперомъ. Онъ что-то крутитъ. Этотъ почище Б—ова будетъ», — шопотомъ закончилъ капитанъ и понесся дальше, а я вошелъ въ канцелярію. На этотъ разъ въ ней было пусто. Писаря, очевидно, пошли на собраніе пестроевой команды и только Телюкинъ складывалъ со стола бумаги въ ящикъ. Въ кабинетѣ я засталъ Бориса Шумакова, сидящаго въ развалку и сладко позѣвывавшаго. «Вотъ, другъ, какъ падо дѣйствовать! Надѣюсь, доволенъ?» — встрѣтилъ меня онъ вопросомъ.

«Дрянъ дѣло, но я съ наслажденіемъ буду всаживать въ эту провокаторскую мерзость пульки изъ моего любимчика», — снова заговорилъ онъ, поглаживая увѣсистый наганъ, болтавшійся сбоку въ кожаномъ чехлѣ на поясѣ. — Сами работать не хотятъ и другимъ не даютъ. Ну, что-жъ, что сѣють, — то и пожнутъ. А ты чего копаешься со своимъ снаряженіемъ? Тоже готовишься идти? Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ оставаться въ Школѣ. Тебѣ тамъ не мѣсто. И безъ тебя, слава Богу, есть кому идти. Смотри, на что ты похожъ?» — перемѣнилъ мой другъ резонерскій тонъ на подкупающую убѣдительность.

«Ты не правъ, Борисъ. Именно мнѣ, тебѣ, Галиевскому, однимъ словомъ, намъ, старикамъ, тамъ мѣсто и въ первую голову. Я думаю, я надѣюсь, что тамъ все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будетъ. Помнишь, я рассказывалъ, что когда я девятнадцатаго числа ѣздилъ съ докладомъ въ Главный Штабъ, то передъ Зимнимъ и передъ Штабомъ стояли вереницы офицеровъ въ очереди за полученіемъ револьверовъ».

— «Ха-ха-ха», — перебилъ меня, раздражаясь смѣхомъ, поручикъ. — «Ну и наивенъ же ты. Да вѣдь эти револьверы, эти господа петербургскіе офицеры, сейчасъ же по полученіи продавали. Да еще умудрялись по нѣсколько разъ ихъ получать, а потомъ бѣгали и справлялись, гдѣ это есть большевики, не купятъ ли они эту защиту Временнаго Правительства. Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же! Петроградскаго гарнизона не знаетъ!..» заливался Шумаковъ. — Мнѣ стало весело отъ этой неудержимой молодой задорности друга, и вдругъ я вспомнилъ, что ничего еще не ѣлъ, а потому предложилъ ему пойти позавтракать.

— «Бсть не хочу, а выпить не вредно», — рѣшилъ онъ, подымаясь и беря меня подъ руку. «Выпить?» — переспросилъ я. Въ столовой никого изъ собранской прислуги не оказалось и такъ какъ до обѣда еще оставалось около двухъ часовъ, то мы и рѣшили пойти на кухню и что-нибудь высмотрѣть на закуску къ вину.

— «Здравствуйте!»

— «Здравствуйте, баре-голубчики. Добро пожаловать», — привѣтствовала насъ кривоглазая Фекла, кухарка за повара.

— «Здравствуйте, красавица», — пробасилъ Борисъ. «Ага, картошечка подрумянивается. Добро. Мы вотъ сейчасъ малость закусить хотимъ, красавица, и за ваше доброе сердце по стаканчику вина выпить, чтобы женишокъ поскорѣ къ вамъ заявился», — продолжалъ онъ подшучивать надъ кухаренціей.

— «Сейчасъ, сейчасъ, батюшка. Ужъ для васъ, какъ для сынковъ родныхъ», — сладостно пѣла скрипучимъ тонкимъ тономъ Фекла. «Да вы извольте присѣсть, соколики мои ясные. И куда это парни дѣвались? Совсѣмъ народъ замутился. Все одна хлопочу. И дрова принесу, и картошку очищу, а они, черти, знай семки лускаютъ и лясы на собраніяхъ точатъ. И что это, скажите мнѣ, Христа ради, дѣлается на нашей православной землѣ», — внезапно

перешла на плаксивый тонъ Фекла, лишь только захлопнулась дверь за ушедшимъ ополченцемъ. «Въ нестроевой сказывали, что будто-съ вы юнкерей рабочій народъ разстрѣливать вести хотите... Да я вѣры не дала... Да еще напустилась на смутьяновъ-то нашихъ. Лодыри окаянныя!.. Статочное ли дѣло, говорю, чтобы наши господа, мухи никто изъ нихъ не обидѣлъ, да на душегубство пошли. Это имъ, треклятымъ, чужіе погреба дай пограбить, какъ давеча Петровскій вылакали — проды... Лишь Павлуха миѣ шкаликъ далъ... Я вотъ имъ и сказываю, что ежели да наши офицеры, ужъ если и пойдутъ, то правду одну съ собою понесутъ, которая вамъ, дармоѣды, глаза палитъ», — кинялась Фекла, забывъ о картошкѣ и о цѣли нашего прихода. Поручикъ Шумаковъ, не выносившій, въ противоположность миѣ, болтовни на злободневныя темы, началъ уже рыться въ ящикахъ стола, отыскивая штопоръ, какъ вбѣжалъ посыльный и подалъ записку отъ Начальника Школы. Въ ней намъ приказывалось немедленно собрать всѣхъ паличныхъ чиновъ Школы въ гимнастическомъ залѣ, для производства Общаго Собранія, а также указывались пѣкоторые мѣры на случай скорого выступленія Школы. Штопоръ не находился, тонъ записки былъ очень категориченъ, а поэтому терять время на то, пока Фекла сбѣгаетъ за другимъ — не приходилось. И мы, огорченные неудачей, не солоно хлѣбавши, покинули кухню, оставивъ почуввавшую что-то недоброе Феклу завывать во всѣ ея легкія. Выйдя въ корридоръ Школы, мы разстались. Поручикъ Шумаковъ, какъ дежурный офицеръ, отправился къ телефону передавать соответствующія приказанія дежурнымъ юнкерамъ по ротамъ и господамъ офицерамъ, а я помчался въ канцелярію писать допускъ къ запаснымъ вшитовкамъ, находившимся подъ охраной караула на внутреннемъ балконѣ гимназическаго зала.

Въ десять часовъ 45 минутъ огромная буфетная зала, съ идущимъ вдоль внутренней стѣны балкономъ, была запружена юнкерами, среди которыхъ отдѣльными группами размѣстились члены нестроевой команды. Кое кто изъ господъ офицеровъ тоже уже находились въ залѣ, стараясь держаться въ сторонѣ отъ возбужденныхъ юнкеровъ, стремясь этимъ предоставить полную свободу фантазированію на злобу грядущихъ событій. Я, всей душою ненавидящій этотъ новый сортъ собраній въ средѣ военной корпораціи, съ чувствомъ глубочайшей горести и боли ожидалъ начала параднаго представленія. Я сидѣлъ и, наблюдая, мучился. А вокругъ — горящіе глаза, порывистые разговоры, открытая прямота и страстные партійныя заявленія. Лишь двѣ, три малочисленныя группы держались въ сторонѣ и внимательно вглядывались то въ колышущуюся массу юнкеровъ, то на двери, въ которыя должны вотъ-вотъ войти члены Совѣта Школы.

— «Что призадумались, Александръ Петровичъ?» — подошелъ ко миѣ съ вопросомъ сѣдовласый капитанъ Галиевскій. «Не по нутру парадное представленіе? Что дѣлать, голубчикъ; намъ, очевидно, этого не понять. Но я такъ думаю, разъ Александръ Георгіевичъ это дастъ, значить, это надо. Да и трудно въ наши злые дни. Эхъ, не война бы съ пѣмцами, — я и минутки не остался бы въ этомъ царствѣ болтологіи. Однако, долго что-то не идутъ, вѣдь еще масса работы», — и капитанъ началъ перечислять, что ему надо еще сдѣлать и что и какъ онъ уже сдѣлалъ.

Мы такъ погрузились въ бесѣду, что не замѣтили, какъ вошли члены Совѣта Школы, а также остальные господа офицеры Школы, успѣвшіе прибыть къ этому времени. И только, послѣдовавшая при входѣ Начальника Школы, команда

— «смирно, господа офицеры!» — пропѣтая помощникомъ Начальника Школы — вернула насъ къ сознанию горькой трагической дѣйствительности. Въ залѣ настала тишина и нависла всеобщая напряженность. Всѣ смотрѣли туда, впередъ, гдѣ передъ лицомъ зала, на составленныхъ подмосткахъ отъ классныхъ кафедръ — располагались члены Совѣта и вошедшій его предсѣдатель, Начальникъ Школы. Процедура открытія засѣданія быстро смѣнилась докладомъ о побужденіяхъ, толкнувшихъ Совѣтъ Школы на производство такового.

Оказалось, что передъ Совѣтомъ Школы встала дилемма разрѣшенія вопроса объ отношеніи къ текущему моменту, требовавшему выясненія отношенія Школы къ Временному Правительству, къ мѣропріятіямъ послѣдняго въ борьбѣ съ новымъ, выросшимъ зломъ, въ лицѣ Ленина и исповѣдуемой имъ идеологіи, все болѣе и болѣе увлекающей сырыя рабочія массы Петрограда и войскъ. Конечно, Совѣтъ Школы не колеблясь принялъ въ принципѣ твердое рѣшеніе слѣдовать всѣмъ послѣдующимъ мѣропріятіямъ существующаго до момента открытія Учредительнаго Собранія Правительства. Ввиду особо необычнаго момента и положенія Правительства, — Совѣтъ Школы предложилъ комитетамъ юнкеровъ и нестроевой команды произвести совмѣстное засѣданіе по заслушаннымъ Совѣтомъ Школы вопросамъ. Однако, отъ означеннаго засѣданія Комитетъ нестроевой команды уклонился, делегировавъ для информации своего предсѣдателя — старшаго унтеръ-офицера Сидорова. Состоявшееся собраніе приняло въ принципѣ рѣшенія Совѣта, а равно постановило — произвести общее собраніе Школы для разсмотрѣнія принятыхъ резолюцій. И вслѣдъ за докладомъ, послѣдовало чтеніе резолюціи по подвергавшимся обсужденію вопросамъ. Во все время доклада въ залѣ, собравшемъ въ себѣ около 800 человекъ, царилъ жуткая по своей напряженности тишина. Ни звука одобренія, ни шелеста жестовъ отрицанія, ничто не нарушало тишины со всасывающимся въ нее мѣрнымъ чтеніемъ ровнаго въ своихъ нотахъ голоса секретаря Совѣта, портупей-юнкера Лебедева. Чтеніе кончено. Моментъ — и объявляется открытіе преній. Вздохъ облегченія вырвался изъ сгрудившейся аудиторіи. Вотъ входитъ на кафедру первый ораторъ.

Это лидеръ кадетской партіи. Школы юнкеръ Х. И краткій, горячо-страстный призывъ полился къ слушателямъ. Ораторъ находилъ не только необходимымъ принятіе резолюціи Совѣта Школы, но и всѣхъ возможныхъ активныхъ, немедленныхъ мѣропріятій, которыя не только войдутъ въ Школу съ верха іерархической лѣстницы власти, но о которыхъ сейчасъ же надо просить Начальника Школы и гг. офицеровъ Школы. Порывистыя требованія слѣпое подчиненія лишь офицерству Школы, лишь военнымъ законамъ, стоящимъ виѣ всякихъ совѣтовъ и комитетовъ, вызываетъ бурю аплодисментовъ и восторженный гулъ одобренія, за которыми оратора не слышно. Я оборачиваюсь на залъ и весь ухожу въ исканіе протеста. «Онъ долженъ быть!» — говорю я себѣ. «Да, онъ тамъ», — ловлю я легкое движеніе въ обособившихся группахъ, еще ранѣ замѣченныхъ мною. «Посмотримъ и послушаемъ; это становится интереснымъ», — летитъ мысль въ головѣ и останавливается отъ звонка и отъ наставшаго успокоенія. Говоритъ уже новый ораторъ, тоже лидеръ, но уже эсъ-эръ. «Странное дѣло», — ловлю я себя на критикѣ выступленія оратора. «А гдѣ же стрѣлы въ огородъ кадетъ? Что такое? И вы идете дальше рѣшенія объединеннаго засѣданія Совѣта Школы и комитета юнкеровъ? И вы предлагаете съ момента военныхъ дѣйствій передать всю власть офицерству Школы, запрещая какія либо вмѣшательства членамъ Совѣта и комитета? Да, вѣдь

это обратное явление августовскому собранію по вопросу конфликта Корнилова съ Керенскимъ», — припомнилъ я дико потрясшую меня рѣчь юнкера князя Кудашева. «Ахъ, да! . . . Вѣдь Керенскій — эсъ-эръ. Онъ вашъ. Да, да . . . Я теперь понимаю. Понимаю, откуда и почему теперь вы къ намъ, къ офицерамъ!» Слѣдующее выступленіе вызываетъ гулъ въ заднихъ рядахъ зала и на балконѣ. Внезапно началось какое-то движеніе къ дверямъ. Звонокъ председательствующаго не помогаетъ. И вдругъ раздаются крики: «Уходятъ чины нестроевой команды». Оборачиваюсь къ кафедрѣ. Что-то, попуря голову, говоритъ унгерь-офицеръ Сидоровъ. Что — не слышно. Требования изъ залы: «Тише, тише, громче!» . . . грозятъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынь, какъ вдругъ чей-то звонкій голосъ съ балкона покрываетъ весь гамъ: «громче, такъ громче», — оретъ этотъ голосъ. — «Товарищи солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитетъ. А такъ какъ на этомъ собраніи рѣшается вопросъ о братоубійствѣ, о борьбѣ за капиталъ противъ свободы рабочаго трудящагося народа, противъ нашего защитника Владиміра Ильича Ленина и, значить, образованнаго имъ настоящаго народнаго Правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, рѣшили васъ, господъ, оставить однихъ. Намъ съ вами не по дорогѣ. Товарищи солдаты! И кто въ Бога вѣритъ! Воиъ отсюда. И на товарища Сидорова, что тамъ на кафедрѣ слезки льетъ, не смотрите. Онъ врагъ пролетаріата, такъ какъ продался буржуазіи!» . . . окончилъ гремѣть неожиданный голосъ. «Чей это голосъ?» — работала моя голова. «Я всѣхъ чиновъ команды знаю. О, неужели къ намъ сюда въ Школу успѣлъ проникнуть агитаторъ. Хотя — вспомнилъ я наши порядки-непорядки, — ничего удивительнаго нѣтъ. Ай, какъ жалко. Съ собою револьвера нѣтъ. Капитанъ, милый, дайте свой револьверъ, скорѣе» . . . — обратился я съ просьбой къ сосѣду. Тотъ недоумѣнно взглянулъ на меня и слегка отшатнулся. Но, очевидно, затѣмъ понявъ мои переживанія, схватилъ меня за руку и началъ упрашивать выйти изъ зала. Однако, этотъ моментъ моего порыва, продиктованнаго ослабленіемъ воли, также быстро прошелъ, какъ и налетѣлъ. И мое вниманіе, среди бури гремѣвшаго негодованіемъ остальнаго большинства зала, уже снова было захвачено новой картинкой. «Что еще будетъ?» неожиданно увѣренно говорилъ я себѣ, видя, что отъ обособившихся группокъ юнкеровъ отдѣлились фигурки, направившіяся къ эстрадѣ. Вотъ первый юнкеръ четвертаго взвода второй роты, восемнадцатилѣтній юноша А—къ, съ матовымъ, тонкимъ лицомъ, жгучій брюнетъ, поднялся на кафедру и съ леденящимъ спокойствіемъ на лицѣ ждетъ прекращенія въ залѣ шума и крика. Но это кажется безнадежнымъ. Крики: «Товарищи юнкера, смотрите, чтобы кто изъ юнкеровъ не ушелъ бы за молодцами! Къ столбу позора такихъ! . . . Да здравствуетъ Временное Правительство! Къ нему! . . . Ура! . . .» И это «ура» облегчило атмосферу зала, и стоявшій на кафедрѣ юнкеръ, поймавъ моментъ затишья, началъ рѣчь. Но хохотъ, покрывшій первыя слова оратора, анархиста-максималиста, началъ расти, и онъ, вздернувъ плечами, такъ же спокойно сошелъ, какъ и поднялся. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ въ залу юнкеръ Х. и, поднявшись на кафедру — закричалъ: «Господа, сейчасъ я видѣлъ Родзянко. Онъ проситъ васъ, заклинаетъ встать на защиту Временнаго Правительства отъ посягательства на него, на благополучіе народа гостей изъ plombированнаго вагона. Самъ Родзянко занятъ мобилизаціей общественныхъ силъ для оказанія Правительству моральной поддержки» — выпалилъ юнкеръ и также быстро сошелъ съ кафедры . . .

«Пустяки-занятіе изобрѣлъ для себя господинъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы», — вдругъ снова заработала моя мысль, но уже въ веселомъ тонѣ. «Тебя, милягу, эти господчики изъ кабинета Временнаго Правительства оттерли отъ пирога власти, а ты, сердешный, хлопочешь за нихъ. Или думаешь этимъ жестомъ поднять свой кредитъ? Не знаю, кто какъ, а я такъ предполагаю, что это дешевый способъ. Мобилизовать для моральной поддержки! А если всѣ стануть на точку зрѣнія оказанія поддержки лишь въ формѣ «моральной»? Тогда и я могъ бы, пожалуй, панять десятка два хулигановъ, да и тѣшиться себѣ надъ вами такъ, какъ вы, вмѣстѣ съ Гучковымъ, потѣшились надъ всѣми нами. Краснобан проклятые!» . . .

А въ это время на кафедрѣ стояло уже двое. Никто ихъ не слушалъ. Въ залѣ творилось что-то невозможное. Кто хохоталъ, кто чуть не плакалъ отъ надрыва въ тѣхъ призывахъ, которыхъ и самъ не понималъ. Кто требовалъ порядка. Президіумъ тоже надрывался въ призывѣ къ порядку, но ничего не выходило. Нарождался хаосъ. Не знаю, въ фарсъ, или трагедію вылилось бы все это въ дальнѣйшемъ, если бы, выходящій было во время послѣднихъ преній, Начальникъ Школы не вернулся обратно и, съ нескрываемой озабоченностью взойдя на кафедру, не пригласилъ бы жестомъ къ молчалию. Какъ ни были перебудоражены всѣ лучшіе изъ господъ юнкеровъ, — это появленіе Н-ка Школы сейчасъ же привело къ порядку.

«Господа, есть новости. И я прошу спокойно отнестись къ тому, что будетъ вамъ сообщено и что требуетъ немедленнаго вашего рѣшенія», — началъ говорить Начальникъ Школы, окончателно завладѣвая вниманіемъ зала. Помимо только-что полученнаго приказанія отъ Главнаго Штаба явиться сейчасъ же въ боевой готовности къ Зимнему Дворцу для полученія задачъ по усмиренію элементовъ возставшихъ противъ существующаго Правительства, сюда прибылъ юнкеръ Н. отъ Временнаго Правительства съ призывомъ къ вамъ выполнить свой долгъ передъ родиной въ моментъ нантягчайшихъ напряженій, въ дни, когда засѣдаетъ народившійся Совѣтъ Республики. При этомъ, я считаю своимъ долгомъ передъ вами подчеркнуть то обстоятельство, что моментъ крайне тяжелый, что обстановка складывается очень неблагоприятно для Правительства, и поэтому для принявшихъ рѣшеніе честно продолжать нести свой долгъ передъ родиной — это можетъ оказаться послѣднимъ рѣшеніемъ въ жизни», — продолжалъ четко, твердо говорить Начальникъ Школы. «Мы это рѣшеніе приняли! Ведите насъ туда. Мы идемъ за вами, и только за вами! . . .» — прервали Начальника Школы крики юнкеровъ.

«Прекрасно, господа», — среди вновь потребованнаго Начальникомъ Школы спокойствія раздался его голосъ. — «Прекрасно. Терять времени не будемъ, его у насъ нѣтъ, и поэтому отъ словъ къ дѣлу. Объявляю засѣданіе закрытымъ. Совѣтъ Школы и юнкеровъ, впредь до распоряженія, объявляю распущеннымъ. Приказываю: Командирамъ ротъ немедленно отдать распоряженіе о разводѣ ротъ по помѣщеніямъ и приготовленіи къ выступленію. Форма одежды — караульная. Сборное мѣсто — на дворѣ. Сборъ черезъ 20 минутъ. Если обѣдъ готовъ, то накормить юнкеровъ, если нѣтъ, то пища будетъ выдана изъ Зимняго Дворца. Дежурный офицеръ — пожалуйста ко мнѣ. Господамъ офицерамъ черезъ 5 минутъ собраться въ помѣщеніи столовой офицерскаго Собранія», — уловилъ я послѣднія распоряженія Начальника Школы. Что онъ говорилъ далѣе — не могъ услышать изъ-за раздавшихся командъ и распоряженій, отдаваемыхъ командирами ротъ и подхватываемыхъ фельдфебелями и должностными

юнкерами. «Вот это я понимаю, это я чувствую», — анализировалъ я свои переживанія, при видѣ систематизированной массы юнкеровъ въ компактная, организованная по слову военного искусства группы, носящія названія взводовъ. «Первый взводъ, направо; шагомъ — маршъ!» — послась команда и мѣрный ритмъ возбужденнаго шага грузно повисъ надъ заломъ.

Черезъ 2 минуты въ залѣ никого не осталось, и я выходилъ изъ нея съ группой офицеровъ, окружившихъ Начальника Школы и выслушивавшихъ различныя приказанія, однако не мѣшавшія острить и веселымъ смѣхомъ поддерживать легкость и ясность въ настроеніи. Я внутренне торжествовалъ.

«Это прекрасно, — говорилъ я себѣ, — бодрость залогъ благополучія; ну, сегодня ужъ постараюсь, пускай на фронтѣ, въ полку, потомъ узнаютъ, что я не подкачалъ мундира 25 сапернаго баталіона.

О, какъ хорошо бы или быть растерзаннымъ штыками возставшихъ, послѣ упорной борьбы, или стать ногою на горло вождей ихъ и подсмѣиваться имъ въ физиономію надъ лицезрѣніемъ ими того, какъ эти несчастные, обманутые ими люди будутъ восторженно привѣтствовать насъ, своихъ избавителей, полные готовности, по первому нашему жесту, смести на нашемъ пути все, что только мы укажемъ. Дорогіе Коршиловъ и Крымовъ, что не удалось вамъ, то, Богъ милостивъ, можетъ быть удастся намъ!»

Въ столовой уже все оказалось готовымъ къ обѣду, и горячія закуски дымились посреди стола; офицеры шумно располагались за столомъ, продолжая острять комментировать всевозможныя свѣдѣнія, уже проникшія въ Школу.

Не успѣли мы пообѣдать, какъ въ столовую вошелъ дежурный портупей-юнкеръ и доложилъ, что юнкера уже одѣлись и ожидаютъ приказаній.

«Ну, что-жъ. Тогда идемъ безъ обѣда», — сказалъ Начальникъ Школы. «Господа офицеры, пожалуйста къ ротамъ. Вы, — обратился онъ къ находящемуся тутъ же, по его приказанію, поручику Б—ову, — вы будете въ моемъ особомъ распоряженіи и, если вы послѣдующимъ поведеніемъ не загладите сегодняшней ошибки, то вамъ придется пенять уже на самого себя. Поручикъ Скородинскій и вы, — относясь ко мнѣ, продолжалъ Начальникъ Школы, — будьте также при мнѣ. Въ Школѣ остаются: — вы, господинъ полковникъ, и вы, поручикъ Шумаковъ. Надѣюсь, что у васъ будетъ все благополучно и нестроевая команда изъ-подъ вашего наблюденія не выйдетъ... Вы, докторъ, — обратился къ вернувшемуся изъ кабинета доктору, — пойдете съ нами. Неправда ли?..» «А теперь, господа, по ротамъ! Выводите юнкеровъ; стройте и поидемъ...»

Офицеры быстро и шумно, но безъ какихъ либо разговоровъ, покидали столовую, стремясь къ своимъ мѣстамъ, къ выполненію полученныхъ приказаній. Даже вѣчно неумолкавшій, о всякаго рода спекуляціяхъ, Николаевъ, съ какой-то особой серьезностью, поправляя на ходу снаряженіе, ни однимъ словомъ не обмолвился, пока мы вмѣстѣ шли по корридору до канцеляріи, гдѣ я и пор. Шумакъ въ отстали отъ общей компаніи, направляясь въ нее.

Я передалъ Борису ключи, обнялся съ нимъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ вышли изъ канцеляріи, направляясь на дворъ... «Что-то будетъ дальше», — началось сверлить въ мозгу.

Черезъ полчаса я шелъ впереди вытянувшася баталіона юнкеровъ на Литейный Проспектъ. На меня было возложено командованіе авангардомъ баталіона, командованіе которымъ затѣмъ принялъ вернувшійся капитанъ Галіевскій, отлучавшійся къ своей семьѣ.

На улицѣ было тихо — ничто не предвѣщало грозы, и еслибы сзади не остались въ Школѣ трое юнкеровъ, отказавшихся выступить, двое: Дерумъ (латышь) и Тарасюкъ (хохолъ) безъ объясненія причинъ и третій — юнкеръ Вигдорчикъ, открыто заявившій Начальнику Школы, черезъ дежурнаго офицера, о своей принадлежности къ коммунистической партіи съ до-военныхъ временъ, мы бы еще бодрѣе шли впередъ. Но постепенно воспоминаніе объ оставшихся изгладилось, и забота о вниманіи къ окружающей жизни заняла доминирующее положеніе въ направленіи мыслей. Но все было обычно, буднично. И мысль невольно возвращалась къ раненію самого себя поручикомъ Хрѣновымъ, о чемъ онъ прислалъ рапортъ изъ дому, гдѣ это случилось при зарядкѣ револьвера, за которымъ онъ было побѣждалъ.

«Чортъ возьми! Извольте вотъ теперь командовать его ротой! Странно — но бываетъ!» — сдѣлалъ я выводъ и принялся объяснять юнкерамъ принятую баталіономъ форму построенія. Подходя къ Сергіевской, я получилъ приказаніе отъ командующаго баталіономъ выслать впередъ заставу съ дозорами, которымъ приказывалось вступить въ бой безъ всякаго размышленія. Это было кратко, но ясно, и поэтому, выдѣливъ 1-ый взводъ отъ своей 2-ой роты, я, лично ставъ во главѣ его, быстро, ускореннымъ шагомъ, значительно продвинулся впередъ. Но вотъ снова получается приказаніе идти не къ Марсову полю, а на Набережную Невы, такъ какъ по донесеніямъ развѣдчиковъ на Марсовомъ полѣ происходятъ митинги солдатъ Павловскаго полка.

Подходя къ мосту, у меня, отъ внезапно пробѣжавшаго въ мозгу вопроса: — «а кто эти, стоящіе около него», — сильно запульсировало сердце. «Будьте внимательнѣе и спокойнѣе», — сказалъ я вслухъ юнкерамъ. «Можетъ быть, придется дѣйствовать». — «Слушаемся», — кратко отвѣтили они.

Для придачи большаго безразличія къ окружающей обстановкѣ, и значить, къ стоящей на посту у моста группѣ часовыхъ, я, вынувъ изъ портсигара папиросу, небрежно зажалъ ее зубами и закурилъ... Поровнялись. Отъ группы, вооруженныхъ и винтовками, и гранатами отошелъ одинъ изъ солдатъ и подойдя вплотную, справился, куда идемъ. Въ отвѣтъ, я задалъ вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ. «Мостъ отъ разводки охраняемъ!» — отвѣтилъ солдатъ артиллеристъ изъ гарнизона Петропавловской крѣпости. «Ага, прекрасно!» — внутренне радуясь тому, что Петропавловка пока еще не потеряла головы, похвалилъ я солдата и сейчасъ же пояснилъ ему, указывая на приближающихся юнкеровъ авангарда, что Школа Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ также выполняетъ свой долгъ передъ Родиной и идетъ въ распоряженіе Временнаго Правительства.

«А какъ ведутъ себя Павловцы?» — справился я.

«Сперва митинговали, а потомъ въ казармы зашли. Рѣшили нейтралитетъ объявить, но караулы выставили. Вонъ гуляютъ!» — указалъ въ сторону Марсова поля артиллеристъ.

«Ну, всего вамъ хорошаго», — пожелалъ я часовымъ и мы направились дальше. И скоро свернули на площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ. Представшая картина ландшафта этой огромной площади меня обидѣла. Площадь была пуста. Что такое! Отчего такъ пусто? — невольно сорвалось у меня съ языка. Юнкера молчали. Я взглянулъ на нихъ. Легкая блѣдность лицъ, недоумѣнная растерянность ищущихъ взглядовъ краснорѣчивѣе словъ мнѣ рассказали о томъ, что родилось у нихъ въ душѣ. Ясно было, что они еще болѣе меня ожидали встрѣтить иную обстановку. Желая поднять ихъ настроеніе, я воскликнулъ:

«Чортъ возьми, это будетъ очень скучно, если изъ-за опозданія мы останемся въ резервѣ... Ну такъ и есть... Смотрите, у Александровскаго сада и тамъ у края площади передъ аркой бродятъ юнкерскіе патрули».

«Ясно, что части здѣсь были уже въ сборѣ и сейчасъ уже выполняютъ полученные задачи... Въ окнахъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба выглядываютъ офицеры. Значитъ, тамъ происходятъ занятія, а слѣдовательно, обстановка несравненно спокойнѣе, чѣмъ то обрисовывали на Школьномъ собраніи», — дѣлалъ я выводы, впиваясь взглядомъ во второй этажъ знакомаго зданія, гдѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я старательно корпѣлъ за столомъ. «Что же наши не идутъ? Юнкеръ Б., взгляните на колонну и, если она остановилась, отправьтесь и доложите по цѣпочкѣ, что все благополучно и что я ожидаю приказаній. Я же буду передъ памятникомъ», — отдалъ я распоряженіе одному изъ юнкеровъ.

Юнкеръ оживился и съ энергичнымъ поворотомъ отправился исполнять полученное приказаніе. Въ этотъ моментъ со стороны Александровскаго парка перейдя дорогу подошелъ юнкерскій 2-ой Ораніенбаумской школы прапорщиковъ дозоръ. Старшій дозора остановилъ дозоръ, скомандовалъ смирно и направился ко мнѣ. Я принялъ честь, какъ должное привѣтствіе въ нашемъ лицѣ мундира нашей школы, и потому, желая отвѣтить тѣмъ же, подалъ и своимъ двумъ оставшимся возлѣ меня юнкерамъ: смирно.

Легкая судорога удовольствія, промелькнувшая на крупныхъ лицахъ юнкеровъ дозора, указала мнѣ, что карта мною бьется правильно.

«Что хотите, портупей-юнкеръ?» — спросилъ я вытянувшася старшаго дозора.

— «Разрѣшите узнать, какой части и цѣль вашего прибытія сюда», — твердо, на густыхъ потахъ отвѣтилъ вопросомъ старшій дозора.

«Передовой дозоръ идущаго сюда въ распоряженіе Временнаго Правительсва баталіона Школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ», — съ чувствомъ безконечнаго сознанія всего вѣса, должнаго заключаться въ названіи и значеніи той части, въ которой протекаетъ служба родниѣ, твердо, но фальцетомъ отвѣтилъ я. «Скажите, портупей-юнкеръ», — сейчасъ продолжалъ я свой отвѣтъ, переходя на вопросъ, «скажите, вы давно здѣсь? Ваша школа? И какія еще части и школы были тутъ и куда онѣ дѣлись? Мы, къ сожалѣнію, кажется запоздали. Вообще, что слышно новаго?»

— «Никакъ нѣтъ, вы не опоздали. Плохо...» — съ набѣгавшей улыбкой горечи началъ было портупей-юнкеръ, но сейчасъ же, спохватившись, желая очевидно скрыть мучившія его душу сомнѣнія, въ искусственно бодромъ тонѣ продолжалъ: «Очевидно еще соберутся. Слава Богу, что вы пришли, это подыметъ настроеніе. И во Дворцѣ говорили, что казаки сюда идутъ и войска изъ Гатчины... А покаместъ у насъ тутъ сперва стояли одиночные посты, но такъ какъ утромъ у Александровскаго парка группа рабочихъ обезоружила и избила двонхъ, то теперь мы несемъ дозоры».

«Вотъ оно что. Прекрасно. Мы быстро устроимъ границы должнаго поведения для господъ хулиганствующихъ. Эхъ чортъ возьми, разрѣшили бы арестовать Ленина и компанію, и все пришло бы въ порядокъ. Ну, всего вамъ хорошаго, господа. Надѣюсь, совмѣстной работой останемся довольны», уже на ходу закончилъ я свою случайную бесѣду со встрѣтившимся дозоромъ, направляясь къ памятнику, чтобы собою обозначить правый флангъ расположенія для имѣющаго въ каждый моментъ подойти баталіона нашей школы.

Дѣйствительно, только мы подошли къ памятнику, какъ изъ-за оставленнаго нами угла показались первые ряды юнкеровъ. Спокойствіе и гордость отъ начавшей обрисовываться въ воображеніи картины встрѣчи съ представителями власти и руководства судьбой Родины сразу захватили меня. И то обстоятельство, что площадь была пуста, что около параднаго главнаго входа во дворецъ нелѣпо лежали неизвѣстно откуда свезенные полѣнницы дровъ, что около этого входа и у подъѣзда въ зданіе Главнаго Штаба стояли малочисленныя группы людей частью въ военной формѣ, частью въ штатскихъ костюмахъ — какъ-то эти перечисленные обстоятельства уже иначе укладывались въ моей головѣ, рождая въ ней представленіе о солидности въ отношеніи къ совершающемуся со стороны Правительства. Холодное спокойствіе въ принятіи мѣръ воздѣйствія — лучшая ванна для протрезвленія умовъ заблудшихъ. Въ этомъ спокойствіи есть своеобразная красота.

При появленіи на площади головной части нашего баталіона группы людей у подъѣздовъ начали увеличиваться. Кое-кто изъ одной группы перешелъ въ другую. Это дало новый поворотъ моимъ мыслямъ. — «Наше прибытіе обсуждается. Значитъ положеніе серьезнѣе, чѣмъ это было бы желательно. Очевидно, мы имъ нужны какъ воздухъ», — повторялъ я оцѣнку возникшимъ новымъ соображеніямъ по отношенію невѣдомаго мнѣ положенія дѣлъ въ городѣ. «Что же, очаровательно! За нами дѣло не станетъ. Пускай скорѣе дадутъ задачу и полномочія, а тамъ будетъ видно, на чьей улицѣ будетъ праздникъ», — гордо думалъ я, любуясь чистотой передвиженія втянувашагося на площадь баталіона и принимавашаго построеніе въ развернутый фронтъ, лицомъ къ Зимнему Дворцу и правымъ флангомъ къ Главному Штабу Петроградскаго Военнаго Округа.

Построенія закончились. Раздалась команда: «стать вольно». Наблюдавшій за построеніемъ Начальникъ Школы съ поручиками Ск. и Б. направились къ Главному Штабу. Ко мнѣ, на правый флангъ фронта, перешелъ капитанъ Галіевскій . . . Меня потянуло къ нему.

— «Не густо . . .», — встрѣтилъ онъ меня замѣчаніемъ.

— «Образуется . . .», — въ тонъ, лаконично отвѣтилъ я.

— «Равняйсь!» — неожиданно скомандовалъ онъ, поворачиваясь къ линіи фронта. Я быстро взглянулъ по направленію къ Штабу.

Къ намъ приближалась группа лицъ, въ центрѣ которой, часто беря руку подъ козырекъ, отвѣчалъ на чьи-то вопросы нашъ Начальникъ Школы. Было ясно, что съ нимъ идетъ «начальство». «Интересно, выйдетъ ли Керенскій», — не находя знакомой фигуры въ приближающейся группѣ, мелькнулъ вопросъ.

«Господа офицеры, пожалуйста сюда!» — вслѣдъ за командой «вольно», раздалось приказаніе Начальника Школы, отрывая меня отъ размышленій.

Офицеры покинули свои мѣста въ строю и, окруживъ полукольцомъ озабоченное «начальство», строго официально вглядывались въ ихъ лица.

Подошедшій въ этотъ моментъ одинъ изъ офицеровъ Главнаго Штаба, обращаясь къ Начальнику Школы, попросилъ его отойти въ сторону Главнаго Штаба.

— «За Начальника Школы ухватились!» — прошепталъ кто-то сзади меня свое впечатлѣніе.

— «Это мы сдѣлаемъ карьеру!» — также шопотомъ произнесъ другой голосъ.

— «Господа, господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Главнокомандующемъ поздоровается съ юнкерами», — почти сейчасъ же, возвращаясь обратно въ сопровожденіи очень высокаго, худощаваго штатскаго, бросилъ намъ Начальникъ

Школы. «Нѣтъ, нѣтъ, вы оставайтесь здѣсь», — остановилъ Начальникъ Школы попытавшихся было направиться въ строй офицеровъ, лично же направляясь къ юнкерамъ, въ сопровожденіи все того же штатскаго.

«Батальонъ, смирно!» — скомандовалъ Начальникъ Школы. «Сейчасъ васъ будетъ привѣтствовать господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Командованіи, поручикъ Станкевичъ». «Господинъ комиссаръ...» обращаясь къ поручику Станкевичу, началъ было соответствующій уставу рапортъ Начальникъ Школы. Но продолженіе церемоніи рапорта военный комиссаръ отклонилъ и, приподымая штатскій головной уборъ, обратился къ юнкерамъ Школы:

— «Я счастливъ видѣть васъ, товарищи-граждане, здѣсь, въ моментъ напряженія всѣхъ усилій членами Временнаго Правительства на пользу великой нашей революціи. Я радъ, что нѣкоторымъ образомъ родная мнѣ школа... Старшій курсъ долженъ помнить меня... Я былъ въ вашей школѣ въ числѣ вашихъ офицеровъ, пока революція не позвала меня къ повому дѣлу... въ арміи. Я сейчасъ пріѣхалъ изъ арміи. И я свидѣтельствую вамъ, что вѣра арміи въ постоянный составъ Правительства, возглавляемаго обожаемымъ Алекс. Федор. Керенскимъ, необычайно сильна. Дѣло борьбы за Россію съ нѣмцами также въ арміи сейчасъ стоитъ на должной высотѣ. И вотъ, въ этотъ моментъ, подъ стройное зданіе величайшихъ усилій Правительства обезумѣвшими демагогами, помнящими лишь свои партійные расчеты, подводится предательская мина. Вездѣ царитъ вѣра въ ясную будущность Россіи, ведомой стоящимъ на стражѣ революціи Правительствомъ къ побѣдѣ, безъ анексії и контрибуцій, надъ сдающимъ уже врагомъ. И только здѣсь, въ Столицѣ, въ Красномъ Петроградѣ готовится пожъ въ спину Революціи. Я радъ и счастливъ привѣтствовать васъ, такъ рѣшительно и горячо, безъ колебаній, отдающихъ себя въ распоряженіе тѣхъ, кто единственно имѣетъ право руководства жизнью Народа до дня Учредительнаго Собранія. Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Ура!»...

Когда стихли вызванныя рѣчью военного комиссара клики ура, комиссаръ отирая платкомъ капли выступившаго на лбу пота, продолжалъ свое привѣтствие.

Но продолженіе было уже значительно короче. Въ немъ военный комиссаръ высказалъ увѣренность, что товарищи-граждане юнкера окажутся такими же доблестными защитниками дѣла Революціи, какими оказались на фронтѣ тѣ товарищи-граждане офицеры, которые раньше кончили эту родную ему школу.

«Да, да, вы правы, господинъ военный комиссаръ», — согласился я съ нимъ въ этой части его рѣчи.

— «Александръ Петровичъ! — обратился ко мнѣ капитанъ Галіевскій, — я вижу, вамъ очень правится рѣчь; вы знаете, кто это? Это — одинъ изъ бывшихъ преподавателей полевой фортификаціи у насъ въ Школѣ. Величайшая бездарность, сумѣвшая, однако, быстро сдѣлать карьеру. Вамъ, навѣрное, приходилось слышать также объ учебникѣ по полевой фортификаціи, недавно изданномъ Яковлевымъ, Бартошевичемъ и имъ. Онъ, въ этой книжечкѣ Яковлевской стряпни, врисовалъ нѣсколько, гдѣ-то на фронтѣ позаимствованныхъ чертежиковъ. И послѣ этого вообразилъ себя чуть ли не профессоромъ академіи»...

— «Ну, поѣхали, капитанъ!» — вмѣшался въ разговоръ поручикъ Скородинскій. — «Я хорошо знаю поручика Станкевича — это удивительно милый

и чуткій чловѣкъ. Правда, онъ очень увлекающійся, но зато искренній. А что онъ сдѣлалъ карьеру, — это не удивительно. Теперь его партійные друзья на верхахъ власти и, конечно, своихъ приспѣшниковъ они не забываютъ», — закончилъ Скородинскій, отходя отъ насъ.

— «Тоже карьеру сдѣлаетъ», — мотнулъ головою въ его сторону мой собесѣдникъ и видя, что я никакъ не реагирую на его свѣдѣнія, замолчалъ.

— «Очень пріятно встрѣтиться съ вами, господа», — между тѣмъ мягко улыбаясь и порывисто пожимая руки нѣкоторыхъ изъ бывшихъ своихъ соотаврищей по дѣятельности въ Школѣ, просто и искренне здоровался военный комиссаръ.

— «Я прямо изъ Ставки», — продолжалъ онъ. «Какая разница съ вашимъ Питерскимъ настроеніемъ. Но, это ничего . . ., я полагаю, мы быстро уладимъ всѣ шереховатости и вамъ снова мѣжно будетъ вернуться къ болѣе мирному продолженію вашей продуктивной, полезной работы. Ваши бывшіе питомцы отличаются на фронтѣ и пѣхота ихъ высоко цѣнить» . . .

— «Владиміръ Станкевичъ», — протянулъ, наконецъ, и мнѣ руку военный комиссаръ.

«Александръ Синегубъ», — въ тонъ представился я.

— «Это нашъ новій офицеръ, недавно съ фронта», — зачѣмъ-то нашель нужнымъ прибавить поручикъ Б.

— «Да, у васъ, я вижу, есть новыя лица!» — отвѣтилъ ему военный комиссаръ.

— «Александръ Петровичъ!» — окликнулъ меня поручикъ Скородинскій.

«Что скажете?» — обернулся я къ спѣшившему ко мнѣ поручику.

— «Начальникъ Школы васъ требуетъ. Работа есть. Счастливчикъ!» . . . — ласково улыбаясь, передалъ онъ мнѣ приказъ Начальника Школы.

«А гдѣ начальникъ?» — обрадованно заторопился я.

— «Вонъ тамъ, около группы Багратуни у Главнаго Штаба», — указаль мнѣ поручикъ на мѣстонахожденіе Начальника Школы.

— «Явитесь къ военному комиссару при Верховномъ Командованіи, поручику Станкевичу», — подчеркивая титулъ служебнаго положенія поручика, мягко, но съ особой, свойственной ему манерой отдавать такъ приказанія, что они, для получающаго таковыя, пріобрѣтали значеніе свержстепеннаго значенія, — преговорилъ онъ.

— «Ахъ, вы здѣсь!» — продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подошедшему въ этотъ моментъ военному комиссару, — «вотъ, согласно вашего желанія и приказанія Главнаго Штаба, я предоставляю въ ваше распоряженіе полуроту юнкеровъ, подъ командой поручика Синегуба. Я вамъ даю самага опытнаго офицера, недавно только прибывшаго къ намъ въ Школу съ фронта. Надѣюсь, поручикъ, — снова отнесся Начальникъ Школы ко мнѣ, — вы учтете всю серьезность значенія оказываемой вамъ чести предоставленія выполненія тѣхъ задачъ, которыя вы будете получать непосредственно отъ господина военного комиссара и исполнять которыя будете, какъ мои личныя приказанія» . . . — въ упоръ смотря мнѣ въ глаза, добавилъ Начальникъ Школы.

«Слушаю-съ, господинъ полковникъ; а какую полуроту прикажете взять?»

— «Капитанъ Галіевскій получилъ приказаніе и онъ вамъ предоставитъ такую!»

«Слушаю-съ! Разрѣшите идти?»

— «Да, съ Богомъ!» — весело отвѣтилъ Начальникъ Школы, протягивая мнѣ руку и дѣлая шага два впередъ, приблизился вплотную ко мнѣ и вдругъ, понижая голосъ, быстро проговорилъ: «Дѣло крайне серьезно. Соберите все вниманіе. И чаще присылайте донесенія мнѣ и капитану Галіевскому» — и переходя на обычный тонъ, продолжалъ: «Всѣ указанія испрашивать у господина военнаго комиссара. Ну, въ добрый часъ! Берегите юнкеровъ!» — отпустилъ меня Начальникъ Школы.

«Господниъ военный комиссаръ, — обратился я, поворачиваясь къ комиссару и беря руку подъ козырекъ, — поручикъ Синегубъ, по приказанію Начальника Петроградской Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ Школы, представляется по случаю назначенія въ ваше распоряженіе».

— «Очень пріятно, принимая честь, любезно отвѣтилъ военный комиссаръ, — я попрошу васъ, немедленно выступить. И такъ слишкомъ много времени потеряно», — нервно смотря на часы, бросилъ замѣчаніе военный комиссаръ.

«Слушаю-сь! Разрѣшите построить и куда прикажете вести и какое будетъ назначеніе?»

— «Я буду съ вами. Мы пойдѣмъ въ Маринскій дворецъ на охрану засѣдающаго въ немъ Предпарламента, такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ готовится обструкція и выступленія противъ засѣдающихъ. Скорѣе стройте юнкеровъ», — нервно закончилъ комиссаръ.

«Слушаю-сь!» и заражаясь необходимостью спѣшить, я бѣгомъ направился къ баталіону юнкеровъ.

— «Александръ Петровичъ», — встрѣтилъ меня поручикъ Мейсперъ, — «ваша полурота готова. Я назначенъ командовать второй полуротой, въ качествѣ резерва для васъ. И, голубчикъ, если надо, вызывайте меня скорѣе», — весь оживляясь, попросилъ поручикъ.

«Спасибо; хорошо; обязательно. Подождите, еще много будетъ дѣла. А что, патроны будутъ выдавать?» — вдругъ съ ужасомъ вспомнилъ я отсутствіе этой соли нашей сущности.

— «Патроны? Во дворцѣ ихъ надо получить. Тамъ большой запасъ. Я сейчасъ доложу капитану Галіевскому», — бросаясь къ командующему баталіономъ, отвѣтилъ поручикъ.

«Полурота, равняйся!» — принялся я, между тѣмъ, отводить свою полуроту отъ баталіона.

— «Послушайте, поручикъ, — подходя ко мнѣ заговорилъ военный комиссаръ, — построите мнѣ такъ юнкеровъ, чтобы всѣ могли слышать меня безъ повышенія мною голоса».

«О, чертъ возьми, опять разговорчики. Да вѣдь вамъ спѣшить надо... Хотя это на руку — патроны поднесутъ»... — промелькнуло успокаивающее соображеніе. — «Слушаюсь!» — уже велухъ отвѣтилъ я и принялся строить полуроту въ каррѣ. Военный комиссаръ выждалъ эволюцію фронта и началъ говорить:

— «Господа, въ данное, исключительно тяжелое время для Революціи и Страны свершилось событіе огромной исторической важности. Въ залахъ Маринскаго Дворца засѣдаетъ цвѣтъ нашей мысли и гордость нашихъ чаяній — Совѣтъ Республики. Я былъ тамъ и видѣлъ ихъ святую работу надъ укрѣпленіемъ завоеваній Революціи и выводомъ страны на тотъ путь величественнаго шествія къ счастью, котораго только достойна демократія міра. Я видѣлъ, какъ, забывъ все личное, забывъ даже о ѣдѣ, сидятъ надъ разрѣшеніемъ

вопросовъ тѣ, кто не только является гордостью нашей мысли, но и творцомъ дѣла дружественнаго, творческаго сожителства демократіи всего міра. И ихъ рабѣта, вѣрѣте мнѣ, еще священнѣе, чѣмъ защитниковъ нашей великой страны, выбросившей впервые міру такіе лозунги, какъ война до побѣднаго конца, безъ анексії и контрибуцій. И вотъ, товарищи-граждане, въ этотъ моментъ, демагогическая злобность, посябаянная Ленинымъ и разжигаемая врагами революціи и страны, готовится стать катастрофичной для Революціи. Опьяненные демагогіей, отбросы рабочаго міра готовятся произвести срывъ происходящаго Засѣданія Совѣта Республики. Спокойствію въ творческой работѣ, въ часы ея максимальнаго напряженія, грозитъ опасность. А между тѣмъ, дорогъ каждый часъ этого труда, результаты котораго, въ безконечномъ волненіи ожидаютъ и армія, и демократія. И вотъ, дорогіе товарищи, — граждане юнкера, вамъ предоставляется высокая честь охранить спокойствіе работы Совѣта Республики. Я счастливъ, что могу васъ поздравить съ назначеніемъ въ карауль Маринскаго Дворца. И я убѣжденъ, что это будетъ лишь почетнымъ для васъ служеніемъ Революціи и Странѣ и что дѣло до примѣненія оружія не дойдетъ, такъ какъ, если массы хулиганствующихъ увидятъ васъ на постахъ у Дворца, они только побурлятъ, и разойдутся». . . — застѣнчиво улыбаясь, закончилъ свою рѣчь военный комиссаръ.

«Разлука ты, разлука, чужая сторона», — навязчиво ныло у меня въ ушахъ при вслушиваніи въ рѣчь оратора. «Ей-ей, вы житель какой-то подлунной планеты, но не земли. У васъ нѣтъ времени, а вы продолжаете его тратить на то, что, право, удивительно просто и ясно. Къ чему?» — И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, сзади раздалось обращеніе ко мнѣ.

— «Господинъ поручикъ, разрѣшите доложить, что мы хотимъ ѣсть, а тамъ у Дворца юнкера получаютъ хлѣбъ».

«Ага! Сейчасъ кончитъ комиссаръ говорить, я попрошу разрѣшенія заpastись хлѣбомъ».

— «Вотъ, что насъ губить», — вдругъ обратился ко мнѣ юнкеръ Н.

«Тише! Бросьте! Вы въ строю!» — оборвалъ я невыдержавшаго юнкера. «Пускай дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы мы сами не забыли о Родинѣ», — уже смягчаясь, добавилъ я.

«Господинъ военный комиссаръ! — какъ только послѣдній кончилъ говорить, обратился я, — разрѣшите получить хлѣбъ, — его здѣсь рядомъ выдаютъ, юнкера сегодня еще не ѣли».

— «Да, да, только скорѣе!» — далъ согласіе военный комиссаръ, съ нѣсколько озабоченнымъ выраженіемъ лица, очевидно, отъ мелькнувшей мысли, что слушать и прекрасныя пѣсни на пустой желудокъ не особенно весело. Пока юнкера получали хлѣбъ, я получилъ отвѣтъ о патронахъ. Патроны дѣйствительно были, но на выдачу требовалось распоряженіе изъ Главнаго Штаба. Отъ кого же это должно было изойти и кто долженъ былъ ихъ выдать, пока, несмотря на всѣ усилія поручика Мейснера, выяснить не удавалось.

— «Вы не можете себѣ представить, какой тамъ внутри царитъ кавардакъ», — указывая на дворецъ и зданіе Главнаго Штаба, рассказывалъ поручикъ. «Я ни отъ кого не могъ добиться ни одного путнаго указанія. Начальникъ Штаба посылаетъ къ адъютантамъ; тѣ къ коменданту Дворца, а послѣдній къ Начальнику Штаба. Чортъ бы ихъ всѣхъ дралъ, сволочь штабная!» — вспылилъ поручикъ. «Хороши гуси. Не бѣда. Я доложу Станкевичу, пускай

распорядится, па то онъ кстати и комиссаръ, чтобы за порядкомъ наблюдать». Военнаго комиссара уже осаждала какаля-то группа изъ военныхъ и штатскихъ.

— «Ну, что, готовы?» — встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

«Такъ точно. Хлѣбъ полученъ. Вотъ не могу получить патроновъ».

— «Патроновъ? Зачѣмъ?» — перебилъ меня комиссаръ.

«У насъ мало. По пятнадцать штукъ на винтовку. Пулеметовъ и гранатъ совсѣмъ нѣтъ. Общали выдать здѣсь, но добиться»...

«Это лишнее; дѣло до огня дойти не можетъ. И пятнадцать штукъ за глаза довольно. Идемте, ведите роту. Дорогу знаете во Дворецъ? Прямо по Морской. А придя во дворецъ, вы хорошенько ознакомьтесь съ постами и рѣшительно прикажите огня безъ самой крайней необходимости не открывать. Я буду самъ все время тамъ, такъ что вы можете быть спокойнымъ. А если и подойдетъ къ Мариинскому Дворцу какаля либо хулиганствующая толпа, то право для укрощенія ея достаточно одного вида юнкеровъ, стоящихъ на постахъ съ винтовками. Вотъ внутри Дворца надо быть на чеку. Я боюсь, чтобы кто не устроилъ обструкцію въ залѣ засѣданія и не произвелъ паники. Стройте во вздвоенные ряды и идемте», — подойдя къ полуротѣ, распорядился военный комиссаръ.

Мы двинулись. Юнкера; сперва молчаливые, теперь вполголоса дѣлились впечатлѣнїями. Только военный комиссаръ весь ушелъ въ какаю-то бесѣду съ сопровождавшими его: офицеромъ, штатскимъ и двумя юнкерами изъ членовъ Совѣта Школы, зачѣмъ-то ему понадобившимся.

«Не выслать ли впередъ развѣдку?» — подумалъ я, войдя на Морскую.

«Хотя это зачѣмъ же?! Вѣдь достаточно же ясно завѣрилъ военный комиссаръ, что съ боевой точки зрѣнїя — все спокойно. А, кромѣ того, если впереди и окажется что-нибудь скверное, то вѣдь, слава Богу, какаля у меня силща, вы, мои хорошие господа юнкера, плохо владѣющіе винтовками, и вы, господишъ Военный Комиссаръ».

«Разъ, два!.. Твѣрже ногу!.. Ноги не слышу!» — словами команды попытался я оторвать себя отъ легкомысленныхъ думъ и вдругъ размѣялся. — У одного изъ юнкеровъ выпалъ изъ-подъ мышекъ несомый имъ хлѣбъ. Смущенный своею неловкостью, юнкеръ выскочилъ изъ строя за, покатишимся по сѣрому глянцу цементной мостовой, буханкомъ хлѣба. «Куда?» — завопилъ отдѣленный командиръ. — «Изъ строя, безъ разрѣшенія? На мѣсто!» — «Ха, ха, ха...» — смѣялись юнкера. «Ха, ха, ха» — заливались, обрадовавшись случаю остановившіяся на тротуарѣ дѣвушки, по костюмамъ и кричащимъ манерамъ, опредѣленно принадлежавшія къ категорїи заблудшихъ созданій. «Да, посмѣяться есть отъ чего», — говорилъ я фланговому юнкеру, — «юнкера въ боевой готовности, и съ хлѣбами подъ мышками, и на Морской».

— «Остановитесь!» — догоняя меня, быстро отдалъ распоряженіе военный комиссаръ.

«Оставайтесь здѣсь, я зайду на телефонную станцію, попытаюсь проивести смѣну находящагося тамъ караула, который, по полученнымъ свѣдѣнїямъ, перешелъ на сторону Ленинцевъ», — сообщилъ мнѣ свое намѣреніе военный комиссаръ.

Я остановилъ полуроту. Пока военный комиссаръ переходилъ улицу, къ намъ подошелъ какаей-то офицеръ и сталъ возмущенно разсказывать о томъ, что сегоднѣшней ночью у Петроградскаго коменданта изъ стола выкрали пароли и отзвывы карауловъ Петроградскаго гарнизона. И вотъ сегоднѣ въ часъ смѣны

па телефонную станцію пропикли большевики. Но они еще скрываютъ это для того, чтобы перехватывать телефонные разговоры Правительственныхъ органовъ и членовъ Совѣта Республики.

Возбужденное описаніе нервно настроеннымъ офицеромъ, казалось, хотя и интереснымъ, но крайне сомнительнымъ. Особенно меня настраивалъ противъ разсказа видъ разсказчика. Бѣгающіе глаза, тонкій, визгливый голосъ, рѣзко подчеркивавшій простоту стилиа фразъ, и приказчиьи хватки, замѣнявшія ему манеры, буквально били по нервамъ.

«Что-то нечистое здѣсь», — закопошилось въ головѣ, въ результатѣ интуитивнаго отрицанія навязчивой убѣдительности особы въ офицерской формѣ. «Не отъ васъ ли узналъ такую необычайную новость, господинъ военный комиссаръ? Боже мой, надо скорѣе его предупредить. Вѣдь онъ — сама наивность!»

— «Они отказываются добровольно освободить телефонную станцію», — озабоченно проговорилъ военный комиссаръ. — «И я рѣшилъ произвести смѣну силою. Оставьте половину юнкеровъ съ офицеромъ здѣсь, приказавъ слѣдить за воротами и окнами, а съ другой половиной вы продвиньтесь впередъ и уже съ той стороны воротъ ведите наблюдение за нею. Отдѣлите мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я попытаюсь съ ними проникнуть на станцію. Землячки увидятъ, что съ ними не шутятъ, и сразу сбавятъ тонъ. Тамъ караульный начальникъ какой-то прапорщикъ; очевидно онъ все и мутитъ», — высказалъ свои соображенія военный комиссаръ. «А кто ему подаль примѣръ, и кто его этому научилъ?» — подумалъ я, услышавъ тонъ глубочайшаго пренебреженія, съ которымъ было произнесено: «какой-то прапорщикъ». Но забота выполненія полученнаго приказанія оказалась сильнѣе всякихъ философствованій, и я, отдѣливъ первое отдѣленіе 1-го взвода въ распоряженіе военного комиссара, началъ производить по улицѣ соответствующее передвиженіе для полученія лучшаго надзора за зданіемъ телефонной станціи, а въ случаѣ надобности и ея обстрѣла.

Прапорщикъ Одинцовъ-младшій, оставаясь на томъ же разстояніи отъ зданія телефонной станціи, построилъ свой 2-ой взводъ 2-ой роты поперекъ Морской, во всю ея ширину фронтомъ къ Марининской площади. Я же, перейдя съ тремя отдѣленіями 1-го взвода фасадъ телефонной станціи, принялъ тоже построение, но фронтомъ въ обратную сторону, въ сторону Невскаго проспекта.

Изъ безвинтовочныхъ юнкеровъ я создалъ команду связи. Между тѣмъ военный комиссаръ съ юнкерами 1-го отдѣленія 1-го взвода подошелъ къ воротамъ станціи, но они оказались уже запертыми. И я, стоя на тротуарѣ, впереди праваго фланга своего взвода, старался предвосхитить у военного комиссара выходъ изъ создавшагося положенія, которое, наконецъ, меня убѣдило, что на телефонной станціи дѣйствительно находятся приверженцы Ленища и К^о. «Вотъ, у кого надо, оказывается, учиться энергій. И откуда только у нихъ такое руководство. Интересно, какъ бы вы объяснили это теперь?» — мысленно обращался я къ всплывшей въ памяти картинѣ почного совѣщанія 19-го въ «Колхидѣ». — «Начало не дурное, — просмаковалъ я рѣшительность дѣйствій господъ подпольщиковъ. Теперь дѣло за нами. Однако что же предполагаетъ предпринять военный комиссаръ», въ петербургннн вглядываясь въ окна и ворота станціи, топтался я на мѣстѣ.

«Та-та-та-та», — вдругъ рѣзко разрѣзался воздухъ визгливо стучащимъ свистомъ, родившимъ представленіе о желѣзныхъ, зелено-темныхъ и красно-бурыхъ

крынахъ домовъ, которыя съ силою полили металлическимъ градомъ, отчего переливающіяся дробью отзвуки становились коротко-сухими. «Та-та-та-та», — поплыла вдоль Морской новая волна дробящихъ отзвуковъ, отъбывая отъ себя какой-то захватывающій дыханіе мысли холодокъ.

«Что такое» — пришелъ я въ себя отъ мгновенной внезапности ударившихъ по нервамъ звуковъ. «Пулеметный огонь! Откуда? По насъ?» — И я быстро обернулся, ища пѣшаго или коннаго врага, въ томъ концѣ Морской, который выходилъ на Маріинскую площадь. «Тамъ бой», — мелькнула мысль, но подъ ощущеніемъ уловленныхъ слухомъ новыхъ, болѣе близкихъ, знакомыхъ звуковъ, — представившаяся было въ воображеніи картинка разстрѣла Маріинскаго Дворца уплыла вдаль, а на мѣстѣ ея родилась большая тревога, колко жавшая сердце. «Это стрѣляютъ по юнкерамъ. Стоять такъ нельзя. Слишкомъ большая цѣль»... — работала мысль.

«Къ стѣнкамъ домовъ! Далеко не распространяться!» — крикнулъ я приказаніе юнкерамъ.

Тревожное недоумѣніе, сковавшее было юнкеровъ, мгновенно прошло, и они, повинаясь словамъ команды, вмигъ разсыпались по тротуару, становясь спицами къ стѣнкамъ домовъ.

«Зарядить винтовки!» — вслѣдъ отдалъ я приказъ, въ то же время соображая, куда лучше стать самому, чтобы не выпустить изъ рукъ командованіе полуротой.

«Никто не упалъ, — значитъ, стрѣльба демонстративная и въ воздухъ».

«Но гдѣ же военный комиссаръ и его юнкера?» — окидывая взглядомъ улицу, точно по мановенію волшебнаго жезла ставшую жутко пустою — спрашивалъ я себя. Но въ первыя секунды осмотра сторонъ улицы — я его фигуры не находилъ. «Что такое? — неужели я такъ растерялся, что не вижу военного комиссара», — мелькало въ головѣ. Но замѣчая въ то же время, какъ нервно прижимались нѣкоторые изъ юнкеровъ къ каменнымъ стѣнамъ домовъ и стальнымъ жалюзи, спустившимся на окна витринъ, что придавало этому участку Морской впечатлѣніе глубокой, холодной могилы — во мнѣ проснулось чувство дикой обиды и злобы.

«Воспользоваться горячностью порыва молодыхъ сердець и безъ сожалѣнія принять ихъ безразсудное самопожертвованіе. Ужасно! Вѣдь нѣкоторые не умѣютъ заряжать винтовки», — содрогалась мысль при видѣ, какъ одинъ юнкеръ тщетно старался утопить патроны въ магазинную коробку винтовки. «Какъ куропатокъ перестрѣляютъ насъ изъ оконъ и съ крышъ, если только окажется это имъ выгоднымъ и если есть достаточно для этого средствъ. Проклятье! Какое жалкое, унижительное положеніе! Хотя бы открыли настоящій огонь и убили бы меня», — со злобой вглядываясь въ чердачныя окна, смалодушничалъ я.

«Ахъ, вотъ и комиссаръ!» — и я пошелъ навстрѣчу къ нему, идущему ко мнѣ.

«Я все не могу опредѣлить, откуда и гдѣ стрѣльба. Боюсь, что на Маріинской площади бой идетъ. Не отправиться ли туда? Здѣсь сейчасъ ничего такъ не сдѣлаешь!» — обратился я къ нему.

— «Ничего, это пустяки. Вы приведите въ большій порядокъ юнкеровъ и продолжайте осаду станицы. Огня не открывайте, пока они сами не станутъ стрѣлять по васъ. А я отведу ту часть юнкеровъ къ углу Невскаго, чтобы не допустить сюда могущихъ явиться на выручку караулы красногвардейцевъ».

Я убѣжденъ, что на станціи сейчасъ переполохъ, такъ какъ не могутъ они знать, кто открылъ стрѣльбу и кто беретъ верхъ, а видя, что здѣсь находятся юнкера, они даже скорѣе рѣшатъ, что ихъ дѣло проиграно и они сдадутся», — говорилъ мнѣ военный комиссаръ.

«Слушаюсь!» — отвѣчалъ я съ радостью, черпая въ словахъ военного комиссара увѣренность, что эта стрѣльба идетъ со стороны вѣрныхъ долгу частей, выполняющихъ, очевидно, порученную имъ задачу. «Навѣрно, гвардейскій экипажъ или семеновцы очищаютъ Марининскую площадь отъ демонстрирующихъ толпъ», — заработало мое воображеніе. «Надо будетъ и въ сторону площади принять мѣры предохраненія. И если сюда бросятся бѣгущія толпы, то заарестовать. А чтобы было удобнѣе и планомѣрнѣе это выполнить, займу углы Гороховой», — принялъ я рѣшенія и пошелъ передавать соотвѣтствующія распоряженія начальникамъ отдѣленій.

Черезъ нѣсколько минутъ стрѣльба затихла. А еще спустя немного времени, на улицѣ появились любопытствующіе и случайные прохожіе. Юнкера съ винтовками наготовѣ бодро обмѣнивались замѣчаніями, внимательно глядя со своихъ мѣстъ на углахъ улицъ Морской и Гороховой вдоль нихъ и слѣдя за воротами и окнами станціи. Я же съ гордостью расхаживалъ по цементной мостовой. «Больше непринужденности въ видѣ!» — говорилъ я себѣ. «На тебя смотрятъ не только юнкера, но и землячки караула. И чѣмъ ты спокойнѣе и довольнѣе, тѣмъ страшнѣе имъ», — продолжалъ я кокетничать съ собою.

«Но чертъ возьми, какая гладкая мостовая. Вотъ бы наши кирки-мотыги, и устроить бы здѣсь окопчики для пулеметовъ. Ахъ да, пулеметовъ. Надо послать донесеніе къ Начальнику Школы, что мы перешли къ боевой задачѣ, и попросить прислать пулеметы и пироксилиновыхъ шашекъ для взрыва воротъ телефонной станціи». И я, вызвавъ юнкера связи, передалъ ему написанное донесеніе для доставки въ Зимній Дворецъ.

Эта моя мѣра вызвала еще большее оживленіе у юнкеровъ, и я съ наслажденіемъ наблюдалъ за все растущимъ усвоеніемъ создавагося положенія. «Молодцы друзья», — созерцая выраженія лицъ, мысленно подбадривалъ я ихъ, по временамъ произнося тѣ или иныя замѣчанія.

Расхаживая такимъ образомъ по улицѣ, я одновременно не упускалъ изъ вниманія закрытыхъ воротъ станціи. «Что-то тамъ творится. Пожалуй, военный комиссаръ правъ, и тамъ теперь каются въ своемъ промахѣ и обсуждаютъ, какъ исправить свой поступокъ. Не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ», — всматриваясь въ окна, соображалъ я. «Ага, отворяется дверца въ воротахъ, — ужъ не делегация ли?» — мелькнуло радостное предположеніе, и я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ воротамъ, приглашая юнкеровъ къ усиленію вниманія.

Юнкера, стоявшіе по сторонамъ воротъ, взяли винтовки на изготовку. Я потихоньку разстегнулъ кобуру, а затѣмъ руки засунулъ въ карманы.

«Ну-съ, выходите», — внутренне торопилъ я, жадно впиваясь въ расширяющуюся щель отворяемой во внутрь двора двери. Наконецъ, высунулась круглая голова на короткой шеѣ. Глаза напряженно забѣгали, осматривая улицу. Затѣмъ голова на мгновеніе обернулась назадъ, показавъ коротко подстриженный затылокъ, и снова повернулась къ намъ, подавшись впередъ, обнаруживая плечи съ офицерскими прапорщичьими погонами.

«Выходите, прапорщикъ, — любезно предложилъ я, — «онкера стрѣлять не будутъ», — предупредительно добавилъ я, видя, какъ глаза его косились то вправо, то влево на винтовки юнкеровъ.

— «Посмотрѣлъ бы я, какъ вы стали бы стрѣлять!» — задорно крикнулъ онъ. «Ступайте вы лучше по домамъ, пока не поздно, а то будетъ худо!» — продолжалъ онъ.

«Тише, прапорщикъ! Больше спокойствія. Вы же видите, что съ офицеромъ разговариваете! Нечего дурака ломать! И повѣрьте мнѣ, право, лучше будетъ и болѣе достойно для васъ, если вы добровольно впустите насъ на станцію. Подумайте хорошенько надъ тѣмъ, что вы дѣлаете и куда ведете людей!»

— «Что вы хотите?» — мѣняя тонъ, задалъ онъ вопросъ.

«Нести караульную службу на станціи».

— «Я ее несу» . . .

«Я не знаю, какъ и почему вы ее несете, но мнѣ приказано военнымъ комиссаромъ при Верховномъ командованіи арміей смѣнить вашъ карауль».

— «Дайте пароль и приказаніе коменданта, — я не знаю, кто вы?» — прищурился прапорщикъ. Сзади него раздался смѣхъ. «Тише, товарищи, мѣшаете разговаривать!» — осторожно оборачиваясь, сказалъ онъ.

«Вы, очевидно, только сегодня нацѣпили на себя погоны!» — съязвилъ я.

— «Неправда, я ихъ получилъ на фронтѣ, а не въ тылу!» — презрительно окидывая взглядомъ надѣтое на мнѣ мирнаго образца пальто, съ серебряными погонами, съехидничалъ юный прапорщикъ.

«Жалѣю васъ, что теперь вамъ приходится ихъ пачкать измѣной присягѣ!»

— «Неправда, я не измѣняю присягѣ! Я иду за народомъ, а это вы продались прислужникамъ капитала, одѣвшимся въ социалистическую тогу. Это вы губите народъ. Э, да что съ вами толковать! Убирайтесь по добру, по здорову, а то мы вамъ пропишемъ, гдѣ раки зимуютъ!» — возбужденно махая револьверомъ, снова закинулся прапорщикъ.

«Послушайте, — не вытерпѣвъ, прикрикнулъ я на него, — я разъ сказалъ уже, чтобы вы приличнѣе разговаривали. . . Что за хамская манера махать руками», — вынимая изъ кармана руку съ портсигаромъ и беря изъ него папиросу, продолжалъ я. Мое вышнее спокойствіе подѣйствовало на него, и онъ опустилъ револьверъ.

— «Вотъ что, — заявилъ онъ, — я даю вамъ пятнадцать минутъ на размышленіе. И если, черезъ 15 минутъ, вы со своими юнкерами не уйдете, то пеняйте на себя!» — закончилъ онъ и исчезъ за дверью.

Я закурилъ вынутую папиросу. «Что же, однако, дѣлать? Такъ стоять — это скучно. А любопытно, что дѣлается сейчасъ на Маринской площади? Пулеметы молчатъ и лишь идетъ одиночная ружейная стрѣльба. Чортъ возьми! Навѣрное много убитыхъ. Эхъ Ленинъ! . . . А еще идеалистъ. Идти къ осуществленію земнаго рая по трунамъ людей и лужамъ человѣческой крови! Ничего тогда твой рай не стоитъ! Шулеръ ты политическій, а не идеологъ!» — снова вернулось философское настроеніе ко мнѣ.

— «Ну, что у васъ?» — подходя ко мнѣ, задалъ вопросъ военный комиссаръ.

«Да вотъ, пробовалъ убѣждать караульнаго начальника согласиться на смѣну; но онъ, въ свою очередь, требуетъ, чтобы мы ушли и далъ четверть часа

на размысленіе. А что, новаго ничево не слышно?» — въ свою очередь заинтересовался я.

— «Неважно. Многія части держать нейтралитетъ. Нѣкоторыя же примкнули къ возставшимъ. Рабочіе Путиловскаго и Обуховскаго заводовъ идутъ въ городъ. Надо станцію скорѣе взять. Во что бы то ни стало ее надо занять, а то операціонный штабъ возставшихъ слишкомъ широко пользуется телефонной сѣтью, и наоборотъ — Правительственные органы лишились этой возможности. А стрѣльба затихаетъ», — замѣтилъ въ раздумьѣ военный комиссаръ.

Въ этотъ моментъ появился юнкеръ связи отъ прапорщика Одинцова и доложилъ, что на Невскомъ появились какіе-то патрули и что на Мойкѣ у мостовъ рабочіе начинаютъ строить баррикады.

Услышавъ докладъ, военный комиссаръ сразу оживился.

— «Продолжайте убѣждать сдаваться, — а я пойду, узнаю, въ чемъ дѣло», — заторопился онъ.

«Слушаюсь. Разрѣшите потребовать на всякій случай изъ Зимняго Дворца подкрѣпленіе, по крайней мѣрѣ вторую полуроту. Пулеметы и пироксилинь я уже вытребовалъ!» — доложилъ я.

— «Попробуйте. Не думаю, чтобы было что присылать. Смотрите же, первыми огня не открывать. Это можетъ все дѣло испортить. Потомъ, будутъ кричать, что мы первые открыли стрѣльбу и что мы идемъ по стопамъ старорежимныхъ городовыхъ: — стрѣляемъ въ народъ», — закончилъ военный комиссаръ и быстро зашагалъ къ Невскому.

«Это чортъ знаетъ, что за двойственность! Тамъ — стрѣльба, а здѣсь не смѣй, а то кто-то какія-то обвиненія предъявитъ. Да вѣдь, разъ мы введемъ порядокъ, то кто же откроетъ ротъ? Или какъ послѣ Іюльскихъ дней будетъ?!.. Комедіанты проклятые!.. Тамъ стрѣльба, а здѣсь жди, чтобы тебя сперва убили... Что за чортовщина, — ничего не понимаю! Ну, ладно, пришлютъ пироксилинь, на собственный страхъ взорву всю станцію къ чорту!»... — злобствовалъ я и принялся писать новое донесеніе Начальнику Школы и капитану Галиевскому. Донесенія, на этотъ разъ, я написалъ въ двухъ экземплярахъ. «Чортъ его знаетъ, что творится», — заработало во мнѣ сомнѣніе: — «можетъ, и донесенія еще не должны попадать по адресу? — Пошлю двумя дорогами двухъ юнкеровъ: это будетъ надежнѣе». Сказано — сдѣлано!..

Черезъ минуту юнкера связи, получивъ категорическое приказаніе передать донесенія въ собственныя руки по назначенію, уже скрывались вдаль: одинъ въ направленіи Невскаго, а другой въ обходъ, по Гороховой, черезъ Александровскій садъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и изъ одного изъ оконъ станціи раздался голосъ прапорщика:

— «Слушайте, убирайтесь! А то намъ надоѣло ваше присутствіе. Смотрите, если черезъ три минуты вы не уйдете, то перестрѣляемъ васъ какъ собакъ!..»

«Ахъ вы, сволочь этакая!» — вскричалъ я, и выхвативъ револьверъ изъ кобуры, взмахнулъ его на взводъ.

Но прапорщикъ скрылся.

— «Чортъ его знаетъ, что такое», — нервничалъ я, шагая по тротуару. — «Чортъ, а хочется ѣсть!» — замѣчая валяющіеся на дорогѣ куски хлѣба, брошенные юнкерами, вспомнилъ я объ ѣдѣ. «Вѣдь я сегодня такъ ничего и не ѣлъ. Даже рюмки водки не успѣлъ выпить!.. А что сейчасъ въ Школѣ

творится? Шумаковъ пожалуй спитъ въ дежуркѣ, а нестроевые пьянствуютъ и жарятъ въ карты. Хорошенькій результатъ дала революціонная дисциплина!» — И размышленія поплыли одно за другимъ...

На улицѣ, черезъ наши цѣпи, хотя и рѣдко, по все же продолжала проходить публика. Видно было, что улица уже привыкла къ намъ: мы уже достаточное время болтались на ней.

Но вотъ, со стороны Невскаго показался броневикъ.

— «Броневикъ идетъ!..» — раздалось нѣсколько возгласовъ доклада съ мѣста.

«Вижу, — отвѣчалъ я. Это, навѣрное, нашъ. У Зимняго Дворца, когда мы уходили, я видѣлъ, какъ появились двѣ машины. Очевидно, одну изъ нихъ и посылаютъ намъ на поддержку!»

— «Никакъ нѣтъ; это броневикъ возставшихъ — это я хорошо знаю. Я видѣлъ сегодня брата изъ броневого дивизиона. И онъ говорилъ, что часть дивизиона объявила нейтралитетъ, а часть перешла на сторону возставшихъ», — сообщилъ неприятную новость одинъ изъ юнкеровъ.

Въ этотъ моментъ подбѣжалъ юнкеръ связи отъ взвода, отошедшаго къ углу Невскаго и Морской, и доложилъ о томъ, что приближающійся броневикъ пришелъ со стороны Невскаго и что военный комиссаръ требуетъ спокойствія.

«Вниманіе!» — крикнулъ я юнкерамъ, выслушавъ докладъ. «Если я выстрѣлю, открыть по немъ огонь. Безъ этого же моего сигнала, Боже сохрани, стрѣлять! Возможно еще, что это нашъ!»

Броневикъ приближался.

«Если откроетъ огонь сейчасъ, то подрѣжетъ колѣни. Значитъ, пускай юнкера стоятъ», — работала напряженная мысль. «Чего онъ едва тащится? Нѣтъ, это не нашъ! Нашъ былъ бы съ офицеромъ, а офицеръ не позволилъ бы продолжать напряженіе въ нашихъ рядахъ и далъ бы о себѣ знать. Да, да, ... нѣтъ сомнѣнія — это возставшіе. — Чортъ! Что онъ хочетъ? Неужели откроетъ огонь по верхней части туловища! Охъ, успѣю ли положить юнкеровъ? О, мука какая! Стрѣлять въ него нѣтъ смысла: — не прошибешь! Снять юнкеровъ и увести отъ безсмысленнаго разстрѣла», — мелькнуло раздумье.

«Что ты? Обалдѣлъ? Бѣжать будешь? Стыдись! Но какъ онъ медленно ползетъ! Сволочь, издѣвается! Ладно, издѣвайся, а я покурю, по остановись и выйди кто только изъ машины — застрѣлю», — затягиваясь папирской, давалъ я себѣ обѣщаніе.

Броневикъ приблизился. Глазки были открыты; оттуда велось наблюденіе.

«Ладно, смотри, не смотри, а съ мѣста не сойдемъ!» — съ трудомъ удерживаясь отъ желанія вести наблюденіе за дуломъ пулемета, твердо говорилъ я себѣ, поныхивая папирсой.

Но вотъ броневикъ поровнялся съ воротами телефонной станціи и остановился. Черезъ секунду изъ воротъ выскочилъ прапорщикъ и, подойдя къ машинѣ, о чемъ то переговорилъ въ боковой глазокъ съ находящимися внутри машины. Переговоры продолжались не долѣе минуты. Кончивъ говорить, прапорщикъ исчезъ, а машина, вздрогнувъ, снова тихо поползла впередъ... къ намъ.

«Пройдетъ мимо насъ, повернется — и тогда»... — начали было наслаиваться въ головѣ комбинаціи возможныхъ дѣйствій бронемашины, какъ ея новая остановка оборвала ихъ. — «Ну, начнется», — рѣшилъ я. — «Въ животъ или въ голову?» — выросъ вопросъ, и я взглянулъ на дуло пулемета. Оно было закрыто чехломъ.

«Сволочи!» — выругался я. — «Насмѣхаетесь вы, что ли?» и я было шагнулъ къ машинѣ съ желаніемъ выяснитъ, что же наконецъ они собою представляютъ, какъ скрипъ передовыхъ рычаговъ и начавшійся ходъ машины назадъ съ заворотомъ зада корпуса въ ворота станціи, — остановилъ меня.

Вотъ открылись ворота и машина медленно вошла подъ арку. «Почему они медлятъ?» «Хорошо медлятъ! — сейчасъ же отвѣтилъ я себѣ. Заняли уже станцію своимъ карауломъ. Прислали на помощь броневикъ и строятъ на улицахъ баррикады. Вотъ мы медлимъ. Мало того, — идиотовъ-ротозѣевъ изъ себя изображаемъ!» — негодовалъ я на пассивность дѣйствій военнаго комиссара и Зимняго, откуда все еще не присылали просимый пироксилинъ. «Скорѣе бы его получить, тогда машину подорву уближеннымъ снарядамъ, приспособленнымъ, хотя бы къ штыку винтовки, которую и подсуну подъ броневикъ», — размечтался я, какъ ко мнѣ подошелъ портупей-юнкеръ Гаккель, бывшій студентъ Института Путей Сообщенія, и попросилъ разрѣшенія высказать свои соображенія.

«Пожалуйста, говорите, я слушаю васъ», — далъ я согласіе.

— «Разрѣшите доложить, что юнкера очень смущены нашей бездѣятельностью. Сколько времени мы стоимъ здѣсь и дождались того, что уже броневикъ прибылъ. Нѣкоторые опасаются, что здѣсь кроется провокація».

«Что за вздоръ! Вы же видите, что я связанъ повинованіемъ военному комиссару. Онъ распоряжается здѣсь!» — съ негодованіемъ, горячо протестовалъ я противъ усмотрѣнія въ моихъ дѣйствіяхъ чего-то нечистаго.

— «Ради Бога! Господинъ поручикъ, — ваше поведеніе, наоборотъ, только и поддерживаетъ настроеніе и повинованіе вамъ», — торопливо отвѣтилъ портупей-юнкеръ. «Я къ вамъ потому и подошелъ, что знаю васъ. Вы же тоже знаете, что я былъ на фронтѣ и Георгіевскій кавалеръ, и что, конечно, поэтому мнѣ непонятна малодушная тактика какого-то комиссара, который сперва насъ поздравилъ съ почетнымъ назначеніемъ въ карауль Маринскаго Дворца, а затѣмъ, зная объ отсутствіи патроновъ и неопытности нашихъ юнкеровъ, держитъ насъ уже столько времени передъ станціей. Если онъ не рѣшался занять ее раньше, то какъ же онъ займетъ ее теперь, когда тамъ броневикъ? Нѣтъ, здѣсь, если не зло скрывается, то глупость, господинъ поручикъ», — сурезно и резонно докладывалъ портупей-юнкеръ.

«Чортъ васъ возьми!» — несло у меня въ головѣ, — «что вы мои мысли читали, что ли?» . . .

«Но что же дѣлать, дорогой; — надо ждать», — дружественно заговорилъ я. — «Я послалъ четыре доцесенія съ просьбой о высылкѣ пироксилина и подкрѣпленія, которое думаю послать на Мойку для снятія баррикадъ. И я думаю, что скоро мы получимъ и то, и другое, а тогда я буду дѣйствовать на свой страхъ и рискъ».

— «Вотъ, это прекрасно, господинъ поручикъ; простите, что беспокоилъ васъ», — довольно отвѣтилъ портупей-юнкеръ.

Въ этотъ моментъ вдругъ Морская заголосила на всевозможные лады. «Что такое?» — повернулся я въ сторону визга и истерическаго крика. «Женщины? Откуда онѣ взялись? Ахъ, съ телефонной станціи!»

— «Это телефонныя барышни. Очевидно ихъ выпроводили въ намѣреніи открыть уже боевыя дѣйствія», — высказалъ свое соображеніе портупей-юнкеръ Гаккель.

Между тѣмъ вой, истерическій вой, вырывавшихся изъ воротъ станціи, потока барышень все усиливался. А почти пустынная Морская сразу запестрѣла различнѣйшими бѣгущими, прыгающими нарядами и шляпками.

Юнкера, наблюдая картинку печальнаго бѣгства, искренне захлебывались отъ смѣха, на который болѣе пожилыя барышни отвѣчали, кто усовѣщаніемъ, а кто карканьемъ бѣды.

— «Нашли надъ чѣмъ смѣяться!» — кричали одиѣ; — «вы бы посмотрѣли, какъ съ нами обращались! Это не люди!» . . .

«Уходите вы поскорѣе отсюда. Васъ губятъ нарочно. Весь городъ въ рукахъ Ленина. Всѣ части перешли на его сторону. А вамъ здѣсь готовятъ западню».

— «Господинъ офицеръ, — принялась тормошить меня одна длинная и сухая, какъ палка, барышня: — Вся станція полна ими. Они черезъ какой-то ходъ съ Мойки, что ли, набираются. А что они дѣлаютъ съ проводами! Многія войсковыя части не знаютъ, въ чьихъ рукахъ телефонная станція, а намъ запрещено говорить . . . за каждой по солдату стоимъ. Военная часть проситъ телефонъ Главнаго Штаба, или коменданта, или Зимняго Дворца, а они какой-то свой даютъ. Поэтому многія части не знаютъ правды. Я сама слышала, какъ они смѣялись, что одно военное училище убѣдили въ томъ, что Ленинъ и его компанія уже арестованы и что юнкеровъ можно отпустить въ городской отпускъ. Одна барышня передала знакомымъ, что у насъ большевики, такъ ее чуть не убили! . . . Уходите отсюда и юнкеровъ спасайте, — все равно ничего не сдѣлаете. Продали Россію!» . . . — рыдая, кончила барышня и побѣжала дальше.

И стоялъ, какъ истуканъ.

— «Господинъ поручикъ, — подбѣжалъ ко мнѣ портупей-юнкеръ Гаккель, — съ вами хочеть говорить одинъ французъ!»

«Въ чемъ дѣло? Кто хочеть говорить? Какой французъ? Давайте его сюда!» — отвѣтилъ я.

«Господинъ лейтенантъ, — подходя ко мнѣ и приподымая котелокъ, заговорилъ элегантный штатскій на французскомъ языкѣ, — господинъ лейтенантъ, я секретарь второго атташе французскаго посольства», — отрекомендовался онъ. — «Я сейчасъ иду съ Садовой по Гороховой. На Гороховой и на Мойкѣ, у Государственнаго Банка, много рабочихъ, и они сейчасъ идутъ на баррикады, которыя ихъ товарищи начали строить передъ мостомъ черезъ Мойку на Гороховой. Рядомъ лежатъ и пулеметы. А когда я вышелъ на уголъ Морской и увидѣлъ юнкеровъ и спросилъ, что они дѣлаютъ, то я понялъ, что вамъ съ тыла грозитъ опасность. Я только хотѣлъ изъ чувства любви къ вашему прекрасному, но большому сейчасъ народу предупредить васъ объ этомъ. Будьте осторожниѣе, и дай вамъ Богъ всякаго благополучія!» — пожимая мои руки, протянувшіяся къ нему съ благодарностью, кончилъ онъ свою медленную, видя, что я съ трудомъ выкиваю въ смыслъ, рѣчь.

— «Можно мнѣ пройти здѣсь? Мнѣ надо на Невскій», — спросилъ онъ, указывая рукою вдоль Морской.

Я предупредилъ его, что это теперь небезопасно, такъ какъ потокъ барышень кончился и надъ Морской висѣло уныніе пустоты.

«О, ничего! Я не боюсь. Я очель ещѣшу и у меня нѣтъ времени обходить!»

«Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, разрѣшите просить васъ, все, рассказанное вами мнѣ, передать офицеру, находящемуся на углу Невскаго. И скажите, пожалуйста, ему, чтобы онъ доложилъ объ этомъ въ Зимній Дворецъ и военному комиссару. Спасибо еще разъ», — поблагодарилъ я его.

— «О, пожалуйста! Счастливъ быть полезнымъ. Я ваше порученіе выполню, господинъ лейтенантъ. Можете быть спокойнымъ. До свиданья! Всякаго успѣха!» — и приподнявъ котелокъ, онъ быстро засѣменилъ по Морской къ Невскому. Пройдя послѣдняго юнкера, онъ опустилъ котелокъ на голову, а затѣмъ и скрылся.

«Что дѣлать? Что дѣлать?» — стучало въ вискахъ. Мысли путались и голова горѣла. «Пропали! Бѣдные вы», — сквозь слезы смотря на юнкеровъ, думалъ я. «Увести васъ я не могу. Дѣлать что-нибудь тоже не могу, потому что не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать, такими жалкими и бесполезными. Бѣдныя ваши жены, дѣти и матери!» — и я, если бы снова не подбѣжалъ портупей-юнкеръ Гаккель, навѣрное разрыдался бы; такъ была сильна спазма, сжавшая горло...

«Господинъ поручикъ, съ Маринской площади идетъ грузовикъ съ рабочими. Разрѣшите его задержать. Я сниму шофера, сяду за руль и подведу его къ воротамъ станціи. Загорожу дорогу броневнику!» — восторженно сіяя отъ пришедшей идеи, выпалилъ портупей-юнкеръ.

«Прекрасно! Спасибо! Скорѣе!» — «Стой, стрѣлять буду!» — на перерѣзъ грузовику бросился я и портупей-юнкеръ. Юнкера тоже взяли винтовки на изготовку. Грузовикъ остановился. «Слѣзай! Живо!» — началъ дальше распорядиться портупей-юнкеръ, а я снова вернулся на свое мѣсто, чтобы наблюдать за воротами станціи.

Рабочіе слѣзли безъ сопротивленія. Шоферъ же началъ ругаться, но портупей-юнкеръ ударомъ приклада въ плечо лучше словъ убѣдилъ въ безнадежности его положенія, и онъ съ извиненіями сталъ слазить со своей машины.

Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, машина проплыла мимо меня подъ тихое и вящее спокойное привѣтствіе юнкеровъ. Еще нѣсколько секундъ, и огромный грузовикъ, выѣхавъ правыми колесами своей телѣжки на тротуаръ, почти вплотную къ стѣнамъ домовъ, закрылъ собою входъ въ ворота и остановился. Остановивъ машину, портупей-юнкеръ Гаккель спокойно сошелъ съ нея и что-то покрутивъ въ коробкѣ скоростей, со скромностью, достойной скорѣе инстинкты, чѣмъ боевого солдата, направился ко мнѣ:

— «Господинъ поручикъ! Ваше приказаніе исполнено!» — мягко и легко останавливаясь передо мною, бодро и весело доложилъ портупей-юнкеръ Гаккель.

«Сердечное спасибо, славный и чуткій другъ!» — растроганно поблагодарилъ я его.

— «Радъ стараться, господинъ поручикъ! Господинъ поручикъ, разрѣшите и эту машину туда же», — снова попросилъ портупей-юнкеръ.

«Гдѣ? Какую?» — озадаченно спросилъ я.

— «А вотъ вторая идетъ. Черти, флагъ краснаго креста нацѣпили, а сами навѣрное оружіе перевозятъ».

«А чортъ съ нимъ, съ флагомъ. Арестуйте и эту машину и туда же!» — въ восторгѣ отъ набѣжавшей мысли, что начинаетъ везти, отдалъ я приказъ.

Такъ же чисто и быстро была поставлена рядомъ съ первой, но перпендикулярно къ ней, и вторая машина.

Эта комбинація съ машинами дала миѣ возможность произвести нѣкоторую необходимую перегруппировку моихъ малочисленныхъ силъ.

А когда я кончалъ производить ее, ко миѣ явился юнкеръ связи изъ Зимняго Дворца съ сообщеніемъ отъ капитана Галіевскаго. Сообщение было радостное, и я имъ подѣлился съ юнкерами.

Капитанъ Галіевскій выслалъ намъ подкрѣпленіе, которое, по полученіи пулемета и пироксилина, уже скоро явится сюда. «Теперь и взорвать станцію будетъ много легче», — показывая на машины, говорилъ я юнкерамъ.

«Затѣмъ во Дворцѣ получены свѣдѣнія, что въ городъ вошли казачьи части генерала Краснова. Первые эшелоны уже заняли кромѣ Царскосельскаго вокзала еще и Николаевскій вокзалъ», — докладывалъ юнкеръ связи, мой любимецъ, юнкеръ 2-ой роты И. Гольдманъ. «А сейчасъ, когда я проходилъ черезъ Невскій на улицу Гоголя, — я слышалъ стрѣльбу по направленію Казанскаго Собора, — очевидно, это съ Николаевскаго вокзала ведутъ наступленіе казаки», — съ довольнымъ видомъ докладывалъ свои соображенія юнкеръ, въ отвѣтъ на мою справку, что за стрѣльба доносится со стороны Невскаго. «Ага, теперь понятно, почему такъ долго не показывается милѣйшій прапорщикъ. Ну, ну, посмотримъ, что будетъ!» — работала мысль.

«А что не видали вы военнаго комиссара, поручика Станкевича?»

— «Никакъ нѣтъ, господинъ поручикъ!»

«А какъ же вы прошли? Вѣдь онъ долженъ быть на углу Морской и Невскаго!»

— «По маршруту, данному капитаномъ Галіевскимъ: Александровскій садъ, улицѣ Гоголя и Кирпичному переулку», — отвѣчалъ юнкеръ связи, на мгновеніе озадачивая меня сообразительностью хитраго капитана. «Такъ, такъ, капитанъ что-то чувствуетъ, что даетъ кружный путь. Эхъ ты, Господи, что-то будетъ дальше?»

«А что Начальника Школы не видали?» — снова понитересовался я.

— «Никакъ нѣтъ. Его страшно рвутъ. То зовутъ на засѣданіе Правительства, то въ Главный Штабъ».

— «Броневики идутъ со стороны Маринской Площади!» — раздался докладъ съ мѣста.

«Новое дѣло!» — ударила по мозгамъ мысль и снова стало тепло подъ лѣвымъ соскомъ.

«Вниманіе! Приготовься!» — крикнулъ я юнкерамъ.

На этотъ разъ машина шла быстро. Въ глазки двойной башенки смотрѣли дула пулеметовъ. Пройдя мимо насъ, машина замедлила ходъ. Дула пулеметовъ задвинулись.

«Ну, теперь каюкъ», — струсилъ было я, но машина, продолжая двигаться, молчала. Доползя до нашихъ загражденій, машина остановилась.

Вслѣдъ за тѣмъ со стороны Невскаго подошла вторая машина. Изъ этой послѣдней машины выскочило трое человѣкъ, и обойдя наши загражденія, подошли къ первой. Переговорили. Двое направилась въ ворота станціи. Дверь въ воротахъ открылась и эти двое вошли въ нее.

«Что же теперь будетъ? Пока казаки генерала Краснова дойдутъ, отъ насъ ничегошеньки не останется. А чортъ, что будетъ, то будетъ!» — тупо работала уставшая мысль. Болѣла голова, ныли ноги. Хотѣлось сѣсть. Закрывать глаза и такъ сидѣть. И подавшись чувству безконечной усталости, я уперся плечомъ въ стѣнку, лѣниво смотря на броневики и на ворота станціи.

Снова вышли изъ воротъ тѣ же люди.

— «Гей, юнкера, отпустите шоферовъ, да живо!» — крикнулъ одинъ изъ нихъ. Шоферы, никѣмъ не охраемые, такъ какъ я и не думалъ ихъ арестовывать, а только отобрать у нихъ машины, болтались тутъ же. И теперь, когда услышали зовъ, со всѣхъ ногъ бросились къ своимъ машинамъ.

Побитый шоферъ попытался было начать какіе-то разговорчики съ однимъ изъ распорядившихся, но моментально отказался отъ пришедшаго намѣренія. Причина, которая его побудила къ этому, — былъ увѣсистый кулакъ, поднесенный къ его подбородку.

— «Живо поворачивайся, скотина. Тебя ждуть тамъ, а ты прохлаждаешься, сволочь! Ну, ну, живо!» — и шоферъ бомбой отпрыгнулъ къ своей машинѣ.

Черезъ минуту грузовики исчезали въ направленіи Невскаго. Броневики продолжали стоять. На насъ не обращали вниманія.

«Что такое? — недоумѣвалъ я. Они ждуть, очевидно, приказаній. Но почему не трогаютъ насъ? Да я бы, за продѣлку съ грузовиками, давно уже расправился бы, да такъ, что никто ноги не унесъ бы», — злился я за пренебреженіе къ намъ. «Нѣтъ, они намъ что-то готовятъ, но что? А не все равно тебѣ, что? Они въ данномъ случаѣ господа положенія. А ты свою роль окончилъ. Какъ глупо началъ, такъ глупо кончилъ. Ну, затянулъ Лазаря! Подожди, авось что-нибудь измѣнится». И въ этотъ же моментъ первый броневикъ началъ идти къ Невскому.

А вслѣдъ за его уходомъ на тротуарѣ показалась штатская фигура военнаго комиссара.

«Что такое? Ты мило гуляешь? Или я съ ума сошелъ! Ничего не понимаю! Что за чушь творится!» — гудѣло въ головѣ.

— «Соберите юнкеровъ и постройте ихъ, да быстрѣе. Я согласился прекратить осаду. За что получилъ свободный проходъ для юнкеровъ?» — проговорилъ, подойдя ко мнѣ, не смотря на меня, комиссаръ.

Я не отвѣтилъ ни одного слова.

Черезъ 2—3 минуты мой оставшійся взводъ уже ровнялся, строясь на Гороховой улицѣ. Съ баррикадъ на мосту черезъ Мойку на насъ смотрѣли пулеметы.

«Смирно. На право. На плечо!» — ровно командовалъ я, какъ будто это обычное занятіе на дворѣ школы.

«А второй взводъ тоже уже ушелъ?» — задалъ я вопросъ.

— «Не знаю, но я думаю, они сами догадаются это сдѣлать, увидя, что мы ушли», — отвѣтилъ нашъ злой геній.

«Шагомъ маршъ!» — скомандовалъ я. Взводъ пришелъ въ движеніе.

— «Если бы юнкера не были бабами, все дѣло пошло бы иначе», — вдругъ бросилъ злое, глубоко несправедливое, недостойное обвиненіе достойный другъ главноуправляющаго.

Чтобы не отяготить своей души, я вмѣсто отвѣта сталъ подсчитывать ногу.

Пересѣкая улицу Гоголя, я чуть было не вздрогнулъ: поперекъ улицы стояла команда матросовъ съ винтовками на изготовку.

«Разъ, два!.. Ногу тверже!..» — съ упорствомъ крикнулъ я слова команды, маршируя дальше, чутко вслушиваясь въ воздухъ. въ стремленіи услышать щелканье затворовъ.

Но въ воздухѣ стояло мѣрное отсчитываніе шага моего взвода.

«Лѣвое плечо впередъ!» — выходя къ Александровскому скверу, подаль я команду, съ облегченіемъ уводя взводъ отъ тяжело-пудной атмосферы Гороховой, принесшей столько разочарованія, стыда и боли.

Поровнявшись съ Невскимъ, я, все же боясь, что 2-ой взводъ можетъ быть продолжаетъ стоять на Невскомъ, отправилъ къ прапорщику Одинцову юнкера связи съ приказаніемъ идти въ Зимній Дворецъ.

Еще нѣсколько минутъ, и мы вышли на площадь. Разнообразныя чувства волновали душу, когда мы направлялись къ Зимнему Дворцу, гдѣ мерещились упреки, насмѣшки, и чувство горечи къ виновнику нашихъ напрасныхъ переживаній и неудачи сразу выросло въ дикую ненависть и презрѣніе. — «Вотъ и памятникъ, уходящій въ густоту нависшихъ сумерокъ спустившагося на городъ вечера, а нѣсколько дальше къ Милліонной стоятъ какихъ-то два броневика.

Увидя насъ, броневики вздрогнули и мѣрно поплыли къ намъ. «Наши — не наши? Э, разницы нѣтъ. Обнюхаете насъ и вернетесь на свои мѣста. Сегодня игра въ кошки съ мышками: — вѣдь здѣсь военный комиссаръ!» — проиронизировала мысль серьезно сосредоточенный осмотръ машинами насъ. Однако, юнкера, задѣтые за живое тактикой поведенія машинъ, обратились съ вопросами, что они дѣлаютъ, на чьей сторонѣ. Отвѣтъ былъ самый неожиданный: «Мы держимъ нейтралитетъ. Но выѣхали въ городъ съ цѣлью препятствія боевымъ стычкамъ между обѣими сторонами. Войска драться между собою не должны. Пускай Правительство и штабъ Ленина идутъ на соглашательство, или дерутся между собою. Таково наше, бронедивизиона, рѣшеніе. И вы можете себѣ идти во Дворецъ, но если будете нападать первыми, то мы будемъ противъ васъ».

Но вотъ, мы подошли и къ Дворцу.

Я остановилъ юнкеровъ и послалъ связь къ капитану Галіевскому съ докладомъ о нашемъ прибытіи, поручивъ также узнать, явился ли уже прапорщикъ Одинцовъ-младшій со своимъ взводомъ — на площади его не было, а по времени онъ долженъ былъ бы тоже подойти. Вообще на площади было тускло и пусто, какъ и въ моментъ нашего прихода. Также продолжали нелѣпо-разбросанно лежать дрова передъ Дворцомъ, наводя мысль на воспоминанія о баррикадахъ. «Но почему не видно приготовленій къ устройству наружной обороны? Вотъ, изъ этихъ брусьевъ можно сдѣлать отличныя баррикады. Великолѣпно можно использовать слѣва рѣшетку сада. Затѣмъ, все окна первыхъ этажей. Кромѣ Дворца безусловно занять и привести къ оборонительному состоянію Главный Штабъ, Министерство Финансовъ и Иностранныхъ Дѣлъ, прорывъ подъ Аркой къ Невскому глубокую канаву и заложить мину, если не взводный окопъ устроить. Затѣмъ надо использовать и зданіе Главнаго Управленія Генеральнаго и Главнаго Штабовъ. Гдѣ же офицерство этихъ всѣхъ учреждений? Или оно уже на выполненіи какой либо задачи? А дадутъ ли намъ еще какую-нибудь задачу или теперь мы останемся за флагомъ? Конечно, военный комиссаръ будетъ дѣлать докладъ Правительству, и совершенно ясно, что докладъ будетъ неблагопріятенъ для юнкеровъ и вреденъ для освѣщенія обстановки момента», — мучительно рвали голову печальныя выводы о знакомствѣ съ дѣятельностью и способностями представителя Правительства при верховномъ командованіи.

«Господинъ поручикъ!» — раздалось обращеніе, заставившее вернуться къ ощущенію мелкой дѣйствительности, окружавшей насъ. «Господинъ поручикъ! Капитанъ Галіевскій приказалъ ввести юнкеровъ во дворъ и присоединиться къ баталіону, а затѣмъ вамъ явится къ нему, а гдѣ онъ находится, — я васъ провожу. Прапорщика Одинцова съ юнкерами во Дворцѣ итъ. Ихъ, по докладу убѣжавшихъ юнкеровъ и нѣкоторыхъ офицеровъ Штаба, очевидцевъ, окружили солдаты Павловскаго полка, рабочіе и броневики, и взяли въ плѣнъ. При чемъ страшно издѣвались и били юнкеровъ. Куда ихъ увели — неизвѣстно»... — возбужденный печальной новостью о судьбѣ товарищей, торопливо доложилъ вернувшійся юнкеръ связи. Вздохъ горести и краткія восклицанія, вырвавшіяся у юнкеровъ, разрядили было нависшую атмосферу молчанія, въ которой мы ожидали возвращенія изъ дворца связи.

Гулъ голосовъ рокотомъ переливался подъ аркой, посреди которой стоятъ броневикъ.

— «Это уже нашъ!» — оживленно прокомментировали юнкера. «Да, здѣсь все уже наше», — тускло мелькнула мысль. А гдѣ-то въ глубинѣ застоналъ червячокъ тоски: «Здѣсь и преступленіе наше, здѣсь и его искупленіе». Простоналъ и исчезъ. Духъ бодрой рѣшимости захватилъ меня при выходѣ изъ-подъ арки во дворъ, гдѣ, между высокими рядами сложенныхъ въ кубы дровъ, стояли козлы винтовокъ, съ разгуливающими передъ ними часовыми, а слѣва и справа торчали холодныя черпыя дула трехдюймовыхъ скорострѣлокъ. Весь дворъ говорилъ. И въ этотъ говоръ вносилось рѣзкимъ диссонансомъ ржаніе лошадей. Налѣво отъ входа до дворъ, передъ длиннымъ рядомъ дровъ, оказалось мѣсто, отвѣденное для нашего баталіона, куда я и подошелъ съ юнкерами.

Наши юнкера, въ большинствѣ, находились тутъ же: кто сидѣлъ на дровахъ, а кто прямо на цементной мостовой двора. Изъ офицеровъ никого не было видно. Когда я, поблагодаривъ своихъ юнкеровъ за ихъ прекрасную службу, разрѣшилъ имъ разойтись изъ строя, мнѣ сейчасъ же было сообщено окружившими насъ юнкерами, что они не надѣялись уже видѣть насъ. Это было трогательно, и я не замедлилъ использовать этотъ моментъ для подлитія масла въ огонь настроенія борьбы и борьбы активной. «Не имѣемъ права мы заниматься разговорчиками съ тѣми, кто билъ, а сейчасъ, можетъ быть, умерщвляетъ нашихъ товарищей, только за то, что тѣ, будучи такими же дѣтьми Русскаго Народа, какъ и рабочіе и крестьяне, отличаются отъ нихъ существенно знаніями, расширяющими кругозоръ міросозерцанія, а потому во имя свѣтлой истины великой правды берутся за оружіе, но берутся не какъ за цѣль, а какъ за средство отрезвленія загнипнотизированныхъ ложью слова дикихъ слугъ безумнаго фанатизма пелѣпаго ученія, ведущаго въ ярмо кошмарнаго рабства».

«Вы извините, что я, заболтавшись съ вами, оторвалъ васъ отъ вашего отдыха!» — поставилъ я точку надъ своею бесѣдою съ юнкерами, которые, къ моему большому, внутреннему удовлетворенію, слушали меня съ большимъ вниманіемъ.

«А гдѣ господа офицеры?» — спохватился я, видя, что бесѣда можетъ затянуться, а между тѣмъ, надо идти съ докладомъ къ капитану Галіевскому, о чемъ мнѣ напоминала стоящая тутъ же фигура юнкера связи.

— «Господа офицеры съ нѣкоторыми изъ нашихъ юнкеровъ въ Бѣломъ Залѣ на митингѣ».

«Митингъ? На какомъ такомъ митингѣ?» — какъ ужаленный подсочилъ я съ бревна, на которомъ съ наслажденіемъ сидѣлъ послѣ нѣсколькихъ часовъ стоянія на ногахъ.

— «Такъ точно. Самый настоящій митингъ. Во Дворецъ явились, для защиты Временнаго Правительства, школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума, Петергофа, взводъ отъ Константиновскаго Артиллерійскаго, палка школа, и ожидается прибытіе казаковъ. Сперва все шло хорошо. Но бездѣятельность и проникшіе агитаторы, а въ то же время растушіе успѣхи возставшихъ, вызвали броженіе среди Ораніенбаумцевъ и Петергофцевъ. Ихъ комитеты устроили совѣщаніе и потребовали къ себѣ представителя отъ Временнаго Правительства изъ его состава для дачи разъясненій о цѣли ихъ вызова и обстановки момента. А когда разъясненія были выданы Пальчинскимъ, то они объявили, за недостаточностью таковыхъ, общее собраніе для всего гарнизона Зимняго Дворца. И вотъ, уже съ часъ митингуютъ въ Бѣломъ Залѣ, куда вышли всѣ члены Временнаго Правительства во главѣ съ Коноваловымъ. Тамъ такая картина стыда, — горячо докладывалъ портупей-юнкеръ Маціевскій, — что я, сперва заинтересовавшійся причиной собранія, убѣжалъ оттуда. Другъ друга не слушаютъ, кричатъ, свистятъ. Не юнкера, не завтрашніе офицеры, а стадо глупаго баранья. Вы вотъ увидите, господинъ поручикъ, что за фізіономіи этихъ юнкеровъ: тупыя, крупныя и грубыя. Уже по виду на нихъ, вы догадаетесь, что все это отъ сохи, полуграмотное, невѣжественное звѣрье... Быдло!..» — съ дрожью въ голосѣ, едва сдерживалъ набѣжавшее желаніе разрыдаться отъ гнета впечатлѣній дикости картины, еще продолжавшей мучить этого стройнаго, хрункаго, нѣжнаго юношу.

«Говоритъ Коноваловъ — предсѣдатель Совѣта Министровъ Временнаго Правительства, какое бы то тамъ ни было Правительство, но оно Правительство твоего народа. И что же? Онъ говоритъ, а его перебиваютъ. Коноваловъ такъ и бросилъ. Затѣмъ Масловъ выступилъ, вѣдь старый революціонеръ; Терещенко принимался — вотъ этотъ красиво, хорошо говорилъ, а результатъ тотъ же. Ни къ кому никакого уваженія. Тутъ же и курятъ, и хлѣбъ жуютъ, и сѣмечки щелкаютъ». — Я слушалъ съ закрытыми глазами; меня шатало, тошило; мысли путались... Наконецъ, забравъ себя въ руки, я справился о Керенскомъ.

— «Господь его вѣдаетъ! Сперва скрывали отъ юнкеровъ даже пребываніе Временнаго Правительства. Говорили, что оно засѣдаетъ въ Главномъ Штабѣ. Потомъ объявили, что находится здѣсь. И что принято рѣшеніе вести оборону Зимняго Дворца, такъ какъ возставшіе предполагаютъ его занять, какъ уже заняли весь городъ. О послѣднемъ, конечно, не говорятъ, а наоборотъ усиленно лгутъ, что идутъ войска, что авангардъ Сѣверной Арміи въ лицѣ казачьихъ частей корпуса генерала Краснова вошелъ въ городъ. Сперва объявили, что занять Царекосельскій вокзалъ и Николаевскій, что дало возможность прибыть эшелонамъ изъ Вологое и ст. Дно. Затѣмъ, это было въ три часа дня, что казаки двинулись по Невскому и что только задержались у Казанскаго Собора. Пока вы, господинъ поручикъ, были у телефонной станціи, мы еще вѣрили въ правдивость этихъ сообщеній. Но когда пошедшая къ вамъ на подкрѣпленіе полурота, увидѣвъ, что на углу Невскаго и Морской происходитъ какая-то стычка, подъ охраной броневиковъ, вернулась назадъ, намъ стало ясно, что происходившая стрѣльба говоритъ о торжествѣ возставшихъ и что здѣсь по инерціи продолжаютъ лгаться. А васъ мы было уже похоро-

нили. И слава Богу, что вамъ удалось вернуться!» — тихо, утомившись отъ возбужденія, закончилъ свое тяжелое описаніе портупей-юнкеръ.

Наступило молчаніе. Сгустившаяся темнота не позволяла видѣть выраженія лицъ. И только звуки пощелкиванія гдѣ-то выстрѣловъ, осѣдавшихъ во дворъ, напоминали о необходимости дѣйствія, но тяжесть впечатлѣній о взаимоотношеніяхъ членовъ Временнаго Правительства и юнкеровъ, ихъ защитниковъ, — обволакивало туманомъ сѣрыхъ вопросовъ душу, сердце и нервы.

«Ну, а пока друзья, я пойду къ капитану Галиевскому. Поручикъ Скородинскій», — позвалъ я поручика, вышедшаго подъ освѣщенную арку, справа изъ Дворца. — «Кто меня зоветъ?» — оборачиваясь, задалъ вопросъ къ намъ въ темноту длинный, изящный поручикъ. — «Это я, Александръ Синегубъ!»

— «А, здравствуйте, поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ», — привѣтствовалъ онъ меня, какъ только я вошелъ въ полосу свѣта.

«Чего ужъ благополучіе, когда взводъ юнкеровъ потерялъ. Зря время потеряли и людей! — повторилъ я. — Чортъ знаетъ, голова кругомъ идетъ; вотъ что, поручикъ, останьтесь пожалуйста около юнкеровъ — мнѣ надо явиться къ капитану Галиевскому. Чортъ знаетъ, вѣдь мы не въ школѣ. Никого изъ офицеровъ нѣтъ около нихъ. Мало ли какая сволочь начнетъ имъ засорять мозги», — попросилъ я поручика. — «Да, да, Александръ Петровичъ, мнѣ это самому въ голову пришло, я и ушелъ съ митинга». «Что онъ все еще продолжается?! Безобразіе, неужели никто его не догадается разогнать? Ну и Правительство! — говорилъ я. — Удивительно слабое, хотя это понятно». — «Но въ концѣ концовъ все же договорились, и юнкера обѣщали остаться, если будетъ проявлена активность и если информація событіи будетъ отвѣчать дѣйствительности. Правительство обѣщало, и юнкера теперь расходятся», — сообщалъ поручикъ.

«А гдѣ Начальникъ Школы?»

— «Его рвутъ. Сейчасъ онъ въ Главномъ Штабѣ. Его Правительство назначило комендантомъ обороны Зимняго Дворца, и ему подчинены всѣ, находящіяся въ Зимнемъ Дворцѣ силы».

«Да, что вы говорите?! Слава Богу! Теперь я опять начинаю вѣрить, что мы не погубимъ зря нашихъ юнкеровъ и что что-нибудь да вытанцуется у насъ. Ну, я бѣгу къ Галиевскому. Гдѣ капитанъ?»

— «Въ комендантской комнатѣ, первая лѣстница наверхъ, во второмъ этажѣ, сейчасъ же рядомъ съ выходомъ», — отвѣтилъ поручикъ, направляясь въ темень двора.

«Броневики есть, а около него ни души», — почему-то вспомнилъ броневики, когда сталъ подниматься по ступенькамъ въ темный входъ. Юнкеръ связи, нащупавъ ручку двери, открылъ ее. Передъ глазами оказался длинный, сравнительно узкій корридоръ перваго этажа.

Въ корридорѣ пахло тѣмъ запахомъ, который такъ присущъ стѣнамъ казармъ. «Здѣсь караулъ помѣщался до революціи», — сообщилъ юнкеръ связи, очевидно замѣтивъ, что я повелъ посомъ.

«А теперь гдѣ?» — улыбувшись наблюдательности юнкера, справился я.

— «Въ Портретной галлерей. Но часть и здѣсь. Здѣсь, отъ наружныхъ воротъ. А здѣсь палѣво — патроны выдаютъ», — указалъ онъ первую дверь лѣвой стороны.

«Постойте. А намъ уже выдали?»

— «Никакъ иѣтъ. Патроновъ не хватило! Но теперь новыя доставлены, и ихъ будутъ выдавать».

Но вотъ и капитанъ Галіевскій. Я подошелъ съ докладомъ.

— «Александръ Петровичъ! очень радъ, милый, васъ видѣть. Хорошо еще, что хоть такъ кончилось. Съ этими представителями власти у меня уже опухла голова. Но, въ добрый часъ теперь назначенъ комендантъ обороны Зимяго. Вы уже знаете это? Да? Я очень успокоился душою, когда узналъ, что назначили Апаньева. Лишь бы не оказалось позднимъ это единственно разумное до сихъ поръ мѣропріятіе со стороны Правительства и Главнаго Штаба. Сколько и чего только, дружокъ, я вамъ не перескажу потомъ, вы диву дадитесь. Однимъ словомъ, я пришелъ къ заключенію, что Керенскому надо было передать власть Ленину. Но какъ это сдѣлать? Подождите, вы сами въ этомъ убѣдитесь! А вѣдь самъ исчезъ, оставивъ несчастныхъ дураковъ-сотоварищей расхлебывать кашу, которой, пожалуй, подавятся, а никакъ не расхлебаютъ. Правительство — это какіе-то особенные люди. Въ частности, многіе на меня произвели сильное впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что ихъ здѣсь обрабатываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Около нихъ все время вертятся какія-то темныя личности, да кое-кто и въ средѣ ихъ далеко отъ этихъ не ушелъ. Но все же оно дитя передъ улизувшимъ главноуговаривающимъ. Еще вчера, мороча людей въ Совѣтъ Республики, въ этомъ сборищѣ козлицъ, клялся умереть на своемъ посту, а сегодня, переодѣвшись, какъ рассказываютъ наши, сестрою милосердія, удралъ изъ города. Учужалъ, что его пѣсня все равно къ концу идетъ. Такъ хоть бы чести хватило слово сдержать, другихъ не подвести, такъ иѣтъ, онъ и товарищей предалъ. А тѣ и сейчасъ все еще вѣрятъ въ него, а можетъ быть... Знаютъ, да считаютъ за лучшее, молчать. Ну да я рѣшилъ ихъ по совѣсти защищать. Александръ Георгіевичъ тоже того же мнѣнія. У насъ рѣшенія не мѣняются, не правда-ли. А если дать во-сторжествовать Ленину безъ сопротивленія, то народъ никогда не разберется, гдѣ черное и гдѣ бѣлое, кто его другъ и кто ему готовитъ ярмо безпросвѣтнаго рабства. И вотъ для этого мы должны погибнуть здѣсь. И теперь я уже вижу, что это неизбежно, что нашимъ прежнимъ расчетамъ не осуществиться. Что же дѣлать; не мы — такъ другіе, но начать мы должны. Да, тяжелая расплата за нашъ невольный грѣхъ. Это тяжело говорить. Лучше идемте, посмотримъ, не пришелъ ли Александръ Георгіевичъ», вставая съ диванчика комендантской комнаты, закончилъ Галіевскій.

«Да, да, дорогой капитанъ, именно все такъ, какъ Вы говорите. Вотъ если останемся живы, я расскажу вамъ о своихъ наблюденіяхъ и выводахъ. А если бы Бурцеву объ этомъ рассказать. Старикъ сталъ бы волосы рвать за свое проклятое дѣло благословенія революціи. И хотя онъ начинаетъ опоминаться послѣднее время, но это еще далеко отъ искренности: до утра у него еще не дошло сознанія. Ну, да провались они всѣ въ болото. А вотъ мнѣ патроновъ надо, господинъ капитанъ. У кого ихъ можно потребовать?»

— «У Васъ полевая книжка есть, такъ Вы напишите требованіе и получите въ караулкѣ, а я побѣгу посмотрѣть, что дѣлается на площади у воротъ. Мѣсто встрѣчи — комендантская», уже на ходу крикнулъ капитанъ. «Слушаюсь», отвѣтилъ я въ догонку, принимаясь выискивать на листкѣ изъ полевой книжки требованіе на патроны для юнкеровъ 2-ой роты.

«Пришлите мнѣ фельдфебеля 2-ой роты Немировскаго», отдалъ я приказаніе, поймавъ одного изъ проходившихъ юнкеровъ 1-ой роты.

— «Слушаюсь», отвѣтилъ тотъ, и побѣжалъ исполнить полученное приказаніе, а я продолжалъ дальше возиться съ полевой книжкой, но уже запоя въ ея вторую половину, въ отдѣлъ моихъ впечатлѣній и наблюденій, схему происшедшимъ встрѣчамъ.

«Юнкера говорили еще о Петербургской и Ораніенбаумской школахъ, писалъ я, стараясь отгнѣнить легкими штрихами наибольшія выпуклости общаго рельефа. А если свершится чудо, и я уцѣлѣю, то расшифрую записанное, — это дастъ козыри обществу Анны Петровны для конкуренціи съ Бурцевымъ и борьбы съ Батмаевцами».

Удовлетворенный записью, спрятавъ полевую книжку въ боковой карманъ пальто. Между тѣмъ прибывали пріемщики изъ школъ, отъ чего на душѣ становилось весело.

«Заработали! Ну давай Богъ! Въ добрый часъ!» — и я выскочилъ въ корридоръ, а изъ него на дворъ. Дворъ гудѣлъ. Возгласы команды, споры, смѣхъ. Все это напоминало бивуакъ, а направо черезъ рѣшетчатые верхи воротъ свѣтились кое гдѣ огоньки въ зданіи Главнаго Штаба... Мимо прошла команда юнкеровъ 2-ой Петергофской Школы, направляясь къ выходу изъ дворца. «На смѣну дозоровъ пошли», — догадался кто-то. «Ну, а что мы дѣлать будемъ?» — не рѣшаясь прямо спросить меня, начали задавать юнкера другъ другу вопросы при моемъ появленіи, въ расчетѣ вызвать меня на высказаніе какихъ либо соображеній.

— «Счастливики идутъ. Право, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Ну вотъ вы вѣчно панически настроены, а я, такъ убѣжденъ, что придетъ утро, а мы все будемъ сидѣть въ резервѣ. Вотъ увидите, что ничего не случится. Не забывайте, что Керенскій, теперь это не секретъ, отправился къ арміи и къ утру войдетъ въ Питеръ. И повѣрьте, эти господа все учитываютъ и, конечно, въ ночь, разъ за день ничего не успѣли сдѣлать, разсѣются такъ же быстро по своимъ норамъ, какъ неожиданно и выползли изъ нихъ». «Неожиданно! когда еще за нѣсколько дней до сегодня пресса называла часъ начала ихъ дѣйствій. Вы эсэ-эры просто...», кто то старался оспорить мнѣніе говорившаго. «Бросьте разговорчики, господа, не мѣшайте, пока возможно подремать», — несло съ высоты полѣвицы, гдѣ кое кто умудрился даже всхрапывать, не смущаясь твердостью дровъ.

— «А я васъ ищу, Александръ Петровичъ», выросъ передо мною съ восклицаніемъ поручикъ Скородинскій, очевидно узнавъ меня по любимому мною мурлыканію Рылеевскаго «Часового», привязавшагося къ моему языку чуть ли не съ одиннадцатилѣтняго возраста. «Вамъ есть заданіе, продолжалъ онъ. Капитанъ Галіевскій приказываетъ отвести роты на предназначенныя имъ мѣста по разработанному Начальникомъ Школы плану обороны дворца на случай нападенія на него какихъ либо группъ возставшихъ явно не предполагающихъ наткнуться на такое сопротивленіе, какъ юнкерскіе баталіоны. Вамъ приказано занять первый этажъ лѣво отъ выхода изъ воротъ, распространившись отъ крайняго лѣваго угла дворца такъ, чтобы на Милліонную получился продольный огонь углового окна, куда потомъ вамъ будетъ данъ пулеметъ. Это окно должно литься вашимъ лѣвымъ флангомъ. Правый уже обозначится стыкомъ съ моимъ лѣвымъ. Я начинаю отъ окна, выходящаго на площадь рядомъ съ главными этими воротами съ лѣвой стороны ихъ, если смотрѣть отсюда по направленію къ

Морской. Такимъ образомъ, мы получаемъ фронтное наблюденіе за площадью и съ огнемъ на нее. Главная оборона этого участка первого этажа дворца ввѣряется вамъ съ подчиненіемъ вамъ и меня съ моей ротой. При этомъ вамъ приказывается подѣ строжайшей отвѣтственностью не открывать первымъ огня, не смотря ни на что. Огонь разрѣшается лишь въ случаѣ атаки со стороны бандъ, и то, если атака будетъ сопровождаться огнемъ съ ихъ стороны. Такова воля Временнаго Правительства. Кромѣ того, при размѣщеніи юнкеровъ въ комнатахъ приказывается учитывать высоту подоконниковъ въ расчетѣ на закидываніе ручными гранатами комнатъ, а такъ же принять во вниманіе возможную внезапность открытія огня изъ оконъ верхнихъ этажей противоположащихъ Дворцу зданій, которыя, хотя и будутъ приведены въ оборонительное состояніе средствами офицерскихъ отрядовъ, все же могутъ случайно перейти въ руки возставшихъ. Это все мѣры предположительныя и руководящаго характера. Въ данное же время надлежитъ лишь занять позицію и начать вести самое строгое наблюденіе, давъ возможность свободнымъ юнкерамъ лечь отдыхать, такъ какъ рѣшительныя дѣйствія ожидаются лишь къ утру, вслѣдствіи происшедшей какой то заминки въ приближеніи возставшихъ къ Дворцу. Слѣдовательно, опасаться можно лишь случайныхъ бандъ. Къ утру же подойдутъ войска съ фронта. Да я забылъ добавить, что вы должны имѣть резервъ, на случай наружнаго дѣйствія у воротъ. Резервъ надлежитъ имѣть отъ 1-ой роты, т. е. теперь моей. Дѣйствовать резервомъ лишь съ доклада капитану Галіевскому. Ну теперь я, кажется, все передалъ. Эти детали должны быть сообщены юнкерамъ, которымъ вмѣняется въ обязанность самое осторожное обращеніе съ вещами, находящимися въ комнатахъ. И когда будетъ все исполнено, доложить капитану Галіевскому. Онъ желаетъ лично явиться для прѣвѣрки. Къ нему отъ 1-ой роты, по его приказанію, я назначилъ связь, которая въ его распоряженіе уже и ушла», закончилъ поручикъ дѣйствительно подробное приказаніе.

«Вотъ это спасибо, поручикъ, за пріятную новость. А то невѣдѣніе, что съ собою дѣлать, довольно тяжелое чувство. Пока я введу въ помѣщеніе свою роту, вы разъясните вашимъ юнкерамъ полученную задачу» — сдѣлалъ я предложеніе.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ! Разрѣшите пойти?» — входя въ роль подчиненнаго мнѣ по службѣ, официально строго отвѣтилъ поручикъ Скородинскій.

«Да!.. Фельдфебель 2-ой роты ко мнѣ», крикнулъ я въ темноту, и въ свою очередь началъ распоряженія, радостно встрѣченныя юнкерами.

Черезъ нѣсколько минутъ я вводилъ роту въ комнаты 1-го этажа.

Я видѣлъ, какъ юнкера располагались у оконъ, вематриваясь въ пронсходящее на площади, какъ приснобливались лечь на полу, покрытомъ коврами. Я слышалъ ихъ неувѣренныя формулировки ощущеній, получаемыхъ ими отъ обстановки комнатъ, въ которыхъ еще недавно, года нѣтъ, была атмосфера уюта личной жизни нашихъ земныхъ боговъ. Я понималъ ихъ стѣспенныя тяжелыя движенія членами тѣла, словно наливаемаго пудами какой-то невѣроятной тяжести. И видя, и слыша, и понимая ихъ, я жалѣлъ и болѣлъ душою за нихъ и за себя и за грѣхъ.

Мы ждемъ. И видно это давало мнѣ силы, не понимая себя, не контролируя своихъ распоряженій, отдавать ихъ въ такомъ видѣ, что, выполняя ихъ, достигалось поставленное мною заданіе. — Не мудрствуй! — твердилъ я себѣ.

Теперь не время! Но... тщетно пытался я взять себя въ руки. И не я одинъ мучился. Юнкера, которые были на дворѣ просты и естественны здѣсь томились и были странны.

Я нѣсколько разъ обращался то къ тому, то къ другому изъ тѣхъ, мысль и чувства которыхъ играли на лицахъ ихъ. Я обращался къ нимъ какъ братъ къ брату, а не начальникъ къ подчиненному, такъ какъ это ощущеніе мною было утеряно съ момента пропизловенія въ эти комнаты. Я что-то говорилъ, на что то жаловался, чего-то хотѣлъ — по что, чего — не знаю...

Но время дѣлаетъ свое дѣло.

Постепенно мысль прояснилась, чувства обрѣли покой, и я снова получилъ способность отдачи себѣ отчета въ поступкахъ и обстановкѣ момента. И мнѣ стало легче. Вотъ явилось желаніе и юнкерамъ передать это облегченіе. А для этого я попробовалъ выскнуть въ возможные мѣропріятія.

Оказывается, голова работаетъ. Мысль такія мѣры нашла. И энергія снова во мнѣ закипѣла. — «Вы бы засну́ли», — убѣждалъ я молчаливо сидѣвшую парочку друзей юнкеровъ съ горящими глазами, окаймленными налившимися синевой подъ яблочными мѣшками.

— «Пробуемъ, но не выходитъ. Обстановка давить», конфузливо признаются юнкера.

«Да это вѣрно. Я васъ понимаю. Но необходимо сохранить силы. Богъ знаетъ, что насъ еще ждетъ впереди. Право перестаньте думать и отдохните», — пробовалъ я урезонить ихъ.

— «А хорошая мебель», — выскочилъ кто-то изъ юнкеровъ съ трезвой оцѣнкой вещей, находившихся въ комнатахъ. — «Да тутъ какъ-то все сохранилось на мѣстѣ, — не успѣли растащить или же рассказы о грабежѣ чистый вымыселъ», — подхватилъ я затронутую тему, чтобы развитіемъ ея отвѣчаться отъ другихъ.

— «Ну нѣтъ. Тутъ массу растащили, но надо отдать справедливость Керенскому. Онъ горячо и настойчиво требовалъ сохраненія въ цѣлости вещей — объявляя ихъ достояніемъ государства. Но развѣ усмотритъ за нашей публикой. Особенно, дворцовыми служащими и той шантрапой, что набила дворецъ», — замѣтилъ одинъ изъ разлегшихся на полу юнкеровъ.

— «А вы видѣли молельню, господинъ поручикъ? Тамъ есть такіе образа, что имъ цѣны нѣтъ».

«Да видѣлъ, но въ нее не входилъ. Не смогъ себя заставить. Вѣдь тамъ государыня Богу молилась. И мнѣ казалось, что если я войду туда, то это будетъ кощунство. Вѣдь мы здѣсь не гости по приглашенію хозяевъ Дворца, а игрушка въ рукахъ судьбы, занесенная ею сюда, для тѣхъ достиженій, которыхъ еще сокрыты отъ насъ. Поэтому я не смѣлъ войти въ нее. И даже если бы мнѣ сказали, что наша жизнь была бы охранена стѣнами ея, я и тогда не вошелъ бы въ нее и никакого добровольно туда не впустилъ».

— «А Керенскій немножко иначе мыслить», — началъ опять кто-то говорить о Керенскомъ, по его перебили возгласы изъ сосѣдней комнаты.

«Гдѣ господинъ поручикъ? Доложите, что казаки пришли и располагаются въ корридорахъ и въ комнатахъ около молельни и хотятъ такъ же занять ее».

«Казаки! Какіе казаки? Откуда?» — и я бросился въ корридоръ.

Корридоръ уже былъ набитъ станичниками, а въ него продолжали втискиваться все новые и новые.

«Гдѣ ваши офицеры? Гдѣ командиръ сотни?» — обратился я съ вопросомъ къ одному изъ бородачей уральцевъ. Онъ махнулъ головой и не огвѣчая продолжалъ куда то проталкиваться черезъ своихъ товарищей.

«Что за рвань? — соображалъ я, смотря на ихъ своеобразные костюмы, истасканные до послѣдняго. — Э, да у нихъ дисциплина, кажется, тоже къ черту въ трубу вылетѣла. Хорошенькіе помощники будутъ...»

«Эй! Станичники, кто у васъ здѣсь старшій», снова обратился я съ вопросомъ, но уже къ массѣ.

— «Всякі за себя — а на што тебѣ», — раздались два слабыхъ отвѣта среди гама, съ которымъ они продолжали продвигаться по корридору, частью заваленному какими-то большими ящиками, о которыхъ остряли, что Керенскій не успѣлъ ихъ съ собою забрать по причинѣ преждевременнаго исчезновенія.

Услышавъ эти своеобразные отвѣты, я было чуть не разразился бранью за нелѣпность ихъ и за игнорированіе во мнѣ офицера.

«Смотри — среди нихъ нѣтъ почти молодежи, это все старшихъ возрастовъ. Ага, то-то они и явились сюда», — проталкиваясь среди казаковъ къ стоявшему на ящикѣ и слѣдившему за движеніемъ казаковъ подхорунжему, подумалъ я.

— «Хотя на большемъ засѣданіи представителей совѣта съѣзда казаковъ и говорено было о воздержаніи отъ поддержки Временнаго Правительства, пока въ немъ есть Керенскій, который намъ много вреда принесъ, все же мы наши сотни рѣшили придти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотѣла и объявила нейтралитетъ».

«Такъ, такъ. А гдѣ офицеры ваши?»

— «Да ихъ не много, пять человекъ съ двумя командирами сотенъ. А они къ коменданту Дворца пошли. Ихъ позвали туда... — Эй, вы тамъ, давай пулеметы туда въ уголъ, вотъ размѣстится народъ, тогда и ихъ пристроимъ... — А вы давнѣ здѣсь», уже обращаясь ко мнѣ, продолжалъ подхорунжій, крѣпкій, бородачій казакъ.

«Съ полудня. Ходили уже къ телефонной станціи, да толку не вышло — уклончиво отвѣтилъ я. — Вотъ что я васъ хотѣлъ попросить — продолжалъ я. — Здѣсь молельня царя есть. Такъ чтобы въ нее не ходили». — «Зачѣмъ толкаться туда, казаки сами не пойдутъ, развѣ который предъ образомъ лобъ перекрестить захочетъ».

— «Вы не думайте, поручикъ, станичники понятіе большое имѣютъ», — смотря мнѣ прямо въ глаза, добавилъ подхорунжій.

«Вотъ это спасибо. Ну я побѣгу къ своимъ, а вы, значить, располагайтесь, какъ можете, а когда придутъ ваши офицеры, пошлите сказать мнѣ», — спрыгивая съ ящика, попросилъ я.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ», — велѣдъ отвѣтилъ подхорунжій.

Прийдя къ первому взводу, гдѣ было назначено мѣсто моего пребыванія для юнкеровъ связи, я засталъ поручика Скородинскаго и юнкера Гольдмана, явившагося съ приказаніемъ отъ капитана Галиевского. Но не успѣлъ я открыть рта для вопроса, что есть новаго, какъ изъ сосѣдней комнаты, слѣва расположенной, угловой, выходящей окнами и на Милліонную улицу, вбѣжало двое юнкеровъ.

— «Господинъ поручикъ», разлетѣлись они ко мнѣ.

«Стопъ. По очереди. Говорите вы, въ чемъ дѣло?»

— «Господинъ поручикъ, казаки насъ выставляютъ изъ угловой комнаты. Взводный командиръ приказалъ просить васъ прійти».

— «Они ничего слушать не хотятъ и располагаются въ комнатѣ такъ, словно въ конюшню явились», — возмущенно докладываетъ юнкеръ.

«А вы что хотите?» — справился я у второго.

— «У насъ та же картина, господинъ поручикъ, но кромѣ того хотятъ еще въ молельню пойти. Ихъ не пускаетъ часовой, а они кричатъ, что можетъ умирать прійдется, такъ чтобы помолиться туда пустили. — Намъ будетъ очень пріятно помолиться тамъ, гдѣ сами цари молились — кричатъ они, — а вы не пускаете, жидовскія морды. Часовой изъ нашихъ евреевъ оказался. Юнкера обидѣлись и, если вы не прійдете, то еще дѣло до драки дойдетъ», — съ еще большею растерянностью доложилъ второй юнкеръ. «Смѣхъ и грѣхъ — пронеслось въ головѣ. Это теперь не оберешься скандаловъ, съ этими бородами дядями».

— «Александръ Петровичъ, — пока только кончили свои доклады юнкера, обратился ко мнѣ поручикъ Скородинскій, — вотъ какъ разъ капитанъ Галиевскій черезъ юнкера связи приказываетъ отдать лѣвую часть этажа оборонѣ казаковъ, такъ какъ у нихъ есть пулеметы, а намъ сосредоточиться лишь въ расположеніи моей роты».

«Ну прекрасно. Передайте въ ваши взводы командирамъ взводовъ, чтобы они ихъ привели въ комнаты направо», — отдалъ я распоряженіе юнкерамъ.

«Фельдфебель Немировскій!» — обратился я къ стоявшему не въ далекомъ фельдфебелю 2-ой роты и прислушивавшемуся къ происшедшимъ докладамъ. — «Я здѣсь», — подлетѣлъ онъ со своею пружинностью въ манерѣ вытягиваться при обращеніи офицеровъ къ нему.

— «Наблюдайте за отданнымъ приказаніемъ. Да чтобы все это быстро было исполнено. Я буду при 1-омъ взводѣ 1-ой роты. А пока пойдете къ молельной комнатѣ — предложилъ я Скородинскому — посмотрѣть, что тамъ за антраша выкидываютъ станичники, а то еще дѣйствительно въ рукопашную схватятся».

Черезъ нѣсколько минутъ все приняло обычный видъ порядка въ настрояніяхъ юнкеровъ, — сдѣлавшихся съ казаками, но теперь тоже удовлетворенныхъ полученной возможностью войти помолиться тамъ, гдѣ «сами цари съ дѣточками молились», — какъ, мягко улыбаясь сіяющими грустно глазами, говорили они.

«Какіе большіе дѣти они еще» — возвращаясь къ своимъ ротамъ, говорилъ я поручику. «Вотъ и на фронтѣ я не разъ наблюдалъ, какъ бородачи 2-ой Уральской казачьей дивизіи, увлекшись споромъ о преимуществахъ одного святого передъ другимъ, абсолютно не обращали никакого вниманія на лопавшіяся вокругъ нихъ гранаты и шрапнели. А однажды при отступленіи я едва оторвалъ отъ богословскаго спора и выгналъ изъ халупы шестерыхъ казаковъ. Еще немного и мы не успѣли бы сѣсть на коней и ускакать отъ вошедшихъ въ деревню австрійцевъ», вспоминалъ я сюжеты фронтовой жизни.

— «Да, они особенные — соглашался поручикъ со мною. И они мнѣ очень нравятся, только не молодые, тѣ такъ распустились, что противно на нихъ смотрѣть».

«Да, да, а какіе были это войска!» — вздохнули мы и смолкли. Черезъ открытыя окна ночная прохлада освѣжала воздухъ комнатъ, уже пропитавшихся запахомъ сапогъ, внесеннымъ нами въ эти такъ взволновавшія наши чувства стѣны. Тишина, соблюдаемая юнкерами, позволяла улавливать звуки гдѣ-то

вспыхивающей ружейной трескотни, что не мешало подумывать о кухняхъ, находящихся во дворцѣ, на предметъ использованія ихъ для приготовленія чая юнкерамъ. И эти думы опять напомнили мнѣ о моемъ 26 часовомъ голодѣ.

«Хорошо еще, что Телюкинъ догадался сунуть коробку папиросъ».

— «А вы бы пошли на верхъ. Тамъ у комендантской есть столовая, гдѣ придворные лакеи сегодня подали дивный обѣдъ и вина. Право, сейчасъ — вы видите — все тихо и можете положиться на меня», — началъ убѣждать поручикъ.

И словно, меня кто подслушалъ. Въ комнату вошелъ капитанъ Галиевскій, и подойдя къ темнотѣ на наши голоса къ намъ, передалъ приказаніе Начальника Школы явиться въ помѣщеніе комендантской.

— «Начальникъ Школы приказалъ всѣмъ офицерамъ школь и частей собраться для обсужденія мѣръ и полученія заданийъ по развитію обороны Зимняго. Поэтому, идемте скорѣе, господа. Времени терять нельзя. А у васъ хорошо здѣсь», — невольно поддавшись впечатлѣнію покоя, закончилъ капитанъ.

Спустя немного мы входили въ продолговатую комнату, шумно наполненную офицерствомъ. Здѣсь были и казаки, и артиллеристы, и пѣхотинцы — все больше отъ военныхъ школь, молодые и старики. Строгіе, озабоченные и безудержно веселые. Послѣдніе были неприятны; они были полупьяны. Начальника Школы еще не было. И поэтому всѣ говорили сразу и на разныя темы. Причемъ преобладающей темой служила противная черта Петроградскаго гарнизона, высчитываніе старшинства въ производствѣ въ тотъ или другой чинъ, всегда съ недовольными комментаріями и завистливыми сравненіями.

Одинъ полковникъ кричалъ: «Я при царѣ 10 лѣтъ былъ полковникомъ, меня тогда обходили и теперь меня обходятъ. Да и не меня одного, а и васъ, и васъ... — обращался онъ къ своимъ собесѣдникамъ — а сегодня намъ кланяются, просятъ защищать ихъ, великихъ мастеровъ Революціи, да въ то же время сажаютъ на голову какого-то Начальника Инженерной Школы, изъ молодыхъ. Да чтобы я ему подчинялся? нѣтъ! слуга покорный!»

— «А вино отличное», — смаковалъ капитанъ одной Ораніенбаумской Школы. — «Это марка! И то, представьте себѣ господа, что лакеи, эта старая рвань, намъ еще худшее подали. Воображаю, что было-бы съ нами, если бы мы да старенькаго ткнули: пожалуй, изъ-за стола не вышли-бы. А что, не приказать ли сюда подать парочку, другую, а то ужасная жара здѣсь, все пить хочется». —

— «Да такъ эти жирные негодяи тебѣ и понесутъ сюда», — возмущенно возразилъ штабсъ-капитанъ той же школы.

— «Ну старики и рѣшили запереть молодыхъ въ конюшняхъ, чтобы ихъ нейтралитетъ былъ для нихъ большимъ удовольствіемъ, а сами рѣшили идти защищать землю и волю, которая по убѣжденіямъ эсъ-эровскихъ агитаторовъ хочетъ забрать Ленинъ со своею шайкою» — рассказывалъ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ группѣ окружавшихъ его слушателей, среди которыхъ стояли офицеры и нашей школы.

— «Господа офицеры!» — прокричалъ вдругъ полковникъ, отказывавшійся отъ подчиненія Начальнику Школы, при появленіи послѣдняго изъ боковой комнаты въ сопровожденіи высокаго штатскаго въ черномъ костюмѣ. Офицеры поднялись со своихъ мѣстъ, и шелканье шпоръ замѣнило стихнувшіе разговоры. — «Здравствуйте, господа офицеры, — началъ говорить Начальникъ Школы,

волею Временнаго Правительства я назначенъ Главнымъ Штабомъ комендантомъ обороны Зимняго Дворца. Поэтому я пригласилъ васъ для принятія слѣдующихъ директивъ: Соблюденіе полнаго порядка во ввѣренныхъ вамъ частяхъ. Господа офицеры должны прекратить шатаніе по дворцу, и, вспомнивъ, зачѣмъ они здѣсь, находиться при своихъ людяхъ, не допуская къ нимъ агитаторовъ, которые уже успѣли сюда проникнуть. Затѣмъ объяснить людямъ, что министръ Пальчинскій свидѣтельствуетъ о полученіи телеграммы о начавшемся движеніи казаковъ генерала Краснова на Петроградъ. Поэтому наша задача сводится сейчасъ къ принятію мѣръ противъ готовящагося нападенія на Дворецъ, для чего прошу начальниковъ частей подойти сюда и рассмотреть планъ расположенія помѣщеній Зимняго Дворца. А кромѣ того, дать мнѣ данныя о количествѣ штыковъ и способности принятія на себя той или другой задачи, за выполненіе которой вся отвѣтственность ввиду недостатка времени и условій обстановки момента, конечно, ложится на взявшихъ такую, — продолжалъ говорить Начальникъ Школы, развернувъ планъ и положивъ его на столъ. Офицеры, почувствовавъ энергію и сильную волю въ словахъ Коменданта Обороны Зимняго Дворца, подтянулись и оживленно стали обступать столъ, всматриваясь въ планъ Дворца. «Здѣсь», — показывалъ карандашомъ на планѣ Комендантъ Обороны, — «расположены сейчасъ казаки и юнкера школы прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ — это первый этажъ на-лѣво...»

— «Виновать». — перебилъ Коменданта Начальникъ Петергофской Школы прапорщиковъ, — «я полагаю бы, что юнкерамъ-инженерамъ слѣдовало бы заняться устройствомъ баррикады снаружи Дворца, а внутреннюю оборону и патрули возложить на пѣхоту, т. е. на наши школы». —

— «Совершенно вѣрно, вы полагаете совершенно правильно; но этого нельзя было возложить на ваши школы, ибо онѣ занялись митингами. Теперь, когда болѣе или менѣе настроеніе ваше и вашихъ юнкеровъ выяснено, когда у насъ есть казаки и артиллерія, мы можемъ строго разграничить функціи по родамъ оружія. Поэтому, вы, полковникъ, возьмете на себя оборону рѣшетки этого сада, примыкающаго ко Дворцу, противъ адмиралтейства» — далъ задачу Комендантъ Обороны Начальнику Петергофской Школы.

— «Простите», — возразилъ тотъ, — «юнкера мои очень устали; я считывалъ бы на внутренній караулъ Дворца, такъ сказать на резервъ».

— «Господа, я прошу не отказываться отъ выполненія получаемыхъ заданийъ. Мы всѣ здѣсь устали. Не уставшихъ нѣтъ. Поэтому я считаю этотъ вопросъ законченнымъ».

— «Господинъ полковникъ». — вбѣгая въ припрыжку въ комнату, еще съ порога закричалъ Штабъ-ротмистръ. «Господинъ полковникъ, имѣю честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами георгиевцами. Сволочи насъ хотѣли разоружить, но мы имъ прописали Кузькину мать. Честь имѣю явиться. Штабъ-ротмистръ Н. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногій. Я и мои инвалиды въ Вашемъ распоряженіи». —

Дѣйствительно, шумно явившійся Штабъ-ротмистръ былъ съ протезомъ вмѣсто лѣвой ноги. Маленькій, подвижной, съ тараканьими усами, онъ мнѣ напомнилъ пана Володыевскаго изъ «Огнемъ и Мечемъ» Генриха Сенкевича. Это появленіе инвалида отразилось на настроеніи офицеровъ, и когда Штабъ-ротмистръ, ввѣренный Комендантомъ Обороны въ предоставленіи ему и его инвалидамъ боевой работы, отошелъ отъ Коменданта, Начальникъ Школы Петергофцевъ заявилъ, что онъ принимаетъ къ исполненію порученную ему задачу.

Велѣдъ за Петергофцами, получили заданія Ораніенбаумская первая и вторая школы. Первой вручалось дальнѣйшее продолженіе внутренняго караула, а второй предназначена была защита баррикадъ у воротъ, у Дворцоваго Моста и Зимней канавки, причемъ резервомъ для нея считалась Школа Петергофцевъ. На инвалидовъ, явившихся въ группѣ свыше 40 человѣкъ, возлагалась оборона перваго этажа, взамѣнъ баталіона инженерной школы, которую приказывалось вывести во дворъ для прикрытія артиллеріи съ выдѣленіемъ изъ баталіона взводовъ на баррикадныя работы. Поручики Мейснеръ и Лохвицкій получили приказаніе отираться возводить баррикады у моста черезъ Зимнюю канавку. Поручики Скородинскій и Баклановъ — строить баррикады у Главныхъ Воротъ, изъ тѣхъ полѣнницъ дровъ, что лежали на площади передъ Дворцомъ. Капитану Галіевскому ввѣрялось общее руководство работами инженерной школы и наблюденіе за внутренней обороной. Миѣ было приказано составить расписание расположенія частей, съ ними поддерживать связь черезъ команду связи, которая организовывалась изъ четырехъ человѣкъ отъ части, и имѣть мѣсто-нахожденіе въ комендантской, гдѣ объявлялась штабъ-квартира Коменданта обороны. Командиру артиллерійскаго взвода отъ Константиновскаго Училища ввѣнялась оборона воротъ на случай прорыва, а пока нахожденіе въ резервѣ во дворѣ.

Офицеры, получивъ заданія, постепенно расходились по своимъ частямъ, обѣщая миѣ немедленно прислать отъ себя юнкеровъ для команды связи. Комендантъ обороны уже сидѣлъ за столомъ, черкая карандашомъ на планѣ названія частей въ мѣстахъ, имъ отведенныхъ. Я сидѣлъ надъ полевой книжкой.

«Слава Богу, дѣло начинается», успокоительно звенѣла мысль въ головѣ.

Все, казалось, налаживалось и прояснялось. Но вотъ открывается дверь, и передъ столомъ вырастаетъ офицеръ артиллерійскаго взвода Константиновскаго Училища.

«Господинъ Полковникъ», — обратился онъ къ Коменданту Обороны, — «я присланъ командиромъ взвода доложить, что орудія поставлены на передки и взводъ уходитъ обратно въ Училище согласно полученному приказанію отъ Начальника Училища черезъ приказаніе отъ Командира батареи».

Взрывъ гранаты произвелъ бы меньше впечатлѣнія, чѣмъ сдѣланное заявленіе офицеромъ взвода.

И сейчасъ же велѣдъ за офицеромъ явилось нѣсколько юнкеровъ Константиновцевъ, въ нерѣшительности остановившихся на порогѣ комнаты.

Комендантъ Обороны и оставшіеся офицеры добровольцы векочили со своихъ мѣстъ и въ недоумѣніи смотрѣли на докладывавшаго офицера.

«Какъ это такъ?!» — вырвалось у Коменданта. — «Немедленно остановите взводъ». — «Поздно!» — отвѣтилъ юнкера. — «Взводъ уже выѣзжаетъ. Мы просили остаться, но командиръ взвода объявилъ, что онъ подчиняется только своему командиру батареи. Вотъ мы и еще нѣсколько юнкеровъ остались. Взводъ уходитъ не хотѣлъ, но командиръ взвода настоялъ съ револьверомъ въ рукахъ». —

— «Да что вы съ ума сошли?» — раскричался Комендантъ на офицера Константиновца, — «вѣдь взводъ, разъ онъ здѣсь, подчиненъ только миѣ. Немедленно верните взводъ!» — приказалъ онъ одному изъ офицеровъ. «А Вася я арестую», — обращаясь къ офицеру артиллеристу, продолжалъ Комендантъ.

— «Я не причемъ, господинъ Полковникъ, а остаться я не могу, мнѣ приказано вернуться», — и быстро повернувшись, артиллеристъ выскочилъ изъ комнаты. Нѣсколько офицеровъ было съ крикомъ сорвались со своихъ мѣстъ, хватаясь за кобуры своихъ револьверовъ.

— «Стойте! ни съ мѣста!» — снова прогремѣлъ Комендантъ.

— «Пускай уходятъ. Имъ же будетъ хуже: они не дойдутъ до Училища. Ихъ провоцировали, и они расплатятся за измѣну».

— «А Вы», — обращаясь къ юнкерамъ, продолжалъ Комендантъ, — «присоединяйтесь къ Инженерной Школѣ. Спасибо Вамъ за вѣрность долгу... и идите». —

Юнкера еще помялись на мѣстѣ, и затѣмъ, получивъ отъ меня указаніе куда пройти, вышли. Я боялся взглянуть на Коменданта обороны. Я боялся увидѣть чувство горести на его лицѣ.

— «А можетъ быть ихъ задержать въ воротахъ», — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ, нарушая наступившее молчаніе. «Къ сожалѣнію некому этого сдѣлать; едва-ли успѣли занять баррикады», — отвѣтилъ Комендантъ, вставая и направляясь къ выходу. «Я иду къ Временному Правительству въ Бѣлый Залъ», обращаясь ко мнѣ, сказалъ Комендантъ, приостанавливаясь въ дверяхъ съ планомъ въ рукахъ. Но не успѣлъ онъ выйти изъ комнаты, какъ слегка отталкивая его отъ двери влетѣлъ въ комнату офицеръ женщина. «Гдѣ Комендантъ Обороны? господа», — женскимъ, настоящимъ женскимъ голосомъ спросилъ офицеръ. «Это я», — отвѣтилъ Комендантъ.

— «Ударная рота женскаго баталіона смерти прибыла въ Ваше распоряженіе. Рота во дворѣ. Что прикажете дѣлать?» — вытягиваясь и отдавая честь по военному, отрапортовалъ офицеръ женщина. «Спасибо. Радъ. Займите 1-ый этажъ вмѣстѣ съ инвалидами. Поручикъ, — отнесся Комендантъ ко мнѣ, — пошлите юнкера связи съ госпожей... съ господиномъ офицеромъ для указанія мѣста и сообщите объ этомъ Капитану Галіевскому. Еще разъ прошу принять выраженіе благодарности. Дѣла будутъ много. Не безпокойтесь, не забудемъ Васъ», добавилъ Комендантъ, замѣтивъ выраженіе легкой неудовлетворенности, пробѣжавшей по личику офицера, и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за выходомъ Коменданта, комната опустѣла, а спустя еще немного времени начали постепенно прибывать юнкера для связи. Кончивъ возиться съ полевой книжкой, я сталъ соображать о близости столовой. Наконецъ я, не выдержавъ свидѣнія, отправился разыскивать столовую, захвативъ съ собою одного изъ юнкеровъ. Это оказалось довольно сложнымъ занятіемъ. Но вотъ я и у цѣли, у двери комнаты, гдѣ сейчасъ насыщу свой пустой желудокъ. Толстый, бритый, важный лакей отворилъ дверь. Я шагнулъ на яркій ослѣпительный свѣтъ и остановился. Клубы табачнаго дыма, запахъ виннаго перегара ударили въ носъ, запершило въ горлѣ, а отъ пьянаго разгула какихъ-то офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые почти сползали со стульевъ, у меня закружилась голова, затошнило. Я не выдержалъ картины, и несмотря на желаніе ѣсть и пить, я выскочилъ изъ комнаты. «Пиръ во время чумы... Пиръ во время чумы... позоръ, это офицеры...» — и предо мною стала моя адъютантская комната въ Школѣ и въ ней Борисъ, говорящій мнѣ: «Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же Петроградскаго гарнизона не знаешь». «Да, да, ты правъ, Борисъ, я дуракъ; ну а дураковъ учить надо. Вотъ сегодня и танцуешь, моралистъ паршивый — ругалъ я себя. — Э, брось, братъ, не мудрствуй лукаво, не забывай, что имѣешь дѣло съ людьми, что это самый вульгарный типъ животнаго міра...»

А пожалуй, это лучше, что я не остался въ столовой, — возвращаясь въ комендантскую, соображалъ я. — Наѣлся бы чего добраго, самъ палился... вѣдь тебѣ стоитъ только начать пить и ты станешь ничуть не лучше другихъ, а пожалуй, и похуже».

Новаго ничего не было. Минуты томительнаго ожиданія бѣжали тягуче медленно. Но вотъ скрипнула дверь, и показалась фигура капитана Галиевскаго. Блѣдный отъ волненія, шатаясь отъ усталости, капитанъ направился ко мнѣ.

— «Я не могу. Усталъ. Выбился изъ силъ, убѣждая казаковъ. Они, узнавъ, что ушла артиллерія, устроили митингъ и тоже рѣшили уйти... Вотъ что, Александръ Петровичъ, идите къ своей ротѣ и займите баррикады у воротъ. Пѣхотные юнкера еще этого не сдѣлали, а между тѣмъ возставшіе приближаются. Получено извѣстіе отъ главнаго штаба. Потомъ убѣдите казаковъ оставить вамъ пулеметы, которые поставьте на баррикады. Среди юнкеровъ найдите пулеметчиковъ, хотя бы чужой школы. А я... я отдышусь и пойду къ Александру Георгиевичу. Бѣдный, тяжело ему сегодня и еще хуже будетъ». — Но я уже не слушалъ капитана, и сорвавшись съ мѣста, бросился спасать положеніе. Своихъ юнкеровъ я нашелъ во дворѣ, на старомъ мѣстѣ, куда они были выведены для предоставленія мѣста въ первомъ этажѣ казакамъ, теперь уходящимъ, инвалидамъ георгиевцамъ и ударницамъ. Юнкера были разстроены, что я сразу уловилъ по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, которыми они перекидывались.

«Ну, теперь съ ними не разговаривай — это хуже ихъ разстроитъ, а сразу дѣйствуй!» — промелькнуло рѣшеніе, и подойдя къ срединѣ фронта, я скомандовалъ: «Рота смирно!» — Разговоры отъ внезапности моего появленія смолкли. — «Рота ровняйся! Смирно! Друзья, Вамъ предстоитъ честь первыми оказаться на баррикадахъ. Поздравляю. На плечо! Рота правое плечо впередъ, шагомъ маршъ!» — и рота, словно наэлектризованная, взяла твердый отчетливый шагъ.

Вотъ броневикъ, испорченный, какъ оказалось, а потому и торчащій здѣсь на манеръ пугала отъ воронъ въ огородѣ... Ворота. Открываю. Темно. Кто-то копошится впереди. Различаю въ стукъ, сопровождающемъ копошеніе, звукъ ударовъ бросаемаго дерева. Ага — это и есть линія баррикадъ — быстро соображаю и развожу роту въ темнотѣ по линіи, растущей вверхъ преграды защиты.

И еще не много, и юнкера начинаютъ сами продолжать завершеніе созданія баррикады и приспособляться къ болѣе удобному положенію для стрѣльбы. Отысканы и пулеметчики, и взводные юнкера, посовѣтовавшись со мной, опредѣлили мѣста для пулеметовъ: таковыми оказались исходящіе углы баррикады. Теперь остановка за пулеметами, и я, оставивъ вмѣсто себя фельдфебеля Немировскаго, побѣжалъ къ казакамъ, захвативъ нѣсколько юнкеровъ. У броневика сталкиваюсь съ какой то фигурой. Оказывается офицеръ жепщина, а за ней еще фигуры. Спрашиваю, въ чемъ дѣло. — «На баррикадахъ никого нѣтъ, рѣшили занять ихъ» — по мужски отвѣчаетъ командиръ ударницъ. «Виновать. Ошибаетесь, юнкера Школы Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ уже заняли баррикады. И я бы просилъ васъ наоборотъ занять весь 1-ый этажъ, такъ какъ казаки уходятъ». — «Знаю, по тамъ хватить георгиевцевъ. Да что же, наконецъ, вы намъ не довѣряете?» — заволновался офицеръ-ударница. «Ничего подобнаго, таково приказаніе Начальника Обороны. Ради Бога, не вносите путаницы» — уже молилъ я. «Ну что-жъ, разъ баррикады заняты, я вернусь на мѣсто. Рота кругомъ!» — скомандовалъ командиръ ударницъ. Видя, что

инцидентъ оконченъ, я понесся дальше въ корридоръ. Въ корридорѣ творилось что-то невѣроятное. Галдежъ. Движеніе казаковъ, собирающихъ свои мѣшки. Злые, насупленные лица. Все это ударило по нервамъ, и я, вскочивъ на ящикъ, сталъ просить, убѣждать станичниковъ не оставлять насъ... Не выдавать! — рассчитывали громкими словами сыграть на традиціяхъ степныхъ волковъ. Въ первый моментъ ихъ какъ будто охватило раздуміе, но какая-то сволочь, напоминаніемъ объ уходѣ взвода артиллеріи, испортила все дѣло. Казаки загудѣли и опять задвигались. «Ничего съ ними не сдѣлаете» — пробившись ко мнѣ, заговорилъ давешній подхорунжій. — «Когда мы сюда шли, намъ сказокъ наговорили, что здѣсь чуть не весь городъ съ образами, да все военные училища и артиллерія, а на дѣлѣ то оказалось — жида да баба, да и Правительство, тоже наполовину изъ жидовъ. А русскій то народъ тамъ съ Ленинымъ остался. А васъ тутъ даже Керенскій, не къ ночи будетъ помянуть, оставилъ однихъ. Вольному воля, а пьяному рай» — перешелъ на балагурный тонъ подхорунжій, вызывая смѣшки у близъ стоявшихъ казаковъ. И эта отповѣдь, и эти смѣшки взбѣсили меня, и я накинулся съ обличеніями на подхорунжаго. «Черти вы, а не люди? Кто мнѣ говорилъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, что у Ленина вся шайка изъ жидовъ, а теперь вы уже и здѣсь жидовъ видите. Да жида, но жидъ жиду рознь», — вспомнилъ я своихъ милыхъ, свѣтлыхъ юнкеровъ. «А вотъ вы-то сами, что сироты казанскія, шкурники, трусы подлые, женщинъ и дѣтей оставляете, а сами бѣжите. Смотрите, васъ за это Господь такъ накажетъ, что свѣту не рады будете. Измѣнники!» — кричалъ я уже, положительно не помня себя. И удивительное дѣло! Подхорунжій молчалъ, опустивъ голову и посапывая. «Чертъ! Заколдованный кругъ какой-то! Родиться и жить для того, чтобы ругаться въ Зимнемъ Дворцѣ», — холодомъ обдала меня набѣжавшая откуда-то мысль, и я, сразу ослабѣвъ, тоже смолкъ. Казаки уходили, и въ этомъ было дикое, жуткое. «Такъ Пилать умывалъ руки», — скользнуло нелѣпное сравненіе; а злоба послала имъ вслѣдъ эпитетъ Каина. «Стой!» снова спохватился я. Чертъ съ ними, пускай убираются, только пулеметы оставили-бы. И я уже смягченнымъ тономъ обратился къ подхорунжему. «Богъ вамъ судія. Идите. Но оставьте пулеметы, а то мы съ голыми руками», — попросилъ я. — «Берите», мрачно отвѣтилъ, не глядя на меня, подхорунжій. «Они тамъ, въ углу, въ мѣшкахъ, они намъ ни къ чему», — махнулъ онъ рукою, а затѣмъ сунувъ ее мнѣ, добавилъ: «Помогай вамъ Богъ, а насъ простите», — и грузно шлепнувъ ногой о полъ, направился за уходящими, вглубь перваго этажа, казаками. «Постойте, — куда же они идутъ?» — подъ вліяніемъ недоумѣнія остановилъ я подхорунжаго. — «Куда вы идете? вѣдь ворота тамъ». — «Ну да, дураковъ нашли» — снова рѣзко отвѣтилъ подхорунжій. «Тамъ юнкера у воротъ, а мы черезъ Зимнюю Канавку выйдемъ, тамъ намъ свободный пропускъ обѣщанъ». — «Кѣмъ?» — озадаченный спросилъ я. — «Прощайте!» — не отвѣчая на вопросъ и прибавляя шагу, пошелъ подхорунжій.

«Вотъ оно что! тамъ есть выходъ! Они черезъ него уйдутъ, а потомъ черезъ него большевики влѣзутъ. Свободный пропускъ обѣщанъ», — повторилъ я фразу подхорунжаго. — «Такъ, такъ, голубчикъ, спѣлись уже. Ну что-жъ, отъ судьбы не уйдешь». — «Послушайте, юнкеръ», — съ приливомъ новой энергіи обратился я къ одному изъ взятыхъ съ собой юнкеровъ. — «Отправляйтесь вслѣдъ за казаками и замѣтте выходъ, въ который они уйдутъ, а затѣмъ вернитесь сюда и ждите меня, предварительно указавъ этотъ выходъ командиру Георгіевцевъ. Поняли?» — «Такъ точно, понялъ!» —

«И помните, что это боевой приказъ. Понимаете?» — «Такъ точно, понимаю», — снова лаконично отвѣтилъ юнкеръ.

«Ну идите; а вы, господа», — обратился я къ остальнымъ, — «берите пулеметы и тащите ихъ на баррикады. Фельдфебель знаетъ, гдѣ поставить, а я побѣгу къ Коменданту Оборона Зимняго Дворца съ докладомъ».

Выскочивъ въ проходъ подъ аркой, я остановился. Гдѣ-то совсѣмъ близко щелкали выстрѣлы. «Скорѣе къ Коменданту или Галиевскому и назадъ къ юнкерамъ» — кольнула мысль, и я снова бросился въ противоположный входъ, направляясь въ комендантскую. По дорогѣ попались какіе то юнкера, а затѣмъ группа безобразно пьяныхъ офицеровъ, среди которыхъ одинъ высокій офицеръ, размахивая шашкой на голо, что-то дико вопилъ. Влетѣвъ въ комендантскую, я наскочилъ на поручика Лохвицкаго, что-то заикаясь докладывавшаго капитану Галиевскому, обезкураженно сидящему на стулѣ.

«Господинъ капитанъ» — перебивая Лохвицкаго, началъ я докладывать объ уходѣ казаковъ черезъ выходъ на Зимнюю Канавку. «Такъ, такъ», только твердилъ онъ, выслушивая мой докладъ, а когда я кончилъ его, вдругъ сразилъ меня новостью: — «Паршиво. Но еще хуже растерянность Правительства. Сейчасъ полученъ ультиматумъ съ крейсера «Авроры», ставшаго на Невѣ противъ Дворца. Матросы требуютъ сдачи Дворца, иначе откроютъ огонь по немъ изъ орудій. Петропавловская крѣпость объявила нейтралитетъ. А вотъ послушайте, что дскладываютъ юнкера артиллеристы ушедшаго взвода Константиновцевъ», — показалъ онъ рукой на незамѣченную мной группу изъ трехъ юнкеровъ. «Положеніе дряннъ и пѣхотныя школы снова волнуются. А Правительство хочетъ объявить для желающихъ свободный выходъ изъ Дворца. Само же остается здѣсь и отъ сдачи отказывается», — сообщалъ рвущія мозги, душу и сердце новости капитанъ. Я молчалъ. Я не чувствовалъ себя и въ себѣ языка, мысли, ничего. Капитанъ барабанилъ по столу своими длинными, костлявыми, худыми пальцами. Я смотрѣлъ на нихъ. И вдругъ жалость защемила сердце. «Господи, придется ли еще этимъ пальцамъ ласкать личико болѣзненной славной дочурки?» — и эта мысль отрезвила меня.

«Да чертъ съ ними, капитанъ», — заволновался я. «Чѣмъ меньше дрянн во дворцѣ останется, тѣмъ легче будетъ обороняться. Вѣдь до утра досидѣть, а тамъ въ городѣ опомнятся и придутъ на выручку. Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. А вы, что, Лохвицкій, тутъ? Баррикады построили?» — «Какого дьявола», — отвѣтилъ за него капитанъ. — «Разбѣжались при подходѣ Семеновцевъ, а Мейснеръ попалъ въ ихъ руки... добровольно», — выдержавъ паузу, продолжалъ капитанъ, — «заявилъ, что хочетъ идти парламентаромъ отъ той части защитниковъ Дворца, которую здѣсь держатъ силою. Я вамъ говорилъ, что онъ что то выкинетъ».

«Да, да, да. Теперь я все понимаю», — твердилъ я. «Теперь ясны появленія у насъ въ школѣ Рубакина. Теперь я все, все соображаю. Только бы теперь еще пайти военнаго комиссара и кое что спросить», — забѣгавъ по комнатамъ, вѣднвившись руками въ волосы, забормоталъ я. Капитанъ, пораженный моею выходкой, подскочилъ ко мнѣ и началъ успокаивать.

— «Бросьте, не время, идемте къ юнкерамъ. Поручикъ!» — позвалъ онъ Лохвицкаго, — «оставайтесь тутъ и, когда явится Александръ Георгіевичъ, доложите, что мы на баррикадахъ». Мы вышли. За нами вышли юнкера Константиновцы — «А эти назадъ прибѣжали», — рассказывалъ капитанъ. «Когда они стали выѣзжать на Невскій, имъ преградили путь броневики и отняли у нихъ

орудія, которыя теперь противъ дворца направлены. А эти молодцы, какъ то вырвались и просятъ идти на выручку. Сдѣлать вылазку. Эхъ дѣла, дѣла».

Но вотъ мы подошли къ выходу подъ арку. Нѣсколько близкихъ выстрѣловъ густымъ эхомъ отозвались подъ нею.

— «Впередъ, Александръ Петровичъ», воскликнулъ капитанъ и бросился къ воротамъ. За ними я и юнкера. Баррикады были освѣщены. Юнкера стояли на своихъ мѣстахъ, готовые скорѣе быть растерзанными, чѣмъ сойти съ мѣстъ. Пулеметы налаженные торчали на мѣстахъ. Баррикады оказались высокими и довольно удобными съ родами траверсовъ изъ перешеекъ, сложенныхъ также изъ дровъ. Обойдя баррикады, капитанъ нашель, что защитниковъ ихъ недостаточно и что кромѣ того они слишкомъ утомлены, а поэтому приказалъ замѣнить ихъ первой ротой, что немедленно и было мною исполнено. И только юнкера расположились по мѣстамъ за баррикадами, какъ открылся огонь по Дворцу, фонари погасли и мы очутились снова въ темнотѣ. «Откуда стрѣляютъ? Ни черта не видно», неслось по баррикадѣ. «Спокойствіе соблюдать!» — отдавалъ распоряженіе капитанъ. — «Огонь открывать только по моему приказу. Чертъ его знаетъ, кто можетъ идти къ намъ», — обращаясь ко мнѣ, говорилъ онъ. — «А я вотъ, что сдѣлаю: впередъ дозоры выставлю» — и принявъ рѣшеніе, капитанъ началъ назначать юнкеровъ въ дозоры.

Но вдругъ снова загорѣлся свѣтъ въ высокихъ электрическихъ фонаряхъ, стоящихъ по бокамъ воротъ. И снова стало свѣтло какъ днемъ. И снова раздалась выстрѣлы и шелканье пуль о стѣны Дворца. — «Свѣтъ потушить», — кричалъ капитанъ. «Свѣтъ потушить», — бѣгая вокругъ фонарей и ища выключателя, кипятился капитанъ, наблюдая, какъ звуки пуль, ударявшихся о стѣны, постепенно снижались съ верха къ землѣ.

— «Александръ Петровичъ, бѣгите во дворецъ и найдите собаку монтера и приведите сюда», — приказалъ онъ мнѣ.

— «Я раненъ въ руку», — спокойно отходя отъ пулемета, также спокойно доложилъ юнкеръ. Смотря на юнкера, на его спокойствіе, написанное на его лицѣ, и на Георгіевскій солдатскій крестикъ, мнѣ неудержимо хотѣлось схватить и поцѣловать эту раненую руку. Но я сдержался и сталъ отвязывать бинтъ, прикрѣпленный къ поясу. — «Оставьте, Александръ Петровичъ», — замѣтилъ капитанъ. — «Онъ пойдетъ въ лазаретъ въ третій этажъ. Да скорѣе бѣгите за монтеромъ» — крикнулъ мнѣ капитанъ, топнувъ ногой, и я исчезъ въ воротахъ. «Куда бѣжать, гдѣ искать? Дворецъ огроменъ, чертъ, до утра проплутаешь въ немъ! Ага!.. въ столовую! — случайно сообразилъ я. — Тамъ старые придворные лакеи, они все, конечно, знаютъ. Живо, скорѣе, каждая секунда дорога», мчась изо всѣхъ силъ легкихъ, подгонялъ я себя. Подбѣжавъ къ столовой, я наткнулся на двухъ бритыхъ служителей, надъ чѣмъ-то хохотавшихъ. — «Гдѣ монтеръ? Гдѣ — откуда даютъ свѣтъ на паружныя ворота», — набросился я на нихъ съ вопросами. Озадаченные моимъ появленіемъ и вопросами, они замолчали. — «Живо отвѣчайте. Я васъ спрашиваю, гдѣ здѣсь во Дворцѣ монтерная?» — «Я не знаю» — заговорилъ одинъ. — «Сейчасъ никого нѣтъ, всѣ разбѣжались, вотъ только господа офицеры изволятъ погуливать тутъ» — сладенько, цинично улыбаясь, отвѣтилъ пониже ростомъ. — «Издѣваешься скотина!» — и вдругъ неожиданно для себя, я ударилъ его въ лицо. «Говори, гдѣ монтерная», выхватывая револьверъ изъ кобуры и суя его въ лицо другому, давился я словами.

— «Ой, убиваютъ, караулъ» — закричалъ первый, куда-то убѣгая.

— «Сейчасъ, сейчасъ, ваше сіятельство. Я покажу», — сгибаясь, засуетился спрошенный. — «Ладно. Иди скорѣе», — торопилъ я его уже, не выпуская револьвера изъ рукъ. — «Ну скорѣе, бѣгомъ. Времени нѣтъ. Жирная сволочь», — ругался по извощичьи я. Мелькали какія-то двери, переходы. Попадались юнкера, куда то снѣшались, а мы бѣжали изъ одного корридора въ другой. Наконецъ остановились передъ желѣзною дверью; — «здѣсь» — запыхавшись, объявилъ, останавливаясь лакей. «Отвори!» приказалъ я ему. Лакей началъ стучать. Прошло нѣсколько секундъ, показавшихся вѣчностью, и дверь открылась. Еще молодежавый маленькій человѣкъ въ кожаномъ передникѣ, на жилетку, увидя меня съ револьверомъ, поднялъ руки вверхъ. Но я не заговорилъ съ нимъ, а быстро обернувшись, чисто инстинктивно, приказалъ жестомъ выпрямившемуся лакею войти въ комнату и, когда онъ это исполнилъ, я опустил револьверъ и объяснилъ монтеру свое желаніе.

«Не бойтесь», — успокаивалъ я, — «я не большевикъ, а офицеръ, какъ вы можете видѣть по моей формѣ. И скорѣе, пожалуйста, погасите свѣтъ у воротъ на площади». «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе», — засуетился около распредѣлительной доски монтеръ. «Слушаюсь. Сію минуту. Готово, ваше высокоблагородіе», — объявилъ онъ, отходя отъ доски и смотря на мои руки. «Спасибо. Отлично. А теперь выходи оба отсюда. А вы дайте мнѣ ключъ отъ этой комнаты», — обращаясь къ монтеру, потребовалъ я. «Слушаюсь. Сейчасъ. Ахъ Боже мой, гдѣ же ключъ». — «Ищи ключъ на кожаномъ шнурѣ», — мечась по комнатѣ, попросилъ онъ лакея, но тотъ уже выскочилъ и несся по корридору во свояси. — «Живо, живо», — торопилъ я. «Есть», — радостно завопилъ монтеръ, подавая ключъ. Я взялъ его и пробовалъ закрыть и открыть дверь. Замокъ дѣйствовалъ хорошо. — «Ну, идемте. Свѣтъ оставьте здѣсь горѣть. Вы будете находиться при мнѣ», — говорилъ я ему, когда мы зашагали обратно, направляясь къ выходу, къ главнымъ воротамъ. «А что, ваше высокоблагородіе», — спрашивалъ онъ меня. «Вы изъ отряда его Превосходительства генерала Корнилова будете?» — «Почему вы это думаете», — задалъ я ему вопросъ. — «Да ужъ навѣрное не иначе. Ужъ вы больно рѣшительно дѣйствуете, не то что здѣшніе господа офицеры. Собрались съ юнкерами насъ защищать, а сами все гуляютъ». — «Да, да, васъ защищать — думалъ я, — да я тебя бы уже отправилъ на тотъ свѣтъ, если-бы не пужда въ тебѣ». Но вотъ мы вышли къ комендантской. «Ага, — сообразилъ я. Я оставлю его и ключъ у юнкеровъ связи. Это будетъ надежище и цѣлесообразище», и я вмѣстѣ съ нимъ вошли въ комендантскую. Комендантская была полна. Всѣ одновременно говорили, кричали. Я провелъ къ стѣнѣ у шкапа монтера и, сдавъ его юнкерамъ связи, заявивъ имъ, что они мнѣ отвѣчаютъ за него и за ключъ своими головами, сталъ прислушиваться къ происходящему. Оказалось, въ центрѣ ударницъ, инвалидовъ георгиевцевъ и откуда то взявшихся юнкеровъ Павловскаго военного училища, которыхъ во дворцѣ не было, стоялъ комендантъ обороны дворца. Вся эта публика, волнуясь, съ возбужденными глазами, а ударница со слезами на нихъ, умоляли, требовали отъ коменданта обороны сдѣлать вылазку на главный штабъ, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоруживъ и частью убивъ офицеровъ, арестовали генерала Алексѣева.

— «Мы должны выручить ген. Алексѣева. Это единственный человѣкъ, ради котораго стоитъ жить. Только онъ спасетъ Россію, а они его замучаютъ», кричали, перебывая другъ друга, просящіе. «Уже, говорятъ, съ него сорвали погоны», — гизжала одна ударница. «Если вы не разрѣшите, вы врагъ родины», вошли

штабъ-ротмистръ, подпрыгивая на своей протезѣ. «Хорошо», наконецъ согласился комендантъ обороны, видя, что всѣ его увѣренія, что генерала Алексѣева тамъ нѣтъ, ни къ чему не приведутъ. «Но только», продолжалъ онъ, «могутъ произвести вылазку одиѣ лишь ударницы. Инвалиды же должны остаться охранять 1-ый этажъ. Васъ, ротмистръ, я назначаю командиромъ внутренней обороны воротъ. Но какъ только вы убѣдитесь, что генерала Алексѣева нѣтъ, такъ немедленно же вернитесь на мѣсто», снова обращаясь къ ударницамъ, приказалъ комендантъ. Ликуя и торопя другъ друга, покинула вся эта честная, чуткая публика комендантскую.

— «Я не могъ иначе поступить, все равно сами бы ушли, а это было бы хуже», увидѣвъ меня, подѣлился со мною комендантъ. «Ну, какъ ты, живѣ еще», подойдя ко мнѣ и улыбаясь, продолжалъ онъ. — «Ну, и усталъ я. Рвутъ. Говорятъ безъ конца и пикакого толку. Положительно сладу нѣтъ ни съ кѣмъ. Ну идемъ внизъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается». И мы, разговаривая, вышли изъ комендантской. Внизу, на встрѣчу намъ, попался капитанъ Галіевскій. «Разрѣшите узнать, вами ли разрѣшена вылазка ударницамъ», обратился онъ съ вопросомъ къ коменданту. «Да», отвѣтилъ комендантъ обороны. — «Слушаюсь», и онъ снова бросился къ баррикадамъ. «Ну я туда», выйдя подъ арку и указывая на противоположащую дверь 1-го этажа, откуда выбѣжали ударницы, сказалъ онъ. «А ты, — продолжая обращаться ко мнѣ, закончилъ онъ, дѣлай, что найдешь нужнымъ, я доволенъ тобой и довѣряю тебѣ».

Чувство удовлетворенности наполнило меня, и я выскочилъ къ баррикадамъ. И въ тотъ же моментъ снова загорѣлись потухшіе было фонари, и я увидѣлъ выстроившуюся роту ударницъ, стоящую лицомъ ко дворцу и правымъ флангомъ къ выходу изъ-за баррикадъ по направлению Милліонной улицы.

— «Равняйся. Смирно», — покрывая щелканіе пуль о стѣны, о баррикады и верхушку воротъ, командовала, стоя передъ фронтомъ ударницъ, женщина-офицеръ. «На руку. На право. Шагомъ маршъ», и, вынувъ револьверъ изъ кобуры, женщина-офицеръ побѣжала къ головѣ роты.

Я и стоящіе тутъ же офицеры: капитанъ Галіевскій и штабъ-ротмистръ взяли подъ козырекъ.

— «Броневникъ идетъ», — раздалось съ баррикадъ.

— «Пулеметчики, приготовься», — командовалъ Галіевскій. «Александръ Петровичъ, Христа ради, потушите огонь» — крикнулъ онъ мнѣ и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ фонарь.

«Зря», — крикнулъ я, но ошибся. Фонарь потухъ. Пуля разбила его.

Стрѣльба по второму не давала результата, и я снова помчался во дворецъ.

«Тебѣ не свѣтъ тушить надо, а пойти съ ударницами». — «Ну тутъ каждому свое», — глупо урезонилъ я себя, мчась въ комендантскую.

Черезъ нѣсколько минутъ я съ монтеромъ снова былъ въ монтерской. Доска оказалась выключенной, и онъ позвонилъ на станцію.

— «Станція занята матросами», — объявилъ онъ, опуская слуховую трубку. «Теперь весь свѣтъ въ ихъ рукахъ. Ваше высокородіе», — молилъ онъ, пока я провѣрялъ его заявленіе, «отпустите меня: у меня жена, дѣти. Я не при чемъ здѣсь».

«Хорошо, убирайся къ черту и куда хочешь, но попадешься среди нихъ, застрѣлю», — въ бессильной злобѣ угрожалъ я, въ то же время чувствуя бесполезность словъ.

Назадъ я шелъ одинъ. Ноги подкашивались. Я выбился изъ силъ и часто останавливался, чтобы, прислонившись къ стѣнѣ, не упасть. Въ головѣ было пусто. . . Вотъ и комендантская. Вошелъ. Пусто. Я бросился къ окну. «Назадъ, назадъ, господинъ поручикъ, васъ убьютъ», откуда-то раздался удивительно знакомый голосъ. — «Кто здѣсь, гдѣ», — обернулся я. «Это я», высовываясь изъ за шкапа, показалась, бѣлая какъ снѣгъ, физіономія фельдфебеля Немировскаго. «Что вы тутъ дѣлаете, почему не съ юнкерами?» Немировскій вздрогнулъ, зитряся, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Я подошелъ къ нему. «Ну, успокойтесь, въ чемъ дѣло», допрашивалъ я его.

— «Я былъ все время на баррикадахъ. . . Я не могу больше. . . Я не могу видѣть крови. . . Одинъ юнкеръ въ животъ, въ грудь. . . Очень тяжело раненъ, а у него невѣста, старуха мать. . .» — рыдалъ Немировскій. — «Послушайте, — видя, что лаской ничего не сдѣлаешь, сказалъ я, — послушайте, вы самовольно ушли. Вы знаете, что я имѣю право пустить вамъ пулю въ лобъ, но я этого не сдѣлаю, если вы дадите слово взять себя въ руки и отправитесь составить мигъ изъ первыхъ попавшихся юнкеровъ команду связи». — «Спасибо, спасибо. Слушаюсь. Но вы никому не скажете, что видѣли меня. Лучше застрѣлите, но не говорите никому». — «Это будетъ зависѣть отъ васъ, вѣдь вы казакъ, фельдфебель», урезонивалъ я его.

— «Я завтра подамъ рапортъ объ исключеніи изъ школы: я не имѣю права надѣть офицерскаго мундира», — горячо клялся, приходя въ себя и вытирая лицо, юноша-композиторъ, піанистъ, дивной игрою котораго заслушивалась вся школа.

Безконечная жалость къ нему, къ себѣ и ко всѣмъ заворошилась, защемила въ груди.

«На баррикады», крикнулъ я себѣ и съ вновь вспыхнувшей энергіей бросился къ воротамъ. Въ корридорѣ 1-го этажа снова загудѣло отъ выползшихъ откуда-то юнкеровъ пѣхотныхъ школъ. Кто стоялъ, кто шелъ. Но вотъ дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и въ освѣщенномъ корридорѣ толпятся какіе-то юнкера.

«Что-то неладное», — пронизываетъ мысль мозги, и я тамъ. На ящикѣ стоитъ какая-то фигура въ солдатской шинели и оретъ отрывистыя слова. Окружающіе волнуются и гудятъ. «Что такое, что за митингъ», проталкиваюсь впередъ, въ стремленіи среди всеобщаго гама уловить смыслъ бросаемыхъ словъ, говоримыхъ съ ящика, на которомъ часа два тому назадъ стоялъ хорунжій. Наконецъ удается влущаться. «Черезъ пять минутъ Аврора вновь откроетъ огонь. Черезъ пять минутъ». «И еще разъ повторяю: кто сложитъ оружіе и выйдетъ изъ дворца, тому будетъ пощада. Васъ обманываютъ», — вырвалось изъ груди говорившаго.

«Агитаторъ», понялъ я, и холодокъ пробѣжалъ у меня по спинѣ.

«Ну, чего медлишь?» — со свирѣпостью накиннулся я на себя. «Въ твоёмъ наганѣ еще есть патроны. Говори, говори, собака. Собакѣ — собачья смерть, — шепталъ я губами, вытаскивая съ трудомъ руку и осторожно поднимая дуло нагана надъ плечами впереди стоящихъ и цѣлясь въ голову говорящаго.

«Ну, вотъ сейчасъ хорошо!» — и я взвелъ курокъ.

— «Съ ума ты сошелъ!» — раздалось надъ правымъ ухомъ, и одновременно рука легла на мою правую руку, просунувъ палецъ подъ курокъ.

«Что за. . .», и слова замерли на губахъ, я увидѣлъ лицо брата, склонившееся ко мнѣ.

— «Сейчасъ же, поручикъ, отправляйтесь въ комендантскую и ждите меня тамъ. Слышите? Я вамъ категорически приказываю, какъ Комендантъ Оборона Дворца».

Ничего не отвѣчая, я повернулся и, засовывая наганъ въ кобуру, поплелся, съ чувствомъ побитой собаченки, въ комендантскую.

«Ишь ты», — успокаиваясь, сидя въ комендантской, размышлялъ я. «Второй разъ будетъ „Аврора“ стрѣлять по Дворцу, а я и перваго не слышалъ. Да, гдѣ тутъ услышишь, когда такія стѣны. Тутъ, при твердости характера, можно отсиживаться цѣлыя недѣли, а не только до утра. Крѣпость! Эхъ, всѣхъ бы такихъ, какъ наша Школа!» — вяло скользила въ головѣ мысль. «И чего я сижу? — вдругъ рѣшилъ я. Скорѣй бѣги и арестуй Коменданта Оборона. А на что обопрешься? . . . А Галиевскаго забылъ?» — подсказала мысль, и я вскочилъ со стула. Но въ тотъ же моментъ отворилась дверь и въ комендантскую вошелъ Комендантъ Оборона въ сопровожденіи какихъ-то офицеровъ и нѣсколькихъ штатскихъ.

— «Поручикъ, — обратился ко мнѣ Комендантъ, — отправьтесь къ Временному Правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударницами, привела ихъ къ гибели, что Главный Штабъ занятъ возставшими, обезоружившими офицерскій отрядъ, а также доложите, что положеніе усложняется и что Дворецъ кишитъ агитаторами. Временное Правительство вы найдете, — подойдя вплотную ко мнѣ, и понизивъ голосъ, продолжалъ Комендантъ, — за бѣлымъ заломъ, да вотъ возьмите связь — онъ вамъ укажетъ», — показалъ Комендантъ на миленькаго, въ штатскомъ костюмѣ, очень изящнаго юношу.

«Слушаюсь, господинъ полковникъ», — покорно отвѣтилъ я вслухъ и, вернувшись къ юношѣ въ штатскомъ, передалъ ему приказаніе коменданта проводить меня къ Временному Правительству. Юноша взглянулъ на коменданта и, увидѣвъ утвердительный кивокъ головой, любезно раскланялся передо мною и заявилъ, что всего себя предоставляетъ въ мое распоряженіе.

Свернувъ налѣво, затѣмъ направо въ длинный и прямой, какъ стрѣла, корридоръ, я со связью бросился бѣжать. «Здѣсь налѣво, на лѣстницу у стеклянныхъ дверей», — проговорилъ юноша. «А теперь вверхъ и налѣво», и мы снова очутились въ корридорѣ, въ концѣ котораго завернули направо и вышли въ Портретную Галерею.

— «Здѣсь часъ назадъ была брошена бомба сверху проникшими во Дворецъ большевиками, и Временное Правительство должно было изъ этого зала перейти въ другой, куда я васъ сейчасъ приведу», — рассказывалъ онъ, когда мы уже шли по Портретной Галереѣ, гдѣ бѣжать не было возможности изъ-за валявшихся на полу матрацевъ юнкеровъ-ораніенбаумцевъ.

«Вотъ вы гдѣ, сибьоры? Спите? Прекрасное занятіе въ то время, когда гибнуть женщины! Нѣтъ, я ничего не понимаю», — въ отчаяніи, мысленно кричалъ я себѣ.

Но вотъ галерея кончилась, и огромный залъ распластался передъ нами. По залу ходили отдѣльныя фигуры офицеровъ. Мы подошли ближе. Въ офицерахъ узнаю офицеровъ нашей Школы: поручиковъ Бакланова, Скородинскаго и Лохвицкаго. Отдѣльно отъ нихъ разгуливалъ маленькій худенькій докторъ Школы — Ипатовъ.

Увидѣвъ меня, они бросились ко мнѣ: «Какъ? Что? Уже заняли первый этажъ?» . . . дрожащими губами справился торопливо кругленькій, упитанный Баклановъ.

«Да, занять», — и выдержавъ паузу, — докончилъ: «нами».

Изъ блѣднаго, Баклановъ сталъ густо-краснымъ и отошелъ. Скородипскій что-то промямлилъ, что онъ находится здѣсь въ караулѣ, и тоже отошелъ. Только Лохвицкій, съ перекошеннымъ лицомъ, сбиваясь и брызжа слюною, началъ доказывать безплодность дальнѣйшей борьбы. «Вы карьеристы, — говорилъ онъ, захлебываясь, — вы губите юнкеровъ и насъ!»

«Убирайтесь вы къ чорту!» — не вытерпѣвъ, огрызнулся я на поручика Гвардіи, выставленнаго изъ нея съ фронта за необычайное мужество. «Неврастеникъ несчастный!»

— «Вы можете ругаться, сколько угодно, а только губить насъ и Временное Правительство вы не можете», — продолжалъ онъ стонать надъ душой.

«Здѣсь. Стучитесь», — остановился мой провожатый у двери, на караулѣ которой стоялъ юнкеръ нашей Школы, Я. Шварцманъ. Я поздоровался съ нимъ и объявилъ, что иду къ Временному Правительству по приказанію Коменданта Обороны Дворца. Онъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ я могу пройти, и постучалъ въ дверь. Кто-то дверь толкнулъ изнутри и я вошелъ въ нее, закрывая сейчасъ же ее за собой.

— «Что вамъ угодно?» — спросилъ меня въ адмиральскомъ сюртукѣ старичокъ, сидѣвшій налѣво отъ двери, въ креслѣ.

«Поручикъ Синегубъ, Школы Подготовки Прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ, по приказанію Коменданта Обороны Зимняго Дворца, полковника Ананьева, явился для доклада объ обстановкѣ момента господину предсѣдателю Совѣта Министровъ, Ваше Превосходительство», — громко, отчетливо, вытянувшись въ позѣ «смирно», отрапортовалъ я отвѣтъ.

Во время моего отвѣта разгуливавшіе по комнатѣ двое министровъ, членовъ Временнаго Правительства, остановились и затѣмъ они, и одинъ поднявшійся изъ-за стола, подошли ко мнѣ.

Въ одномъ я узналъ Терещенко, а во вставшемъ изъ-за стола — Коновалова.

— «Я къ вашимъ услугамъ. Что сообщите?» — пріятнымъ тембромъ голоса задалъ онъ мнѣ вопросъ. «Говорите, говорите скорѣе!» — живо заторопилъ меня Терещенко.

Въ краткихъ словахъ я изложилъ порученное мнѣ Комендантомъ Обороны, упомянувъ о стойкости юнкеровъ нашей Школы, продолжающихъ лежать на баррикадахъ.

— «Поблагодарите ихъ отъ нашего имени!» — пожимая мнѣ руку, говорилъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, когда я кончилъ докладъ и спросилъ разрѣшенія идти. — «И передайте нашу твердую вѣру въ то, что они додержатся до утра», — закончилъ министръ.

— «А утромъ подойдутъ войска», — вставилъ Терещенко.

— «Понимаете, надо додержаться только до утра», — добавилъ значительнымъ тономъ голосъ изъ-за его спины.

«Такъ точно, понимаю. За нашу школу я отвѣчаю, господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ».

— Вотъ и прекрасно!» — обрадованно проговорилъ тотъ же голосъ. Я быстро взглянулъ въ его сторону и увидѣлъ небольшого старичка съ пронизывающими, колкими глазами.

— «Спасибо», — говорилъ А. И. Коноваловъ, — «и пожалуйста передайте Коменданту, что Правительство ожидаетъ частыхъ и подробныхъ сообщеній».

— «А лучше, если онъ самъ сможетъ вырваться и явиться къ намъ», — бросилъ Терещенко.

Во время этихъ приказаній я приблизился къ двери и открылъ ее, и въ тотъ же моментъ въ нее прѣскользнулъ поручикъ Лохвицкій и, поймавъ за пуговицу жакета А. И. Коновалова, началъ доказывать ему бесполезность дальнейшей борьбы.

Измученные министры пододвинулись и начали вслушиваться въ развиваемую Лохвицкимъ тему.

Мнѣ было досадно и смѣшно. Взять его за плечи и вывести мнѣ представилось актомъ довольно грубымъ по отношенію министровъ, поэтому я его ущипнулъ, но онъ только отмахнулся рукою. Меня это задѣло, и я объявилъ, что поручикъ контуженъ въ голову на фронтѣ, — что соответствовало истинѣ, — и поэтому прошу разрѣшенія его увести. Но мнѣ отвѣтили, что въ томъ, что онъ говоритъ, есть интересныя данныя и поэтому я могу безъ стѣсненія его оставить.

«Слушаюсь», — стереотипно отвѣтилъ я, повернулся и вышелъ. Выйдя въ залъ, я снова почувствовалъ приливъ безконечной слабости отъ неожиданно для меня родившагося какого-то чувства симпатіи къ этимъ людямъ, въ сущности покинутымъ всѣми, на волю волнъ взывавшагося рока. «Бѣдные, какъ тяжело вамъ».

— «Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ», — внезапно раздался зовъ сзади. «Это васъ зовутъ», — сказалъ мнѣ мой спутникъ. Я обернулся. Ко мнѣ изъ кабинета засѣданія Правительства большими шагами, быстро приближалась высокая, стройная фигура Пальчинскаго.

— «Сейчасъ звонили по телефону изъ Городской Думы, что общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ сюда и скоро должны подойти и освободить Дворецъ отъ осады. Передайте это Коменданту Оборонны для передачи на баррикады и оповѣщенія всѣхъ защитниковъ Дворца», — говорилъ взволнованно министръ. «Подождите, я...» — но его перебили передачей изъ кабинета приглашенія подойти къ телефону. «Хорошо, бѣгу!» — крикнулъ онъ, и снова обращаясь ко мнѣ, добавилъ: — «Вы сами, пожалуйста, тоже распространяйте это. Это должно поднять духъ», — отходя отъ меня, закончилъ онъ отдачу распоряженій.

Это извѣстіе о шествіи отцовъ города и духовенства подняло меня. И мнѣ стало удивительно легко. «Это поразительно красиво будетъ», — говорилъ я сопровождавшему меня юношѣ.

Юноша сіялъ еще больше меня. Но вотъ Портретная Галлерея, и я, нѣсколько сдержавъ выраженія своей экзальтированности, выбѣжавъ на середину Галлерей, прокричалъ новость юнкерамъ.

«Ура! Да здравствуетъ Россія!» — закончилъ я сообщеніе новости и, подъ общіе, торжественные крики «ура» юнкеровъ, побѣжалъ дальше, останавливаясь передъ группами юнкеровъ и дѣлясь съ ними приближающейся радостью.

А въ это время снова начала разговаривать съ Невы «Аврора».

— «Будьте добры, помогите мнѣ, — говорилъ мнѣ юноша, оказавшійся офицеромъ-прапорщикомъ, только на-дняхъ пріѣхавшимъ въ отпускъ къ родителямъ съ фронта и вотъ сегодня проникнувшимъ во Дворецъ, — раздѣлить участь юнкеровъ и тѣхъ сыновей чести, которые служили въ арміи не изъ-за двадцатаго

числа, а въ силу уваженія къ себѣ, какъ дѣтямъ большого, прекраснаго народа». «Вы это можете сдѣлать, — убѣждалъ онъ меня, — предоставьте мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я организую вылазки. Позвольте, позвольте — предупредилъ онъ, готовый было сорваться у меня протестъ. — Я уже ходилъ, но одинъ. Я пробрался за баррикады и, вѣшавшись у Александровскаго Сада въ толпу осаждающихъ, бросилъ три гранаты. Это же была картинка! Правда, — помогите», — просилъ юноша.

Но я отказалъ. Одно дѣло, грудь на грудь идти, и другое — изъ-за спины. И среди кого? Рабочихъ, отуманенныхъ блестящей, какъ мыльный шаръ, фантазіей. . . «Нѣтъ, — говорилъ я, — право, невинной крови не надо. Вотъ, подойдутъ горожане съ духовенствомъ, и это, повѣрьте, окажется сильнѣе, чѣмъ «Авроры» съ ихъ стороны и вылазки такого сорта, какъ вы предлагаете, съ нашей. Оставьте честь металій бомбъ изъ-за угла господамъ Савиновымъ», — урезонивалъ я горящаго жаждою боя прапорщика.

— «Вы правы; я не подумалъ съ этой точки зрѣнія», — согласился со мною юноша.

За бесѣдой мы незаметно достигли поворота корридора въ первомъ этажѣ къ выходу подъ аркой, гдѣ намъ снова попалось двое юнкеровъ и какой-то дворцовый служитель, стоявшій прислонившись къ стѣнкѣ и беззаботно курящій махорку, напомнившую мнѣ, что я давно не курилъ. Я остановился и попросилъ у него папиросу. Онъ охотно исполнилъ мою просьбу, но отъ денегъ отказался. Я закурилъ и пошелъ дальше, за поворотъ.

— «Господинъ поручикъ», — вдругъ остановилъ меня одинъ изъ двухъ юнкеровъ, попавшихся на встрѣчу до поворота. «Господинъ поручикъ, этотъ человѣкъ, у котораго вы брали папиросу, кажется большевикъ. У него подъ тулупомъ болтаются гранаты. Мы давно за нимъ слѣдимъ. Онъ кого-то здѣсь ждетъ», — доложилъ юнкеръ свои соображенія о здоровнѣйшаго роста субъектѣ, принятомъ мною за дворцоваго служителя.

«Такъ, отлично! Будьте внимательны! Я сейчасъ провѣрю», — поворачиваясь обратно, приказалъ я юнкерамъ.

«Послушайте, скажите, что вы здѣсь дѣлаете?» — подходя почти вплотную, задалъ я прямо вопросъ человѣку въ тулупѣ и валенкахъ. И не давая возможности произнести что-либо въ отвѣтъ, я быстро оборвалъ крючокъ воротника и задержалъ его на плечи, связавъ, такимъ образомъ, свободу дѣйствій рукъ.

Эффектъ былъ ошеломляющій, какъ для него, такъ и для меня: На раскрытыхъ плечахъ лежали солдатскіе погоны Семеновскаго полка, а за поясомъ торчало два револьвера и висѣло нѣсколько гранатъ.

Мгновеніе — и мой револьверъ у его носа, а штыки винтовокъ юнкеровъ прижались къ животу и груди. И онъ стоялъ, не шелохнувшись, выпуча глаза и сдерживая дыханіе. Прапорщикъ вмгъ снялъ съ него его украшенія и вытащилъ изъ кармановъ кучу обоеймъ и кошелекъ, въ которомъ оказалась расписка въ полученіи отъ товарища Сидора Евдокимова накета за № 17 отъ 25 октября изъ Зимняго Дворца, отъ товарища Н. Печати не было. Подпись была, но не разборчива. Эту записку я спряталъ въ полевую книжку, а револьверы, патроны и гранаты предоставилъ въ распоряженіе юнкеровъ и принялся за допросъ. Но ни угрозы, ни обѣщанія свободы не дѣйствовали. И онъ,

притворяясь дурачкомъ, рассказывалъ сказку, что кошелекъ оиъ нашель во дворѣ, что оиъ неграмотный, и что оиъ и не солдатъ вовсе, а такъ святымъ духомъ оказался въ формѣ. Слушя галиматью, какую оиъ несъ, прапорщикъ бѣсился и все хотѣлъ его пристрѣлить. Но я рѣшилъ иначе и приказалъ юнкерамъ отвести его наверхъ и сдать внутреннему караулу 2-го этажа. Прапорщикъ тоже пошелъ съ ними.

«Надо быть осторожниѣе», — начала строить выводы мысль, когда оставшись одинъ, продолжалъ идти къ комендантской, какъ въ корридорѣ изъ другого, параллельнаго первому, изъ котораго я только-что вышелъ, съ шумомъ показались юнкера-ораніенбаумцы. Я остановился и, дожидаясь, чтобы ихъ больше накопилось, передалъ имъ вѣсть о шествіи горожанъ ко Дворцу. И то, какъ они приняли это, подсказало мнѣ, что они выходили въ корридоръ для полнаго выхода изъ Дворца.

Теперь же настроеніе вновь переломилось, и они снова загалдѣли о возвращеніи обратно къ своимъ постамъ. Въ это же время откуда-то выскочилъ офицеръ ихъ школы, и дѣло водворенія порядка опять пошло на ладъ. Тутъ же попался мнѣ на глаза одинъ изъ юнкеровъ связи нашей Школы, котораго я и послалъ на баррикады передать новость капитану Галиевскому. «Медлить нельзя», между тѣмъ, говорилъ я себѣ. «Скорѣе находи Коменданта Обороны и проси направить свободныхъ офицеровъ къ юнкерамъ. Иначе приходъ отдозъ города будетъ впустую. Затѣмъ изъ юнкеровъ необходимо устроить заставы на подступахъ къ Бѣлому Залу, а то безконечные корридоры никѣмъ не охраняются, и они свободно, черезъ какіе-нибудь ходы, вродѣ Зимней Канавки, просочатся и затопятъ Дворецъ своею численностью, а не побѣдой оружія. Боже, какъ мнѣ это раньше не пришло въ голову», — едва плетясь къ комендантской, казнилъ я. «О, гдѣ бы выпить воды и оправиться», — и у меня въ глазахъ запрыгали стаканъ чаю, замѣченный мною на столѣ въ кабинетѣ засѣданія Временнаго Правительства. «Дуракъ, почему не попросилъ, объяснивъ причины жажды».

«Ты этимъ бы даже подбодрить ихъ. Они увидали бы, что есть люди, которые твердо стоятъ на своемъ посту служенія долгу. Да, держи карманъ шире, — просто рѣшили бы, что выскочка», — зло разсмѣявшись, вошелъ я въ достигнутую мною комендантскую. «Что они тамъ дѣлаютъ», нечаянно обращиваясь на порогъ вправо и замѣчая группу юнкеровъ и офицеровъ, заинтересовался я надъ необычайностью ихъ позъ. «А, пускай дѣлаютъ, что хотятъ», — и я окончательно вошелъ въ комнату. Въ ней я засталъ лишь нѣсколькихъ юнкеровъ и верзилу вольноопредѣляющагося, удивительно напомнившего мнѣ одного знакомаго, и картины изъ родной Малороссіи поплыли передъ глазами, я зашатался и, если бы оиъ не подхватилъ меня, то я бы грохнулся на полъ.

«Вы ранены?» — участливо закидали меня вопросами, но я молчалъ.

Все куда-то ичезло, но я какъ-то сразу увидѣлъ пагнувшагося надо мною верзилу вольноопредѣляющагося. «Что такое? Зачѣмъ вы здѣсь?» — вско-чилъ я съ вопросомъ со стула, на который меня усадили.

— «Вамъ плохо! Сидите лучше, господинъ поручикъ», — ласково улыбаясь изъ-подъ мохнатыхъ бровей голубыми глазами, просилъ оиъ меня. Гдѣ Комендантъ Обороны?» — упрямо задалъ я вопросъ.

«Комендантъ только-что отправился къ Временному Правительству», — отвѣтилъ одинъ изъ юнкеровъ.

«Догнать!» — заоралъ я.

И отъ этого, внезапно вырвавшася крика, мнѣ стала отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеровъ, какъ-то подпрыгнувъ отъ неожиданности окрика, бросились въ корридоръ исполнять приказаніе, но сейчасъ же вскочили обратно.

— «Тамъ дерутся», — срывая изъ-за спингъ винтовки, говорили они.

«Ворвались», — мелькнула мысль, обдавая жаромъ все тѣло, и я въ моментъ бросился къ корридору, вытаскивая револьверъ изъ кобуры. Но взглянувъ въ корридоръ, сейчасъ же вложилъ его обратно. Дравшіеся на шашкахъ, мелькавшихъ въ воздухѣ, оказались двое пьяныхъ офицеровъ, быстро отдѣлявшихся отъ группы, замѣченной мною при входѣ въ комендантскую. «Что скажу юнкерамъ? Какой стыдъ!» — смущенно рѣшалъ я. «Офицеры подрались, своихъ не узнали, что ли? Видно большевики для васъ, что пугало для воронъ!» — крикнулъ я уже изъ корридора, бросаясь между приблизившимися драчунами. Мое появленіе смутило и внесло нѣкоторое спокойствіе, что дало возможность подбѣжавшимъ сотоварищамъ развести ихъ въ разныя стороны.

— «Господинъ поручикъ, — подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ одинъ изъ юнкеровъ, — что прикажете доложить коменданту? Вы приказывали его догнать».

«Спасибо. Я забылъ. Не надо, я самъ пойду... Кто знаетъ дорогу? А то я запутаюсь», — схитрилъ я, боясь, что снова ослабѣю и не дойду самостоятельно.

— «Я знаю, господинъ поручикъ», — вызвался вольноопредѣляющійся. — «Разрѣшите, проведу?»

«Да, да. Идемте. А вы оставайтесь здѣсь и всѣмъ передавайте, что сюда идетъ народъ», и я повторилъ извѣстіе, съ которымъ прибѣжалъ.

— «Позвольте васъ взять подъ руку», — предложилъ мой провожатый, когда мы скрылись за поворотомъ.

«Спасибо. Только съ лѣвой стороны», — быстро попросилъ я его, отъ мелькнувшаго соображенія: «почему онъ такъ быстро предложилъ свои услуги... и вообще, какъ странно онъ держится, почему онъ дернулся корпусомъ впередъ, когда я говорилъ, что сюда идутъ отцы города. Ясно, ему это не понравилось... ужъ не онъ ли посылалъ отсюда пакетъ за № 17», — работало напряженно какое-то растущее чувство недовѣрія къ спутнику, что-то болтавшему, что ускользало отъ моего слуха.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, спутникъ все круче и круче мѣнялъ темы разговора, а я все лѣнивѣе ворочалъ языкомъ и чаще сталъ останавливаться, чтобы, опершись спиною къ стѣнкѣ, внимательно разсмотрѣть лицо, руки и одутловатости кармановъ. «Странно — упорно сидѣла все одна и та же мысль въ головѣ. — И его раньше все какъ-то не замѣчалъ, и почему онъ безъ винтовки или револьвера, или шашки. И что онъ можетъ безъ нихъ тутъ дѣлать? Нѣтъ, опредѣленно здѣсь дѣло нечистое», — заключалъ я и принимался идти дальше, чтобы черезъ сотню шаговъ остановиться и снова обдумать тѣ же вопросы. Но вотъ онъ, слегка занувшись, съ налета задалъ вопросъ, не могу ли я использовать его желаніе быть полезнымъ дѣлу защиты Временнаго Правительства и, если понадобится, занять его такъ, чтобы сами члены Временнаго Правительства видѣли его усердіе, за что его, послѣ подавленія мятежа, произведутъ въ корнеты флота...

— «Господинъ поручикъ», — повышено закончилъ онъ, спотыкнувшись на словѣ «флота», свою просьбу. Я отъ неожиданности сопоставленія корнета съ флотомъ слегка вздрогнулъ и искоса взглянулъ на него снизу вверхъ. Онъ тоже смотрѣлъ на меня. «Матрость», — выросла догадка...

«Что же, я съ удовольствіемъ сдѣлаю это», — съ трудомъ проговорилъ я, въ то же время сжимая рукоятку нагана.

— «Покорнѣйше благодарю!» — освобождая свою правую руку, отвѣтилъ онъ. «Вы бы отдохнули, господинъ поручикъ, на васъ лица пѣть», — остановился онъ съ предложеніемъ, засунувъ освобожденную руку въ правый задній карманъ. Въ корридорѣ, въ который мы вышли съ большой мраморной лѣстницы, была полутемнота и полное отсутствіе какой либо человѣческой фигуры. Въ вискахъ стучало, во рту было не хорошо. «Кто раньше?» — мелькалъ вопросъ въ головѣ, съ жадностью улавливавшей доносящіеся звуки гула голо-совъ изъ свѣтлой полоски конца корридора. И вдругъ изъ распахнувшейся двери, слѣва отъ выхода съ лѣстницы, вышли съ тяжелыми шагами, эхомъ покотившимися по корридору одинъ за другимъ пять юнкеровъ.

— «А какой у меня револьверъ, я всегда съ нимъ», — смущенно говорилъ мнѣ вольноопредѣляющійся верзила, вытаскивая правую руку и нерѣшительно подымая ея кисть, съ зажатымъ въ пальцахъ браунингомъ.

«Хорошій, но вы не играйте имъ! Оружіемъ не играютъ», — наставительно громко произнесъ я отвѣтъ, хватая лѣвой рукой за его кисть съ револьверомъ и подымая свой наганъ правой рукой. «Играя — можно убить», — кончилъ я.

Находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ юнкера-ораніенбаумцы — уже стояли рядомъ.

«Бросьте револьверъ, вы не умѣете съ нимъ обращаться! — Взять его!» — приказалъ я юнкерамъ, когда браунингъ упалъ изъ разжавшихся пальцевъ. «Я арестую васъ! Ведите въ Портретную Галерею!» — отдалъ я приказаніе юнкерамъ, внутренне поражаясь ровной четкой интонаціи собственнаго голоса въ то время, когда сердце готово было выскочить изъ груди.

Въ Портретной Галереѣ, куда я вошелъ съ юнкерами и печальнымъ плѣнникомъ, — стоялъ въ воздухѣ Содомъ и Гоморра. Строились какіе-то юнкера, то вбѣгая въ строй, то выскакивая изъ него. Отъ шума и свѣта и предшествующаго волненія, я остановился, чтобы разобраться въ впечатлѣніяхъ. Прямо передо мной стоялъ Комендантъ Оборона, правѣе Пальчинскій, кричащій негодующе на поручика Лохвицкаго, съ совершенно искаженной фізіономіей, что-то въ свою очередь кричащаго Пальчинскому. А еще ближе направо у незамѣченной мною деревянной загородки-будки стоялъ поручикъ Скородинскій и двое юнкеровъ на часахъ. Изъ загородки доносились какіе-то грубыя восклицанія и смѣхъ.

— «Господинъ полковникъ, я приказываю арестовать этого большевика», — указывая на Лохвицкаго Коменданту Оборона, горячился министръ.

— «Чортъ знаетъ что! Второй офицеръ оказывается большевикомъ!» — кончилъ, приходя въ себя, Пальчинскій и, отвернувшись отъ поручика къ строящимся юнкерамъ, сталъ торопить построение.

«А, вы пришли! Это превосходно. Вотъ, господинъ министръ, офицеръ, за котораго я вамъ ручаюсь», — указывая на меня Пальчинскому, продолжалъ Комендантъ Оборона.

«Не з'бгайте», — бросилъ я юнкерамъ и подошелъ къ начальнику Оборони съ докладомъ о положеніи вещей внизу и объ арестѣ мною, за странное поведеніе, вольноопредѣляющагося, въ которомъ я подозрѣваю матроса, но въ чемъ убѣдиться документально не успѣлъ.

— «Гдѣ онъ? А этотъ! Отлично сдѣлали, что арестовали. Я уже хотѣлъ это сдѣлать, но онъ какъ-то ускользнулъ изъ глазъ. Поручикъ Скородинскій, примите и допросите... А вы, принимайте командованіе взводомъ и отправьтесь очистить отъ большевиковъ ту часть Дворца, что примыкаетъ къ Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняютъ Дворецъ», — отдалъ мнѣ приказаніе Комендантъ Оборони, указывая на строящихся юнкеровъ.

— «Приведите ихъ скорѣе въ порядокъ», — обратился ко мнѣ министръ.

«Слушаюсь! Взводъ равняйся!» — и слова команды покрыли шумъ. «Разрѣшите идти, господинъ министръ?» — спросилъ я у Пальчинскаго, когда назначенные мною взводный и отдѣленные командиры заняли свои мѣста и произвели расчетъ.

— «Да вы планъ Зимяго знаете?» — справился у меня министръ.

«Никакъ нѣтъ!»

— «Господинъ полковникъ, дайте поручику провожатаго. А гдѣ комендантъ зданія? Онъ гдѣ-то здѣсь былъ», — спрашивалъ министръ.

— «Такъ точно, я тутъ, господинъ министръ!» — подлетѣлъ молоденькій прапорщикъ въ широчайшихъ галифѣ.

— «Вотъ, вы пойдете вмѣстѣ со взводомъ и укажете путь самый короткій и такъ, чтобы... ну, поднявшись еще на этажъ, спуститься къ нимъ въ тылъ сверху... Однимъ словомъ, чтобы зайти въ тылъ. А со стороны воротъ тоже будутъ приняты мѣры», — высказалъ соображенія министръ.

— «Виновать, господинъ министръ, я буду совершенно безполезенъ... я... я не знаю ходовъ соединеній помѣщеній Дворца. Я только недавно вступилъ въ должность и за сложностью обязанностей не успѣлъ еще ознакомиться», — оправдывался въ своемъ незнаніи своихъ обязанностей шикарный комендантъ зданія.

— «Это чортъ знаетъ что!»... — вскипѣлъ министръ. «Я самъ пойду съ вами!» — отнесся онъ ко мнѣ. «Подождите одну секунду», — и онъ подошелъ къ Коменданту Оборони, отдававшему какія-то распоряженія юнкерамъ связи.

Я воспользовался этимъ перерывомъ и спросилъ поручика Скородинскаго о результатѣ допроса.

— «Да и допрашивать не пришлось. Сразу сознался, что все время болтался здѣсь и велъ наблюденіе, но на васъ онъ даже не сердить. Слышите — хохочутъ подлещи».

«Ну, всѣхъ благъ. Министръ идетъ».

Я бросился къ взводу. Министръ кивнулъ головой. «Смирно! На плечо! Ряды вздвой! Направо! Шагомъ марши!» — подаль я команду, и взводъ двинулся.

— «Сколько юнкеровъ?» — справился министръ, идя рядомъ со мной.

«27 человекъ», — отвѣтилъ я.

— «Достаточно. Эти негодники очень трусливы. Важна внезапность», — проговорилъ министръ и смолкъ.

Министръ тоже не зналъ расположенія ходовъ во Дворцѣ, а поэтому велъ на лобовой ударъ, а не въ тылъ.

Гулко неслись шаги взвода по длиннымъ корридорамъ и лѣстницамъ, взбудораживая отдѣльныя группы и фигуры юнкеровъ, большей частью безцѣльно слонявшихся по Дворцу.

Но вотъ и корридоръ 1-го этажа. Опомнившіеся Ораніенбаумцы держали нѣкоторый порядокъ. Стояли кое-гдѣ парные часовые, а передъ выходомъ подъ арку къ воротамъ стояла застава. При нашемъ появленіи они замѣтно оживились.

Взводъ же, ведомый министромъ Пальчинскимъ, также подтянулся и взялъ тверже ногу.

«На мѣстѣ!» — скомандовалъ я передъ выходомъ, выжидая пока министръ наведетъ справку о положеніи на баррикадахъ.

— «Баррикады въ нашихъ рукахъ, тамъ же почти все въ рукахъ большевиковъ. — Прямо!» закончилъ министръ.

Эхо ружейной и пулеметной трескотни смѣшивалось съ пскливымъ жужжаніемъ пулекъ, пронизывающихъ арку вдоль отъ воротъ ко двору.

«По одному, — прямо, бѣгомъ!» — скомандовалъ я, бросаясь черезъ арку къ противоположнымъ дверямъ перваго этажа второй части Дворца.

Перебѣжка протекла благополучно, безъ раненій. Въ знакомомъ уже мнѣ вестибюлѣ оказалась группа юнкеровъ, ведшихъ какое-то совѣщаніе. Я и министръ накинулись на нихъ съ вопросомъ, гдѣ большевики, и что они сами дѣлаютъ.

— «Большевики тутъ, за слѣдующей залой скопляются, у лѣстницы», — отвѣтили спрошенные.

— «Прекрасно, присоединяйся къ намъ!» — крикнулъ министръ, бросаясь дальше. Я бѣжалъ рядомъ. Но вотъ залъ съ лѣстницей наверхъ. По залу въ отдѣльныхъ кучкахъ раскинуты солдатскія и матросскія фигуры, вооруженныя съ пять до зубовъ.

Съ крикомъ: «Сдавайся!» — направляюсь къ лѣстницѣ, чтобы отрѣзать выходъ на лѣстницу. Первая пара юнкеровъ мчится туда же за мной. Съ нами, рядомъ, министръ. Вбѣгающіе юнкера, съ винтовками на перевѣсѣ, ошеломляютъ группу и первое мгновеніе воцаряется растерянность, мѣстами превратившая матросовъ и солдатъ въ столпниковъ.

«Насъ мало, а ихъ много. Они разбросаны, а мы вбѣгаемъ лишь съ одной стороны», — мелькаетъ въ головѣ, и я, оборачиваясь, ору слова команды, какъ будто бы за мной идетъ бригада; ору, словно меня рѣжутъ на куски. У лѣстницы, куда стоявшіе у нея матросы и солдаты вдругъ бросились удирать, замахиваясь гранатами, но только замахиваясь, а не кидая ихъ, очевидно, изъ боязни переранить своихъ, министръ Пальчинскій, находившійся все время рядомъ со мной, склоняется ко мнѣ своею длинной фигурой и кричитъ мнѣ въ правое ухо: «перестаньте орать, словно васъ рѣжутъ, — я не могу слышать!» — Но я бросаю фразу, что такъ надо, и продолжая крикъ, устремляюсь на лѣстницу. Передъ поворотомъ ея въ обратную сторону вверхъ, моя пара юнкеровъ и я задерживаемся, чтобы обезоружить и стащить внизъ пару пойманныхъ матросовъ. И въ этотъ моментъ я замѣчаю, что эффектъ нашего появленія далъ прекрасные результаты: нѣсколько десятковъ человѣкъ уже обезоружено, а нѣсколько въ сторонѣ, вправо отъ лѣстницы, группа юнкеровъ съ тремя офицерами, бывшая до нашего появленія въ плѣну у нашего противника, уже устремляется къ винтовкамъ и гранатамъ.

— «Освободившіеся юнкера и офицеры сюда!» — кричит Пальчинскій. «Дальше спѣшите!»... — бросаетъ онъ мнѣ. Но дальше бѣжать мнѣ не съ кѣмъ. Но нѣсколько секундъ, и ко мнѣ подбѣжало человѣкъ 7—9 юнкеровъ и прапорщиковъ, и мы снова несемъ впередъ, но уже по лѣстницѣ. Ближайшій матросъ, все поворачивающійся въ своемъ бѣгствѣ, словно затравленный звѣрь, пытается стрѣлять, но неудачно, и онъ спотыкается. Честь схватить его первымъ принадлежитъ мнѣ, несмотря на горячее желаніе этого достигнуть у прапорщика. Вырываю револьверъ и сталкиваю внизъ къ юнкерамъ, для ареста, для отнятія гранатъ, и снова несусь дальше за обогнавшимъ меня прапорщикомъ и двумя юнкерами слѣва. Но вотъ, лѣстница кончилась, и преслѣдуемые нами матросы и солдаты несутся уже по огромному залу.

Теперь ихъ больше. Вмѣстѣ съ ними, въ безотчетномъ страхѣ, удираютъ тѣ товарищи, что въ спокойномъ настроеніи спѣшили внизъ въ 1-ый этажъ.

Въ залѣ мы снова освобождаемъ небольшую группу юнкеровъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ посылаю отвести внизъ новыхъ, захваченныхъ плѣнныхъ, и снова дальше. Министра уже съ нами нѣтъ. Онъ остался внизу закрѣплять успѣхъ.

Но вотъ и этотъ залъ кончился и налѣво передъ нами, — мной, прапорщикомъ и четырьмя, пятью юнкерами, — новый залъ съ корридормъ впереди. Въ этомъ залѣ повторяется то же, но съ тою разницей, что захваченные было въ плѣнъ юнкера и находившіеся въ немъ уже сами при нашемъ появленіи срываются со всѣхъ сторонъ и, набросившись на столы, съ лежащими на нихъ кучами граватъ, помогаютъ задерживать и обезоруживать своихъ бывшихъ сторожей, пустившихся было на утѣкъ.

«Развѣ ты солдатъ?» — набросился я на замахнувшася гранатой «большевика».

Тотъ заморгалъ глазами отъ моего вопроса.

«Я тебя, скотина, спрашиваю. Опуститъ руки, когда съ тобой разговариваетъ офицеръ!»

Онъ покорно опустилъ занесенныя руки съ гранатами.

«Положи на полъ! Вѣдь не умѣешь ихъ держать! Еще себя взорвешь!»

Солдатъ затрясся, положилъ гранаты и вдругъ заревѣлъ.

«Сволочь, на офицера руку поднй!.. Ну ладно... ты не виноватъ. Тебѣ голову замусорили другіе. Знаю... Не бойся... Живъ останешься!» — говорилъ я ему и въ то же время уже осматривалъ это поле битвы, къ огромному счастью, совершенно безкровное.

«Надо дальше въ корридоръ. Хорошо, что эта шантрапа безъ боевыхъ руководителей», — оставляя земляка ревѣть, подошелъ я къ прапорщику, снимавшему съ матроса гранаты.

— «Этихъ надо убрать», — замѣтилъ онъ мнѣ.

«Да, это вы правы».

Черезъ нѣсколько минутъ пять юнкеровъ повели 11 человѣкъ матросовъ и солдатъ внизъ.

«Пришлите сюда первоопавшихся юнкеровъ!» — отдалъ я приказаніе уходящимъ. И оставшись одинъ, я увидѣлъ, что насъ осталось всего четверо: я, прапорщикъ, юнкеръ наней школы Шапиро и юнкеръ ораиенбаумецъ.

— «Гамъ гдѣ-то есть входъ», — указалъ на корридоръ прапорщикъ.

«Чортъ его знаетъ, тамъ много этихъ дверей. Ну ладно, идемте! Вы оста-
нетесь тутъ охранять гранаты и въ качествѣ резерва, — приказалъ я ораніен-
баумцу, — а мы въ корридоръ. Отыщемъ выходъ. Забаррикадируемъ столами
и все будетъ великолѣпно. Пока задача выполнена».

Уже нѣсколько дверей нами освидѣтельствовано. Всѣ заперты. Но вотъ,
прапорщикъ открылъ дверь и вскрикнулъ. Просунувшійся матросъ схватилъ
его за ногу. Онъ упалъ и сразу оба исчезли за порогомъ. Крикъ испуга и
ругань сразу родили во мнѣ представленіе, что тамъ, въ темнотѣ, лѣстница,
и на ней засада. Моя стрѣльба подняла еще большій шумъ и топотъ. «Уди-
рають». — «Впередъ!» — И я съ юнкеромъ Шапиро бросились въ темноту.

«Проклятіе!» Лѣстница оказалась винтовой, металлической и вертикаль-
ной. Стрѣлять и бросать гранаты бесполезно. Но вотъ просвѣтъ пролѣта и
граната летитъ туда. Взрывъ. — Еще крики. Хлопаніе двери и тишина.

Прислушался. Тихо, ни одного звука. Начали спускаться — площадка
и дверь. Толкнули. Заперта. Еще разъ толкнули — заперта. Понесли еще
выходъ. Нѣтъ. Голые, холодныя стѣны. Порылся въ карманѣ, отыскивая
спички. Коробка есть, но спичекъ не оказалось. Я посоветовался съ юнкеромъ
Шапиро и стали подниматься обратно. И вдругъ проскользнуло соображеніе:
«А что, если наверху, изъ другихъ комнатъ, выскочили на нашу стрѣльбу и
заперли двери?» — И отъ этой мысли стало холодно. «Скорѣе, скорѣе на-
верхъ, къ двери, къ свѣту!» — звенѣло въ головѣ.

Но вотъ площадка. Руки ощупываютъ холодныя, гранитныя стѣны.
«Дверь!» — вскрикиваю я и толкаю. «Заперта»... — мелькаетъ сознаніе отъ
ощущенія бесплодности надавливанія на нее. Ищу ручку. Таковой не оказы-
вается.

«Выше!» — вдругъ просвѣтляется мозгъ соображеніемъ, что это промежу-
точный этажъ, и мы снова съ юнкеромъ бросились подниматься по лѣстницѣ
вверхъ. Но вотъ, стало что-то сѣрѣть на стѣнѣ и черезъ нѣсколько ступе-
чекъ мы очутились передъ открытой дверью въ показавшійся мнѣ необычно
ярко освѣщенный корридоръ. Съ чувствомъ облегченія вышли въ корридоръ.

«Но вѣдь это не конецъ», — сказали мнѣ груды гранатъ, спокойно лежащія
на полу около стола передъ дверью въ этотъ корридоръ. И вопросъ о томъ,
что дѣлается тамъ, на баррикадахъ, у комендантской, у Портретной Галлерей,
у мучениковъ, членовъ Временнаго Правительства, снова выросъ въ душѣ.

И необходимость дѣйствія повелительно завладѣла всею существомъ.

«Дорогой мой, вамъ не будетъ неприятно остаться одному здѣсь, пока я сбѣ-
гаю за юнкерами? Я послалъ бы васъ, но боюсь, что юнкера чужихъ школъ
васъ не послушаются».

— «Ради Бога, господинъ поручикъ, приказывайте. Я все исполню, что вы
прикажете, только не считайтесь съ желаніемъ убересть меня. Я не боюсь.
А вамъ необходимо оправиться и организовать оборону, а то снова налѣзутъ!»

«А гдѣ же ораніенбаумецъ?» — спохватился я и бросился въ залу. Тамъ
было пусто.

«Можетъ быть, въ слѣдующей залѣ еще есть кто»... — и я бросился
дальше. Но никого не было и тамъ... И я вернулся обратно въ корридоръ,
гдѣ продолжалъ стоять юнкеръ Шапиро.

— «Господинъ поручикъ, я стану на лѣстницѣ, у стѣнки. Это будетъ незамѣтнѣе и выгоднѣе», встрѣтилъ онъ меня своимъ соображеніемъ. «Хорошо», — согласился я.

«Никого нѣтъ, надо идти къ Пальчинскому. Чортъ, не понимаю, почему не присылаютъ подкрѣпленія», — говорилъ я, передавая юнкеру револьверы и гранаты, захваченные изъ залы.

— «А можетъ быть, тамъ идетъ бой», — высказалъ онъ предположеніе.

«Возможно. Ну — я бѣгу. Да хранить васъ Господь! — Если все благополучно, я сейчасъ же назадъ. Простите, родной, что оставляю, но по совѣсти иначе не могу. И смотрите, въ случаѣ чего, живымъ въ руки не попадайтесь. Пощады теперь не будетъ!»... — крикнулъ я уже изъ зала и понесся бѣгомъ къ 1-му этажу.

Лишь въ концѣ второго зала, у лѣстницы, попался только обрюзглый, маленький, сѣдой придворный служитель, при моемъ приближеніи весь сжавшійся и задрожавшій.

«А, револьвера испугался», — подумалъ я, замѣтивъ, что его глаза смотрятъ на мою руку, сжимавшую паганъ, который я забылъ спрятать въ кобуру. И отъ этой мысли рука было дернулась къ кобурѣ, но сразу не попавъ въ нее, я оставилъ руку съ револьверомъ въ покоѣ.

Но вотъ и вестибюль, съ котораго началось наше побѣдное торжество, приведшее къ нѣсколькимъ десяткамъ плѣнныхъ и потерѣ прапорщика.

Въ вестибюлѣ была группа юнкеровъ и еще какихъ-то людей. Я бросился къ юнкерамъ:

«Сейчасъ навверхъ. Налѣво, черезъ одинъ залъ, а затѣмъ черезъ другой, въ корридоръ. Тамъ увидите открытую дверь налѣво, на лѣстницу. И тамъ стоитъ часовой — юнкеръ Шапиро. Такъ немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы безъ винтовокъ? Что это за люди?» — озадаченно-недоумѣнно, ничего не понимая, спрашивалъ я.

— «Мы... Дворецъ сдался...» — наконецъ мрачно отвѣтилъ одинъ юнкеръ.

«Сдался?!.. Вранье, не можетъ быть», — и я бросился въ дверь подъ арку. Подъ аркой шумѣло, гудѣло, двигалось. И я, рванувшись въ потокъ, напирající въ тѣ же двери, что и мнѣ нужны, проталкивался, дрался, и снова проталкивался, пока не очутился, совсѣмъ сдавленный водоворотомъ человѣческихъ тѣлъ, передъ лѣстницей въ комендантскую, тоже всю занятую людьми.

Отъ этой невольной остановки я началъ уяснять, что дѣйствительно что-то случилось, по что, я не отдавалъ себѣ отчета.

— «А вотъ гдѣ ты? — Стой!» — оглушилъ меня окрикъ, и передъ лицомъ, надъ плечами, отдѣлившимъ меня отъ кричавшаго матроса, показалась съ трудомъ тянущаяся ко мнѣ мозолистая, съ короткими, корявыми пальцами, рука.

«Онъ схватитъ меня за лицо!» — мелькнула мысль и ужасъ овладѣлъ мной. И отъ этого оцущенія я рванулся въ сторону и вступилъ на ступеньку лѣстницы; и только тутъ я замѣтилъ, что еще немного выше стоитъ Комендантъ Оборонны, а рядомъ высокій, съ красивымъ лицомъ, вольноопредѣляющійся лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Увидѣвъ Коменданта, я сдѣлалъ еще усиліе и снова протиснувшись, поднялся еще на нѣсколько ступенекъ.

Онъ замѣтилъ меня. И нагнулся ко мнѣ: «Саня, я вынужденъ былъ сдать Дворецъ. Да ты слушай», — увидя, что я отпрыгнулъ отъ него, продолжалъ онъ.

«Сдать Дворецъ?» — горѣло въ мозгу.

— «Не кинялись. Поздно — это парламентареры. Бѣги скорѣе къ Временному Правительству и предупреди... скажи: юнкерамъ обѣщана жизнь. Это все, что пока я выговорилъ. Оно еще не знаетъ. Надо его спасать. Для него я ничего не могу сдѣлать. О немъ отказываются говорить»...

«Да, да, спасать!»... — овладѣло моею душой новое горѣніе. И я повернулся бѣжать. А навстрѣчу тянется матросъ. «Въ животъ!» И я нагнувшись сверху внизъ ткнулъ головою ему въ животъ и, какъ-то проскользнувъ дальше въ толпу, сталъ пробираться. Тяжело, не понимаю какъ, но я продвигался впередъ, среди этой каши изъ рабочихъ, солдатъ, юнкеровъ, — оборачиваясь посмотрѣть, гдѣ матросъ. Но его изъ-за сгрудившихся тѣлъ не было видно. Но вотъ, стало свободнѣе. Только одни юнкера, медленно продвигающіеся, безъ оружія, къ дверямъ.

А вотъ и выскочилъ изъ толпы и побѣжалъ дальше. «Скорѣе за поворотъ. Нѣтъ, не сюда. За второй»,... — и я продолжалъ бѣжать. Вотъ и поворотъ.

«Въ этотъ», — рѣшилъ я и завернулъ.

— «Господинъ поручикъ, тамъ большевики, пулеметы», — выросли передо мною двѣ фигуры юнкеровъ.

«Гдѣ?»

— «За стеклянной дверью, въ концѣ корридора. Слава Богу, что васъ встрѣтили. Мы нарочно стоимъ здѣсь, чтобы думали, что все хорошо, что мы часовые. А то въ тылъ баррикадамъ зайдутъ!» — говорили братья Эпштейны, юнкера нашей школы.

«Правильно. Стойте», — и я сдѣлалъ движеніе, чтобы бѣжать дальше.

— «Господинъ поручикъ, Ораніенбаумцы идутъ».

«Ораніенбаумцы? Гдѣ?» — Изъ одной изъ дверей въ покинутый мной корридоръ дѣйствительно выходила новая толпа юнкеровъ.

«Надо бѣжать къ Временному Правительству, чего медлишь?» — работала мысль. — «Нѣтъ, стой!» — и что-то толкнуло меня къ выходящимъ юнкерамъ.

«Юнкера стой!» — заоралъ я и началъ говорить. Что я говорилъ, я не отдавалъ себѣ отчета. Я призывалъ и проклятія матерей за оставленіе Дворца, за позоръ, которымъ покроются ихъ погоны, эта ступень къ высокому званію офицера, я и взывалъ къ товариществу, къ традиціямъ. Юнкера мрачно слушали меня. А когда я выкричался, то снова пришли въ движеніе, но уже тихо и безмолвно. Но все же, нѣсколько человѣкъ бросились ко мнѣ и со слезами стали просить прощенія за уходъ: «Но что мы можемъ сдѣлать! Съ нами нѣтъ офицеровъ! Мы попробовали, послѣ перваго раза, когда вы говорили съ нами о шествіи изъ города народа съ духовенствомъ, выбрать начальниковъ изъ юнкеровъ. Но ничего не вышло, когда тѣ начали распоряжаться. Сами же выбравшіе стали отказываться. Вотъ, если бы у насъ были такіе офицеры, какъ капитанъ Галіевскій вашей Школы, то этого не было бы... Простите, мы побѣжимъ, а то отстанемъ отъ товарищей, будетъ хуже!» — и они побѣжали къ удалявшейся ротѣ.

Опять пустынные корридоры, лѣстница и наконецъ Портретная Галлерей. Никого. На полу винтовки, граматы, матрацы. А со стѣнъ въ скованныхъ золотыхъ рамахъ стоятъ, во весь ростъ, бывшіе Повелители могучей, безпредѣльной Россіи. «Счастливые! Вы бѣзмятежно спите!» — въ благоговѣйномъ

страхъ взглянулъ я на портреты Владыкъ моихъ предковъ, которые такъ имъ служили со своими современниками, что передъ Россіей трепетала Европа. «А теперь!» . . . — И я сталъ молиться Богу, съ просьбой прощенія за кощунство, которое я собой представляю, шагая по этому залу.

«Скорѣе, скорѣе отсюда», — несло въ головѣ, но ноги не слушались, и я уже едва плѣлся. «Какая длинная галлерей! Я не дойду. Это что? А, да, слѣдъ отъ разорвавшейся бомбы. Бомбы? — Да, да, бомбы!»

— «Господинъ поручикъ, вы куда?» — и изъ-за портьеры, обвивавшей входъ въ залу изъ Портретной Галлерей, показалось двое юнкеровъ нашей Школы, но кто — я не узнавалъ.

— «Идите въ полуцыркульный залъ; тамъ есть наши и Никитинъ, членъ Временнаго Правительства».

«Ахъ да, спасибо», — и я опомнился. «А гдѣ само Временное Правительство?» — спросилъ я, снова овладѣвая собою.

— «Оно? Не знаемъ!»

— «Здѣсь, господинъ поручикъ!» — раздался голосъ справа изъ маленькой темной ниши.

Я бросился туда. Въ ней лежало и стояло нѣсколько человѣкъ юнкеровъ съ винтовками въ рукахъ. «Что вы дѣлаете?» — спросилъ я.

— «Мы въ караулѣ при Временномъ Правительствѣ — оно здѣсь, направо». — и мнѣ указали дверь.

Я вошелъ. А. И. Коноваловъ выслушалъ докладъ, затѣмъ я вышелъ изъ маленькаго кабинета и пошелъ въ галлерей. И здѣсь я сѣлъ на маленькій диванчикъ. Скоро выскочила женщина и, говоря, что она представительница прессы и поэтому, представляя собою общественное мнѣніе, можетъ быть совершенно спокойна, что ее никто не тронетъ, — металась отъ одной двери къ другой. Меня это смѣшило. Посмотритъ направо, напротивъ, на дверь, на винтовую лѣстницу, сейчасъ же отскочитъ и бросится въ залъ. Но вотъ, выскочилъ штатскій, схватилъ ее подъ руку и они побѣжали въ залъ.

Сидѣть было пріятно. Мягко. И я съ удовольствіемъ сидѣлъ. Въ головѣ было такъ тихо, спокойно.

Вышелъ Пальчинскій, за нимъ Терещенко.

— «Нѣтъ, это не пріемлемо, я категорически утверждаю! . . .» — доносился до меня голосъ Пальчинскаго. «Надо вернуть юнкеровъ! Послушайте, бѣгите, верните юнкеровъ», — продолжалъ онъ.

«Ахъ, это ко мнѣ относится». И я попытался подняться. Но ничего не вышло.

«Я здѣсь умереть могу, но бѣгать, бѣгать больше не въ силахъ!» . . . — проговорилъ я и отвернулся. Мнѣ было больно, стыдно за свой отказъ.

— «Я самъ пойду», — отнесся Пальчинскій къ Терещенко, — «а вы вернитесь». — «Ну, хорошо» . . . — согласился тотъ.

Пальчинскій пошелъ, а Терещенко вернулся назадъ. Черезъ минуту выскочилъ какой-то молоденькій офицеръ въ черкескѣ и побѣжалъ за Пальчинскимъ.

Минуты бѣжали.

Но вотъ, откуда-то началъ расти гулъ.

Еще кануло въ вѣчность нѣсколько времени.

Гулъ становился явственнѣе, ближе.

Вотъ, въ дверяхъ Пальчинскій. Затѣмъ маленькая фигурка съ острымъ лицомъ въ темной пиджачной парѣ и съ широкой какъ у художниковъ старой шляпенкѣ на головѣ.

А еще нѣсколько дальше звѣриныя рожи скуластыхъ, худыхъ, длинныхъ и плоскихъ, круглыхъ, удивительно глупыхъ лицъ. Рожи замерли въ созерцаніи открывшагося ихъ блуждающимъ, дикимъ взглядамъ ряда величественныхъ Царей Русскаго народа, скованныхъ золотомъ рамъ.

Я подвинулся, но идти не было силъ. Тогда я всталъ въ дверяхъ и прислонился къ косяку. Мимо прошелъ Пальчинскій, направляясь въ кабинетъ.

«Что, патроновъ у васъ достаточно?» — спросилъ я у юнкеровъ.

— «Такъ точно, господинъ поручикъ».

Но вотъ, жестикуляція широкополой шляпенки и гулъ, все растущій сзади, сдѣлали свое дѣло, и тѣ, передніе, качнулись, дернулись и полились широкой струей въ галерею.

Теперь шляпенка не звала ихъ, а сдерживала:

— «Держите, товарищи, дисциплину!» — урезонивалъ тягучій, рѣзкій голосъ. — «Тамъ юнкера!»

Толпа увидѣла въ дверяхъ зала двухъ юпошей, отважно, спокойно стоящихъ на колѣняхъ, чтобы можно было брать съ пола патроны и гранаты, сложенные съ боковъ дверей.

«Если Пальчинскій выйдетъ сейчасъ отъ Временнаго Правительства, гдѣ, очевидно, совѣщаются объ условіяхъ капитуляціи, — хотя неизвѣстно, кто ее будетъ принимать, — выйдетъ и прикажетъ открыть огонь, то первые ряды будутъ сметены, но послѣдующіе все равно растерзаютъ насъ. И если Правительство рѣшитъ сдаться, то эти звѣри юнкеровъ не пощадятъ. Такъ или иначе, а вамъ юпоши — смерть!» — смотря на юнкеровъ, думалъ я.

Снова вышелъ Пальчинскій и махнулъ рукой. Шляпенка засѣменила къ дверямъ. Толпа ринулась за нимъ.

— «Стой!» — кричалъ Пальчинскій, — «если будете такъ напирать, то юнкера откроютъ огонь!»

Упомянутое объ юнкерахъ опять сдержало звѣрье.

«Ну и поиздѣваются они надъ вами, мои дорогіе», — несло въ головѣ, смотря, какъ юнкера твердо держали винтовки, готовые по малѣйшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричавъ еще разъ призывъ къ революціонной дисциплинѣ, направилась къ нашей нишѣ и совмѣстно съ министромъ черезъ нее прошла въ кабинетъ.

Прошло нѣсколько утомительно-тяжелыхъ минутъ ожиданія послѣдующаго хода событій.

Обстановка была уже не въ нашу пользу. По винтовой лѣстницѣ напротивъ ниши, куда такъ растерянно засматривало «общественное мнѣніе», начали показываться свѣжія революціонныя силы, одинъ бандитъ краше другого. Тактически, для нашего сопротивленія, это представлялось ихъ торжествомъ. Мы уже годились лишь для того, чтобы умереть и, въ лучшемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, что единственно избавляло отъ лишнихъ мученій, что ускоряло развязку. И отъ осознанія этой, уже теперь, неизбѣжности я не могъ продолжать смотрѣть на юнкеровъ. Они волновали меня и ощущеніе какой-то вины передъ ними за свою невольную беспомощность отвратить отъ нихъ грядущее неизбѣжное все сильнѣе и острѣе пронизывало все мое существо. «По-

чему такъ долго ведутся разговоры? Неужели тамъ никто не понимаетъ, что каждая минута дорога, что обстановка можетъ такъ сложиться, что даже умереть съ честью нельзя будетъ. Ну, а если достигнуть какого либо соглашенія, то вѣдь надо же учитывать настроеніе этой черной массы, готовой уже во имя грабежа, во имя насыщенія разбуженныхъ животныхъ инстинктовъ, во имя запаха крови, которой ихъ дразнили весь вечеръ и ночь, потерять всякую силу воли надъ собою и тогда ринуться рвать и терзать все, что ни попадется подъ руки. Вѣдь вотъ, маленькій человекъ типа мастерового уже подобралъ съ матраца гранату и вертитъ ее въ своихъ трудовыхъ рукахъ. И стоитъ ему сдѣлать неосторожное движеніе, и она взорвется. А тогда васъ всѣхъ разорвутъ вмѣстѣ, не только съ этой, находящейся у васъ шляпенкой, но еще и съ десятками имъ подобнымъ. Да, да... чашу переполняетъ всегда лишняя, послѣдняя капля... А ты не философствуй. Забылъ, что тамъ штатскіе люди дѣятели кабинетовъ, уставшіе, задерганные и растерянные. Спѣши къ нимъ и спроси, чего хотятъ, если смерти, — то дать немедленный бой, ... а если... да если они захотятъ жить, то юнкера все равно пропадутъ. Эти новые, собирающіеся, эти уже понюхали крови тамъ внизу: у нихъ иной видъ, иной взглядъ. Боже мой, да если пойти докладывать, да объяснять, — потеряешь время. А если пачать дѣйствовать, — то тамъ у Правительства — шляпенка-парламентеръ, ихъ сотоварищъ. Боже, научи, что дѣлать?..» И вдругъ я догадался:

«Кто сзади, зайдите въ кабинетъ и просите разрѣшенія открыть огонь. Еще нѣсколько минутъ, и этого нельзя будетъ сдѣлать. — Живо!» — пошопотомъ, стараясь всѣми силами сохранить равнодушіе на лицѣ, бросилъ я въ темноту пиши приказаніе юнкерамъ, въ отношеніи которыхъ, въ данномъ случаѣ, я этимъ бралъ на себя самовольно руководство, а слѣдовательно и отвѣтственность.

— «Слушаюсь!» — донесся до меня отвѣтъ, а затѣмъ легкое шевеленіе, нарушившее соблюдаемую нами тишину, сказало мнѣ, что юнкера приняли мое вмѣшательство.

«Цѣлся въ матросовъ. Первый рядъ въ ближайшихъ, второй — въ слѣдующихъ. Стоящіе, возьмите на себя тѣхъ, кто у двери на винтовую лѣстницу. По командѣ «огонь» дать залпъ. Безъ команды ни одного выстрѣла. Гранаты бросать: первые къ лѣстницѣ, а затѣмъ влѣво. Бросать — только стоя. Пулеметъ есть?» — задавъ я вопросъ, отдавъ указанія словно рѣчь шла объ изяществѣ рамъ или о качествѣ паркета.

— «Никакъ нѣтъ! Пулемета нѣтъ!» — донесся шопотъ.

«Смотрите, не волноваться — только по командѣ».

Но въ этотъ моментъ дверь широко раскрылась, и изъ нея на фонѣ шумливаго разговора показались шляпенка и Пальчинскій. Масса, топтавшаяся на мѣстѣ и подпираемая новыми волнами все прибывающихъ снизу товарищей, уже давно перешла границу дозволеннаго и постепенно докатилась до насъ на разстояніе двадцати — двадцати пяти шаговъ. Въ галлерей уже было душно, и вонь виннаго перегара съ запахомъ пота насыщали воздухъ.

Вотъ шляпенка прошла мимо меня.

Масса, увидѣвъ ее, загудѣла, завопила и размахивая, кто винтовками, кто гранатами, ринулась къ нему.

— «Спокойствіе, товарищи, спокойствіе», — распластавъ руки въ стороны, кричала, поднимаясь на носки, шляпенка. «Товарищи! — дикимъ голосомъ

вдругъ завопила шляпенка. — Товарищи! Да здравствуетъ пролетаріатъ и его Революціонный Совѣтъ! Власть капиталистическая, власть буржуазная у вашихъ ногъ! Товарищи, у ногъ пролетаріата! И теперь, товарищи пролетаріи, вы обязаны проявить всю стойкость революціонной дисциплины пролетаріата Краснаго Петрограда, чтобы этимъ показать примѣръ пролетарію всѣхъ странъ! Я требую, товарищи, полного спокойствія и повиновенія товарищамъ изъ операціоннаго Комитета Совѣта!» . . .

Между тѣмъ, министръ Пальчинскій сообщалъ юнкерамъ рѣшеніе Правительства принять сдачу, безъ всякихъ условій, выражая этимъ подчиненіе лишь силѣ, что предлагается сдѣлать и юнкерамъ.

— «Нѣтъ, — раздались отвѣты, — подчиняться силѣ еще рано! Мы умремъ за Правительство! Прикажите только открыть огонь».

— «Безцѣльно и бессмысленно погибнете», — убѣждалъ новый голосъ.

— «И Правительство погубите этимъ», — доказывалъ третій.

— «Нѣтъ, о насъ они не должны думать. Слагать оружіе для сохраненія нашихъ жизней, мы не имѣемъ права требовать, но убѣждать сохранить свои мы должны и мы васъ просимъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Вы будете съ нами. Мы позаботимся о васъ или погибнемъ вмѣстѣ, но сейчасъ нѣтъ смысла!» — страстно, быстро убѣждалъ голосъ предѣдателя Совѣта Министровъ А. И. Коновалова.

Юнкера молчали . . .

Въ это время ораторствовавшая шляпенка выдохлась и уже давно отъ надрыва сипѣла.

«Одинъ выстрѣлъ. Все равно куда — и эта орава бросится и все сокрушитъ на своемъ пути», — ясно и отчетливо предупреждало сознание при видѣ, какъ отъ фанатическихъ выкриковъ шляпенки масса пришла въ неистовство и . . . рванулась впередъ, напирая на шляпенку. Министръ Пальчинскій вскочилъ на порогъ ниши. Я прижался къ косяку . . . «Поздно», — мелькнуло въ головѣ, и круги поплыли передъ глазами. Но послѣднее усиліе, и я отступилъ въ нишу. Министръ же смѣшался съ толпой. Юнкера вскочили. Я закрылъ на мгновеніе глаза.

«Огонь!» — мелькнуло въ головѣ. Но . . . выстрѣловъ не раздалось. «Если вы, юные, жертвуете собой и идете навстрѣчу страданіямъ, то не мнѣ ускорять разрѣшенія счетовъ съ жизнью», и я вышвырнулъ наганъ и сорвалъ Анненскую ленту съ рукоятки пашки.

«Ну, теперь терзайте меня», подумалъ я, ставъ у стѣнки ниши, противъ двери въ кабинетъ послѣдняго засѣданія Временнаго Правительства Россіи, и эта жалкая, трусливая мысль заслоняла собою отчетливость выраженія лицъ членовъ Правительства, стоявшихъ вокругъ стола и частью выжидающе вглядывающихся во входъ изъ ниши, а частью продолжающихъ что-то быстро, вполголоса говорить другъ другу. При этомъ одинъ изъ министровъ торопливо кончалъ рыться въ какихъ-то бумажкахъ и затѣмъ, подойдя къ стѣнѣ, куда-то торопливо засунулъ руку, послѣ чего, вернувшись къ столу, съ облегченіемъ сѣлъ.

Это мужество министра отвлекло меня отъ думы о себѣ и сразу создало какое-то оригинальное рѣшеніе войти, во что бы это ни стало, въ кабинетъ и понаблюдать, что будетъ дальше. И я, принявъ рѣшеніе, чуть было не пошелъ. «Стой! — остановилъ я себя, — подожди, когда войдетъ эта шляпенка, направляющаяся сюда, а то члены Правительства, увидѣвъ тебя первымъ, еще подумаютъ, что ты струсилъ и прибѣгаешь подъ ихъ защиту». —

И я пропустилъ войти въ дверь шляпенку, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ, за которыми уже и протиснулся въ кабинетъ и остановился у письменнаго стола передъ окномъ и сталъ наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло въ головѣ.

«Не думай — смотри!» — перебило сознание работу мысли.

И я смотрѣлъ.

Съ величественнымъ спокойствіемъ, какое можетъ быть лишь у отмѣченныхъ судьбою сыновей жизни, смотрѣли частью сидящіе, частью стоящіе члены Временнаго Правительства на злорадно торжествующую шляпенку, первоначально обращающуюся, то къ вошедшимъ товарищамъ, то къ храпящимъ мертвенное, пренебрежительное спокойствие членамъ Временнаго Правительства.

«А это что?»... — поднялся Терещенко и говоритъ, протянувъ руку, сжатую въ кулакъ. «Что онъ говоритъ?» — и я сдѣлалъ шагъ впередъ.

— «Сними шляпу»... но его перебиваетъ другой голосъ: — «Антоновъ, я васъ знаю давно; не издѣвайтесь, вы этимъ только выдаете себя, свою невоспитанность! Смотрите, чтобы не пришлось пожалѣть; мы не сдались, а лишь подчинились силѣ, и не забывайте, что ваше преступное дѣло еще не увѣнчано окончательнымъ успѣхомъ», — обращаясь къ перво-смѣющемуся, говорилъ новый голосъ, который я не успѣлъ опредѣлить, кому принадлежитъ, такъ какъ, въ этотъ моментъ, меня что-то шатнуло и передъ глазами выросла взломоченная голова какого-то матроса.

— «А вотъ гдѣ ты сволочь! Наконецъ попался!» — врѣзалось въ уши грубое, радостное удовлетворение матроса.

«Пусти руки, не давай воли рукамъ; что тебѣ надо? Я не знаю тебя!» — глупо растерянно защищался я словами, свалившимъ съ неба на землю.

— «Не знаешь? А кто меня арестовалъ на лѣстницѣ и отобралъ револьверъ?.. Отдай револьверъ!» — приставалъ мастросъ, дѣйствительно отпустивъ руки отъ воротника моего, мирнаго времени, офицерскаго пальто.

«Ого, съ нимъ можно разговаривать!» — пронеслась мысль.

«Какой револьверъ? Я тебя не знаю. Мало ли кого я забиралъ, такъ что-жъ я всѣхъ помнить долженъ? Голова!»...

— «Ну, печего тамъ, отдай револьверъ, а то»...

«Что — то? Видишь, у меня моего нѣтъ. Пойди въ Портретную Галлею и тамъ возьми; отстань отъ меня. Не мѣшай слушать!»...

— «Да ты мнѣ мой отдай. Я за него въ отвѣтъ буду».

«Врешь! Кому отвѣчать будешь? Начальства нѣтъ теперь для васъ, такъ печего зря языкомъ чесать. Смотри лучше, тамъ на столѣ нѣтъ ли какого револьвера», — убѣждалъ я его.

Но онъ вытащилъ изъ кармана кошелекъ и изъ него бумажку — удостоверение, что ея предъявитель, товарищ-матросъ такой-то, дѣйствительно, получилъ револьверъ системы поганъ за такимъ-то номеромъ отъ Кронштадтскаго Военно-Революціоннаго Комитета, куда по выполненіи возложенной на него задачи обязанъ вернуть означенный револьверъ. Слѣдовали подпись и печать комитета.

«Да ты правъ, ты долженъ былъ бы его вернуть, если бы имѣлъ. Но ты его потерялъ въ бою. Ты это и доложи», — урезонивалъ я его, въ то же время соображая, что онъ, или глухъ какъ пробка, или издѣвается надо мной. Мнѣ начинало надоѣдать и я сталъ нервничать.

— «Мнѣ не повѣрять, скажутъ, что я пропилю. Да чего тамъ болтать! Разъ взялъ чужую вещь, то долженъ знать, гдѣ она. Отдай револьверъ!» — приходя въ повышенное состояніе настроенія, снова началъ свои требованія матросъ, но на этотъ разъ замахиваясь кулакомъ.

«Стой, подожди!»... — остановилъ я его съ внутреннимъ ужасомъ, что онъ меня сейчасъ ударитъ, а затѣмъ...

И тутъ, подъ вліяніемъ ужаса, что меня ударитъ по лицу, я совершилъ гадость, мерзость. Я бросился къ стоявшему къ намъ спиною члену Временнаго Правительства: «Послушайте, избавьте меня отъ этого хама. Я не могу его убить, иначе всѣхъ растерзаютъ!» — говорилъ я, дергая его за плечо.

Онъ обернулся. Блѣдное лицо и колкіе, пронизывающіе глаза.

«Ахъ, это вы давеча что-то объясняли мнѣ!» — вспомнилъ я. «Вотъ этотъ матросъ требуетъ, чтобы я вернулъ ему револьверъ, который я у него отобралъ вечеромъ, во время очищенія перваго этажа у Эрмитажа. У меня его нѣтъ. Объясните ему», — быстро говорилъ я.

Старичокъ выслушалъ и принялся мягко что-то говорить матросу, который растерянно сталъ его слушать. Я же воспользовался этимъ и быстро отошелъ на свое старое мѣсто у письменнаго стола, рядомъ съ окномъ, и снова сталъ смотрѣть, что творится въ кабинетѣ.

Въ кабинетѣ уже было полно. Члены Временнаго Правительства отошли большею своею частью къ дальнему углу. Около адмирала вертѣлись матросы и рабочіе и допрашивали его.

Но вотъ, шляпенка-Антоновъ повернулся и прошелъ мимо меня въ нишу, и не входя въ нее, крикнулъ въ Портретную Галерею: «Товарищи, выдѣлите изъ себя двадцать пять лучшихъ, вооруженныхъ товарищей для отвода сдавшихся намъ слугъ капитала въ надлежащее мѣсто для дальнѣйшаго производства допроса».

Изъ массы стали выдѣляться и идти въ кабинетъ новые представители Красы и Гордости Революціи.

Между тѣмъ вниманіе вернувшейся назадъ шляпенки однимъ изъ членовъ Правительства было обращено на то, что его сподвижники все отбираютъ, а также хозяйничаютъ на столахъ. Ъдкое замѣчаніе задѣло шляпенку, и онъ началъ взывать къ революціонной и пролетарской порядочности и честности.

«А гдѣ же юнкера?» — спросилъ я прижавшагося къ стѣнѣ за дверью одного юнкера, только сейчасъ замѣчая его.

— «Часть увели въ залу, а я и еще нѣсколько здѣсь! Товарищи по ту сторону шкапа у стѣны», — отвѣтилъ онъ.

«А что вы думаете дѣлать?» — спросилъ я.

— «Что? Остаться съ Правительствомъ; оно, если само будетъ цѣло, сумѣетъ и насъ сохранить!» — отвѣтилъ онъ.

«Ну, я подъ защиту Правительства не пойду. Да съ нимъ и считаться не стану. Все равно разорвутъ», — отвѣтилъ я.

— «Но что же дѣлать?» — спросилъ онъ.

«А вы смотрите на меня и дѣйствуйте такъ, какъ я буду дѣйствовать», — отвѣтилъ я. И сталъ выжидать.

Комната уже наполнилась двадцатью пятью человекъ, отобранными шляпенкой.

— «Ну, выходите сюда!» — крикнулъ шляпенка членамъ Временнаго Правительства.

— «Ну да хранить васъ Богъ!» — взглянувъ на нихъ, мысленно попрощался я съ ними и вышелъ въ нишу.

Въ нишѣ, прислонившись къ косяку, стоялъ маленькій человѣчекъ, типа мастерового-мѣщанина, — недавній объектъ моего наблюденія.

«Послушайте, — тихо и быстро заговорилъ я съ нимъ, — вотъ вамъ деньги! . . . выведите меня и его, — я указалъ на юнкера, — отсюда черезъ Дворецъ къ Зимней Канавкѣ. Вы знаете Дворецъ», — продолжалъ я спрашивать его, словно онъ уже далъ мнѣ согласіе на мое абсурдно-дикое предложеніе провести черезъ огромнѣйшій Дворецъ, насыщенный ненавидящимъ насъ, офицерство, революціоннымъ отбросомъ толпы — чернью и матроснѣю.

— «Я что? Я такъ себѣ. Товарищъ прибѣжалъ ко мнѣ сегодня и зоветъ идти смотрѣть, какъ Дворецъ берутъ. Онъ въ винномъ погребѣ остался, а я, пенющій, вотъ и пришелъ посмотрѣть сюда на Божье попущенье», — тянулъ мастеровой, отмахиваясь отъ денегъ.

«Ладно, ладно, — потомъ расскажете!» — убѣждалъ я его, — «прячьте деньги и идите, а то сейчасъ и насъ заберутъ, а я не хочу вмѣстѣ быть», — убѣждалъ я.

Мастеровой крикнулъ, взялъ кошелекъ и, посмотрѣвъ въ разрѣдившуюся отъ массъ Портретную Галерею, наконецъ произнесъ: «Идите туда и тамъ подождите. Ежели они не замѣтятъ, я выйду и попробую провести», — закончилъ онъ.

«Ну, была не была! Помяни Царя Давида и всю кротость его . . . . .» — всплыла на память завѣщанная бабушкой молитва, и я, дернувъ за рукавъ юнкера, пошелъ въ Портретную Галерею навстрѣчу всякимъ дикимъ возможностямъ.

Юнкеръ шелъ за мной. Вышли. И тутъ снова возбужденіе оставило меня, и я, покачиваясь, едва дошагалъ до диванчика у противоположной стороны и сѣлъ.

«Дѣлайте, что хотите!» — несло въ головѣ. «Не могу идти», — рвало отчаяніе душу.

Мимо шли, бѣжали, а мы сидѣли. Юнкеръ тоже сѣлъ рядомъ со мной.

Наконецъ къ намъ подошелъ мастеровой. «Ихъ повели», — проговорилъ онъ. «Идите! Ой, не знаю, какъ выйдемъ, тамъ здорово вашего брата поколотили», — махнулъ онъ рукой.

«Я усталъ. Я не могу идти. Дайте курить», — попросилъ я.

— «У меня нѣтъ. Я этимъ не занимаюсь. Эй, товарищъ!» — крикнулъ онъ одному солдату, ковырявшемуся подъ матрацами, вытаскивая изъ-подъ нихъ револьверы и винтовки. И тутъ я замѣтилъ, что такихъ «ковырялъ» было много, и что всѣ заняты, очевидно, одной мыслью что-нибудь забрать, утащить. Были и такіе, что съ диванчиковъ отпарывали плющъ. «Гіены», — мелькнуло сравненіе и вспомнилось, какъ подъ Люблиномъ я однажды такихъ обиралъ отгонялъ отъ тѣлъ убитыхъ товарищей, при луиномъ свѣтѣ прелестной лѣтней ночи. И на сердцѣ засосала безысходная тоска.

— «Вотъ есть папироска. Кури сердечный, облегчаетъ! . . . Ишь лица нѣтъ на человѣкѣ», — говорилъ, давая мнѣ папиросу, взятую у «товарища», мастеровой.

«Ахъ, ты русская натура» . . . — съ наслажденіемъ затягиваясь, думалъ я, и почему-то на память набѣжали первыя строчки описанія Дибъира: «Чуденъ Дибъиръ при тихой погодѣ . . .»

«Ну, идемте», — поднялся я.

— «Пора!» — подтвердилъ мастеровой; и я, молчаливый юнкеръ и мастеровой пошли. Въ головѣ снова образовалась какая-то пустота, и я, идя, почти не отдавалъ себѣ отчета въ совершающемся вокругъ и не замѣчалъ пути, по которому мы шли. Я ясно запечатлѣвалъ лишь необходимость сохраненія, какъ можно болѣе ярко выраженнаго, равнодушія ко всему окружающему — чему учила меня то, чѣмъ я привыкъ руководствоваться за войну, — интуиція.

Мы шли медленно. Иногда насъ останавливали вопросами, на которые или мастеровой, или я давали отвѣты.

Наконецъ, мы добрались до арки. Прошли черезъ нее, среди бушующаго моря головъ. Съ площади неслась стрѣльба. Подъ аркой была темнота, и мы также благополучно протолкались въ первый этажъ слѣдующаго зданія. «Идти въ ворота нельзя», — говорилъ мастеровой, — «тамъ насъ всѣхъ арестуютъ, а васъ разстрѣляютъ. Тамъ кровью пахнетъ!» — на ухо шепталъ онъ мнѣ.

«Да, да», — согласился я, «потому и просилъ васъ вывести на канавку», — отвѣчалъ я, довольный, что пока все идетъ отлично и мой интуитивный расчетъ меня не обманулъ и на этотъ разъ.

Въ вестибюлѣ, гдѣ у меня было такъ много связано со всѣмъ этимъ злосчастнымъ днемъ, толпа рабочихъ и солдатъ взламывали ящики, о которыхъ казаки говорили, что они съ золотомъ и брилліантами. Я на одну минуту просунулъ голову между плечъ, чтобы замѣтить содержимое, но неудачно. Мѣшкать же было нельзя и мы продолжали идти. Прошли мимо лѣстницы, на которой я взялъ въ плѣнъ матроса, отъ котораго дважды пришлось ускользать.

Но вотъ корридоръ. Затѣмъ лѣстничка, на которой спѣшащая во Дворецъ группа солдатъ Павловскаго полка учинила допросъ и, удостовѣрившись, что ни у меня, ни у юнкера нѣтъ оружія, оставила насъ въ покоѣ и пошла дальше.

Мы тоже двинулись. Но вдругъ мастеровому пришло въ голову какое-то рѣшеніе, и онъ, оставивъ насъ ожидать его, побѣжалъ вслѣдъ за уходящими. Черезъ минуту онъ вернулся съ солдатомъ Павловцемъ и обращаясь ко мнѣ сказалъ, что дальше насъ будетъ вести этотъ солдатъ, а онъ долженъ вернуться назадъ. Я и юнкеръ поблагодарили его за услугу и мы разстались.

Но вотъ мы и на Милліонной. Въ концѣ ея, у Марсоваго Поля, трещали пулеметы, а сзади гудѣла толпа и среди нея горѣли огни броневиговъ.

На Милліонной же было пусто, темно. Мы шли по серединѣ улицы.

Но вотъ навстрѣчу попалась группа изъ 3-хъ человекъ. Въ темнотѣ нельзя было видѣть, кто идетъ. Нашъ сопровождающій окликнулъ. Оказались Преображенцы. Онъ справился о комитетѣ полка, подѣ сѣнь котораго онъ предполагалъ насъ сдать для ночлега, такъ какъ черезъ Марсово Поле пройти ужъ никакъ нельзя было бы изъ-за патрулей.

Спрошенные отвѣчали, что онъ еще засѣдаетъ и чтобы мы спѣшили.

— «Полкъ держитъ нейтралитетъ, и комитетъ взялъ на себя охрану порядка; онъ и васъ приметъ», — говорилъ онъ, идя съ нами дальше.

«Итакъ, я въ плѣну. Оригинально. Ну, посмотримъ, что произойдетъ дальше», — рѣшалъ я, — какъ солдатъ объявилъ, что мы пришли, и вошелъ въ открытую дверь одного изъ домовъ по лѣвой сторонѣ Милліонной, откуда на улицу падала полоска свѣта.

Вошли. Передняя — пусто. Прошли въ корридоръ, голоса изъ ближайшей комнатки насъ остановили у ея двери. Солдатъ вошелъ и черезъ нѣсколько секундъ выскочилъ, прося «пожаловать».

Маленькая комната. Накурено. Усталыя лица двухъ поднятыхъ головъ отъ какой-то бумаги повернулись въ нашу сторону.

— «Кто вы?» — раздался вопросъ. Спрашивалъ офицеръ.

Меня что-то обожгло. «Я изъ Зимняго. Защищаль Временное Правительство. Дворецъ взяли. Правительство арестовано. Ради Бога, капитанъ, во имя чести вашего мундира, дайте мнѣ одну изъ вашихъ ротъ. Надо идти туда. Поднимайте солдатъ», — горячо понесъ я вздоръ, забывъ, гдѣ нахожусь, видя предъ собой лишь офицерскіе погоны.

— «Вы съ ума сошли!» — вскочилъ офицеръ. «Вы не туда попали! Какой Зимній? Какъ вы могли оттуда выйти? Глупости!.. Идите въ другой полкъ, у насъ нѣтъ свободнаго мѣста», — рѣзко отчеканивалъ онъ.

«Да нѣтъ», — вмѣшался юнкеръ, — «мы оба оттуда. Временное Правительство арестовано на нашихъ глазахъ! Господинъ поручикъ говоритъ правду».

— «Арестовано? Кто?» — раздался вопросъ съ порога другой комнаты. Я взглянулъ въ сторону вопроса: спрашивающій оказался солдатомъ.

— «Чепуха», — проговорилъ капитанъ, — «они повторяютъ какія-то сказки о томъ, что Зимній кѣмъ-то взятъ. У насъ мѣста нѣтъ; не мѣшайте намъ. Идите въ Павловскій полкъ», — снова твердо отчеканивалъ капитанъ. «Послушайте», — обратился онъ къ вошедшему, — «вотъ здѣсь, мы съ прапорщикомъ...»

«Извините, что безноконли», — наконецъ соображая, что упоминаніемъ о Зимнемъ мы вредимъ себѣ, отвѣтилъ я и вышелъ.

Нашъ сопровождающій еще былъ въ корридорчикѣ.

«Вотъ что, любезный, отведите насъ въ Павловскій полкъ. Здѣсь нѣтъ мѣста», — попросилъ я.

Солдатъ согласился и мы двинулись.

Тенерь пулеметы стучали громче. Мѣстами щелкали винтовки.

— «Разстрѣливаютъ», — прервалъ молчаніе солдатъ.

«Кого?» — справился я.

— «Ударницъ!»... — и помолчавъ, добавилъ: «Ну и бабы, бѣдовыя. Одна полъ роты выдержала. Ребята и натѣшились! Онѣ у насъ. А вотъ, что отказывается, или больна которая, ту сволочь сейчасъ къ стѣнкѣ!»...

«Ого, куда я попаду сейчасъ!» — пробѣжала жуткая мысль въ головѣ... «Эхъ, все равно!»

Въ этотъ моментъ раздался окликъ: «кто идетъ?» — и на фонѣ справа, вне-реди свѣтящагося сиротливо фонаря показался матросъ.

Но не успѣли мы что либо отвѣтить, какъ матросъ, завопивъ: «А, офицерская сволочь!» и схвативъ винтовку на перевѣсъ, сдѣлалъ выпадъ въ меня.

«Въ животъ!» — мелькнуло въ головѣ, и я невольно закрылъ глаза.

«Отчего не больно?» — несло въ головѣ, и я открылъ глаза.

Передъ мною стояла спина сопровождающаго меня солдата. Я продвинулся вправо. Матросъ лежалъ на землѣ, мокрый отъ изрѣдка морозящаго дождика и что-то бормоталъ.

«Бѣгите вправо на уголъ! Я сейчасъ», — бросилъ мнѣ солдатъ, продолжая держать винтовку за штыкъ.

Я обѣжалъ фонарь и, подойдя къ углу, остановился. Юнкера не было. Онъ еще раньше убѣжалъ.

«Какъ быстро все произошло», — соображалъ я, поджидая солдата, который и не замедлилъ подойти.

— «Сволочь!» — говорилъ онъ. «Этихъ матросовъ мы за людей не считаемъ. Имъ только рѣзать да пить!.. Будетъ собака помнить!»... — закончилъ онъ, шагая рядомъ.

«А что ты ему сдѣлалъ?» — по старой привычкѣ обратился я къ нему на «ты» съ вопросомъ.

— «Да ничего особеннаго, Ваше Благородіе». И помолчавъ, добавилъ: «У нихъ, сволочей, всегда кольца на рукахъ, а у меня тутъ бабенка одна, такъ я для нее и снялъ у него. Пьянъ собака! Теперь, поди, уже спитъ. Я его къ тротуару оттащилъ, чтобы броневикъ не переѣхалъ. А вотъ и наши патрули. Я васъ сдамъ имъ, чтобы они васъ проводили. Да вы, ваше Благородіе, не говорите, что изъ Дворца. Я имъ скажу, что вы изъ города сами пришли въ Преображенскій полкъ, да тамъ мѣста нѣтъ, вотъ васъ сюда и послали», — говорилъ заботливо мнѣ мой спутникъ.

«Ну, спасибо за совѣтъ. Только, родной, у меня денегъ нѣтъ. Я всѣ отдалъ!»

— «Что вы, ваше Благородіе! Я изъ кадровыхъ, съ понятіемъ. Мнѣ, да и многимъ нашимъ ребятамъ такъ тяжело видѣть, что дѣлается въ Матюшкѣ Россей, что мы и въ толкъ не возьмемъ. А господь офицеровъ мы по прежнему уважаемъ и очень сочувствуемъ. Да что дѣлать, кругомъ словно съ ума сошли! Ну, будьте счастливы!..» И солдатъ подбѣжалъ къ остановившемуся патрулю.

Черезъ минуту я былъ въ корридорахъ Павловскихъ казармъ, куда меня ввели двое патрульныхъ.

— «Откуда?» — спросилъ болтавшійся въ корридорѣ солдатъ.

Я молчалъ — соврать солдату мнѣ было стыдно.

— «Со стороны», — въ голосъ отвѣтили патрульные.

— «Ладно; въ ту дверь, ежели со стороны; а вы поменьше таскайте всякій хламъ», — говорилъ онъ, уже обращаясь къ патрульнымъ.

«Какой это хламъ?» — устало соображалъ я, идя къ указанной двери. — «Черезъ комнату, въ слѣдующую!» — крикнулъ мнѣ велѣдъ солдатишко, когда я отворилъ дверь.

Въ комнатѣ было тепло, грязно, полусвѣтло и пусто. Изъ двери налѣво доносились какіе-то звуки. Прислушался: стонъ то повышаясь, то понижаясь, продолжалъ залазить въ эту грязь четырехъ бѣлыхъ стѣнъ. Пошелъ къ двери напротивъ. Открылъ ее остановился въ изумленіи.

Первое, что бросилось въ глаза и поразило меня, былъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью. На немъ стояли цвѣты. Бутылки отъ вина. Груды какихъ-то свертковъ, а на ближайшемъ краѣ къ двери, раскрытая, длинная коробка съ шоколадными конфетами, перемѣшанными съ бѣлыми и розовыми помадками.

«Что это? Куда я попалъ?» — задавая себѣ вопросы, не сводя глазъ съ конфетъ, тихо направился я къ столу и вдругъ спотыкнулся. И только тутъ я окончательно осмотрѣлъ и запечатлѣлъ обстановку большой, длинной комнаты, наполненной такъ людьми, что я теперь не понимаю, какъ я не замѣтилъ этого сразу, а обратить лишь вниманіе на какіе-то конфеты, пакеты и

бутылки, дѣйствительно лежавшіе на столѣ, а не примерещившіеся. То же, что заставило меня спотыкнуться, было спящее тѣло офицера. И такими, издающими храпъ съ подскрипами, была наполнена вся комната. Они лежали на полу, на диванчикахъ, на походныхъ кроватяхъ и стульяхъ. «Странная компанія», — думалъ я, наблюдая это царство сна. Но вотъ какіе-то голоса изъ слѣдующей комнаты. Пробрался туда. Та же картина, только обстановка комнаты изящнѣе.

«Офицерское Собраніе полка», — наконецъ догадался я.

Опять раздался разговоръ, — прислушался, присмотрѣлся. Говорить сѣдоватый полковникъ, склонивъ голову на руки, сидя за столомъ. Отвѣчаетъ лежащій на диванѣ.

Я пробрался къ говорившему и позвалъ его.

«Господинъ полковникъ!» — тихо звалъ я его. Услышалъ. Поднялъ голову и окинулъ меня осоловѣвшими, припухнувшими глазами.

«Господинъ полковникъ», — продолжалъ я, — я изъ Зимняго Дворца. Ужасно усталъ. Могу я остаться здѣсь и лечь отдохнуть, или надо еще кому либо ливиться?»

— «Глупо. Разъ вы здѣсь, то дѣлайте, что хотите, но не мѣшайте другимъ!» — отвѣтилъ полковникъ, и голова опять легла на руки.

«Боже мой, что же это?.. Сколько здѣсь офицеровъ! На кроватяхъ. Цвѣты. Конфеты. А тамъ»... — и образы пережитаго, смѣшиваясь и переплетаясь въ кинематографическую ленту, запрыгали передъ глазами, и я, забравшись подъ столъ, уснулъ, положивъ голову на спятое съ себя пальто.

Проснулся я въ десятомъ часу. Въ комнатѣ стоялъ шумъ отъ споровъ, смѣха и просто разговоровъ. Солнце лупило во всю. Было ярко и странно.

«Почему надо мной какой-то столъ? Что за гостинная? Что за люди? Гдѣ я?» — быстро промелькнули недоумѣнные вопросы, но сейчасъ же исчезли отъ воспоминанія о ночномъ, о вчерашнемъ.

«Гдѣ братъ? Что съ нимъ?» — впервые выросъ вопросъ тревоги о любимомъ братѣ, гордости нашей семьи.

«Господи, милый, славный, Господи! Что же это теперь будетъ съ Россіей, со всѣми нами?» — и я принялся читать «Отче Нашъ». — Молитва успокоила, и я вылезъ изъ-подъ стола. Офицеры, которые преобладали въ наполнявшей комнаты публикѣ, кончали пить чай. Около нѣкоторыхъ столиковъ сидѣли дамы.

«Что за кунсткамера?» — зло заработала мысль.

«Что здѣсь дѣлаютъ дамы? Ну, ладно, умоюсь, поѣмъ и выясню, въ чемъ дѣло!» — «Послушайте, гдѣ здѣсь уборная?» — справился я у пробѣгавшаго мимо солдата съ пустымъ подносомъ.

«Тамъ», — махнулъ онъ рукой на дверь, черезъ которую я вчера вошелъ сюда.

И пошелъ. Изъ пустой слѣдующей комнаты, гдѣ я слышалъ стоны, я ткнулся во вторую дверь и попалъ въ большую, когда-то залу, а теперь ободранную комнату, съ валяющимися и еще спящими тѣлами, въ которыхъ я узналъ юнкеровъ.

Около уборной — солдатской, я увидѣлъ, черезъ окно въ другомъ помещеніи, дикую картину насилуванія голыи женщины солдатомъ, подъ дикій гоготъ товарищей.

«Скорѣе вонъ отсюда!»... — и я, не умываясь, бросился назадъ.

Черезъ часъ я позналъ тайну убѣжища для гг. офицеровъ, мило болтавшихъ съ дамами.

Еще на нѣсколько дней до выступленія большевиковъ гг. офицеры Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба потихохоньку и полегохоньку обдумали мѣропріятія на случай такого выступленія. И вотъ, это убѣжище оказалось однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Находящіеся здѣсь всѣ считались добровольно явившимися подъ охрану комитета полка, объявившаго нейтралитетъ. Такимъ образомъ создавалась безболѣзненная возможность созерцанія грядущихъ событій: «а что, молъ, будетъ дальше?»

Но вотъ меня окликнулъ молодой офицеръ съ эксельбантами.

— «Вы меня не узнаете? Я адъютантъ Петергофской Школы прапорщиковъ. Васъ я видѣлъ въ Зимнемъ. Какъ вы попали сюда? Ваши юнкера рассказывали, что васъ выбросили въ окно, а вы себѣ здѣсь.. ха, ха, ха»... — заливался отъ плоской шутки красивый поручикъ.

«Послушайте, я ужасно хочу ѣсть», — перебилъ я его, — «но денегъ съ собою у меня нѣтъ. Не найдется ли у васъ свободныхъ суммъ? Я вамъ, если будетъ все благополучно, пришлю по адресу, какой вы мнѣ укажете», — попросилъ я у поручика.

— «Пожалуйста, ради Бога, для васъ все, что угодно. Вотъ, разрѣшите четвертную. Этого будетъ достаточно?» — любезно предложилъ онъ мнѣ.

«За глаза! Огромное спасибо. Вотъ мой адресъ, на случай, если событія вытѣснятъ у меня изъ головы мое обязательство».

— «Я адресъ возьму, не для этого, а какъ память о васъ», — слобезничалъ адъютантъ, стрѣляя глазами въ даму въ огромнѣйшей шляпѣ, украшенной перьями.

За болтовней, а затѣмъ за завтракомъ, за который взяли 10 рублей, — время незамѣтно бѣжало.

Въ это время въ комнатахъ началось оживленіе.

«Комиссаръ изъ Смольнаго пріѣхалъ», — раздавалась изъ устъ въ уста новость, вызывая коментаріи.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату высокій красавецъ вольноопредѣляющійся — студентъ Петроградскаго Университета. Въ вошедшемъ я узналъ того вольноопредѣляющагося, который въ качествѣ парламентаря велъ переговоры съ Комендантомъ Обороны Зимняго Дворца.

Новая ниточка, — рѣшилъ я, выслушавъ его заявленіе о томъ, что онъ уполномоченъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ выдать удостовѣренія на право свободнаго прохода по городу тѣмъ изъ офицерамъ, кто явился сюда самъ, или кого привели патрули, забравъ на улицахъ города, но безъ оружія въ рукахъ и не въ районѣ Зимняго Дворца. Тѣхъ же, кто защищаль Временное Правительство, отправятъ въ Петропавловку.

— «И пожалуйста, — закончилъ онъ, — разбейтесь на группы и составьте списки. При этомъ для офицеровъ Генеральнаго Штаба долженъ быть отдѣльный списокъ».

— «Вотъ это хорошо!» — заволновался подполковникъ, — «я всѣхъ нашихъ знаю и я вамъ, господинъ комиссаръ, его сдѣлаю», — съ улыбкой, почти тельно говорилъ молодой подполковникъ.

«Какой ты подполковникъ? Ты подхалимъ, а не офицеръ! Но что же со мной будетъ? Ей-Богу, въ Петропавловку не хочется», — подходя къ окну и смотря на улицу, соображалъ я.

На ней было пустынно, но ярко, свободно.

Но вот загремѣло и показался грузовикъ съ рабочими, сжимающими въ рукахъ винтовки.

— «Канны поѣхали», — произнесъ надъ ухомъ знакомый голосъ свое за-
ключеніе.

«Нѣтъ, слѣпые и обманутые!» — отвѣтилъ я, не оборачиваясь.

— «Ты живъ?»

«Глухой вопросъ!»

— «Ну чего злишься? — Ты знаешь, какіе у меня нервы», — беря за руку, вкрадчиво говорилъ Баклановъ.

«Ну, ладно. Горбатаго могила исправить, господинъ присяжный повѣрен-
ный. Ну, ну, хорошо, я не буду. Скажи, какъ ты сюда попалъ? Я тебя и не замѣтилъ», — прочитавъ слѣды отчаянія на какъ-то сильно осунувшемся лицѣ поручика, заговорилъ я, уже значительно смягчаясь.

— «Потомъ. Тяжело вспоминать! Били... Погоны сорвали... А теперь разстрѣляютъ», — плаксиво закончилъ поручикъ.

Я молчалъ.

— «Начальникъ Школы убить», — вдругъ произнесъ онъ.

«Царствіе Небесное!» — и я перекрестился.

«Вотъ и прекрасно, если разстрѣляютъ, скорѣе увидимся съ нимъ, черезъ нѣсколько мгновений», — не выдавая ни однимъ мускуломъ ощущенія этого горя, такъ грубо мнѣ преподнесеннаго злымъ поручикомъ, подумалъ я.

Баклановъ понялъ и отошелъ.

Черезъ минуту другой голосъ привѣтствовалъ меня.

Оборачиваюсь — прапорщикъ Одинцовъ младшій. Я, искренне обрадован-
ный, бросился къ нему.

Между тѣмъ офицеры составили листы съ фамиліями по группамъ.

Разгуливая съ Одинцовымъ, мы подошли и, случайно остановившись около
группы изъ Генеральнаго Штаба, услышали восторги по адресу Смольнаго:

— «Они безъ насъ, конечно, не могутъ обойтись!»

— «Нѣтъ, тамъ видно головы, что знаютъ вещамъ цѣну», — говорилъ
одинъ, вызывая осклабливанія у другихъ.

— «Да, это не Керенскаго отношеніе къ дѣлу!»... — глубокомысленно
подхватилъ другой.

— «Ха-ха-ха... Этотъ сейчасъ мечется, какъ бѣлка въ колесѣ. Отъ
одного антраша переходитъ къ другому — передъ казаками, которыхъ также ли-
шатъ невинности, какъ и ударницъ», — грубо сострилъ третій.

— «Господинъ поручикъ, вы живы? Какъ хорошо, что я заглянулъ сюда!»
— выростая предо мною, говорилъ юнкеръ Н., членъ Совѣта нашей Школы.

«Здравствуйте. А что вы здѣсь дѣлаете?» — справился я.

— «Я изъ Смольнаго, куда ѣздилъ отъ Комитета Спасенія и Городской Думы
съ ходатайствомъ скорѣйшаго освобожденія юнкеровъ. И вотъ получилъ бу-
мажку — приказаніе — выпустить и направить въ Школу. Идемте со мной.
Я васъ выведу. Еще есть кто-нибудь изъ гг. офицеровъ?» — говорилъ, по-
ражая меня, юнкеръ Н.

Черезъ пять минутъ я подошелъ къ уже выстроившимся юнкерамъ для
возвращенія домой въ Школу. Встрѣча была теплая, но крайне грустная —
мы не досчитывались многихъ товарищей.

Подъ свистъ изъ оконъ казармъ мы произвели перестроеніе и пошли, соблюдая ногу и должный порядокъ. На повозкѣ ѣхали побитые и Баклановъ. Впереди и сзади шелъ караулъ отъ Павловскаго полка, очень пригодившійся на мосту чрезъ Фонтанку у цирка Чинизелли, гдѣ уличные хулиганы начали швырять камнями въ юнкеровъ, виновныхъ лишь тѣмъ, что обладали чистыми душами и сердцами.

Прийдя, наконецъ, въ школу и поблагодаривъ юнкеровъ за проявленную дисциплину духа, я распустилъ ихъ изъ строя и пошелъ здороваться съ полковникомъ Киткинымъ, вышедшимъ встрѣчать насъ на подъѣздъ.

Съ милой улыбкой на своихъ сочныхъ губахъ, помощникъ Начальника Школы теперь, потирая руки, восхищался своею дальновидностью:

— «Я говорилъ, что ничего не выйдетъ, кромѣ позора. Ну, теперь убѣдились! Такъ ужъ не жалуйтесь, что пришлось много тяжелаго перенести. Сами виноваты — нечего соваться туда, гдѣ ничего не потеряли. Ну, а теперь пойдете, выпьемъ водченки!» — предложилъ онъ, заканчивая свои милые изліянія. Но я отказался отъ этой чести, сославшись на головную боль.

Зато черезъ нѣсколько минутъ я бесѣдовалъ съ Борисомъ, а затѣмъ съ явившимся капитаномъ Галиевскимъ, грустнымъ отъ общей боли, отъ человѣческой подлости и глупости.

— «... Я безконечно счастливъ, что моя рота юнкеровъ такъ стойко и мужественно вела себя, что по сдачѣ Дворца даже эти господа оставили у насъ оружіе и безпрепятственно пропустили съ баррикадъ прямо идти въ Школу», — тихо, съ гордостью, говорилъ капитанъ.

«Да, да», — соглашались мы. Большинство юнкеровъ прекрасно зарекомендовало себя. Тяжело будетъ, если не удастся ихъ довести до производства въ офицеры. Въ такихъ на фронтѣ только и нуждаются, — и тихая бесѣда насъ переносила то къ далекому готовящемуся къ зимовкѣ фронту, то къ переживаемымъ явленіемъ политической жизни Родины, въ которую вкропился и такой день, какъ вчерашній.

«Да — дѣлали мы выводы, много было страннаго за эти часы, вчерашняго дня и сегодняшней ночи... Да! Защищать положеніе, сопровождая его требованіями не открывать огня. Оригинально... и подлежить выясненію, въ чемъ зарыта «собака»... Ну да, Богъ видитъ правду, и хоть не скоро ее скажетъ, но все же скажетъ... Доживемъ ли?..»

«Ну, пора и по домамъ», — наконецъ рѣшили мы, и разстались.

А еще черезъ три часа я пилъ шампанское за здоровье брата, оказавшагося тоже на свободѣ, и началъ строить планъ мести офицерамъ Генеральнаго и Главнаго Штабовъ, за издѣвательство надъ нами, — вызывая своими планами смѣхъ у прелестной хозяйки дома.

И вотъ, этими своими, воспоминаціями, я отдаю на судъ исторіи, для нахождения истины и для воздаянія каждому по дѣламъ его, лицедѣевъ дня 25 октября 1917 года.

И дѣлаю я это въ память погибшихъ и пострадавшихъ юнкеровъ, гг. офицеровъ и героинь-ударницъ! Да простятъ мнѣ то, что я еще живъ, мои славные, честные, боевые друзья!..